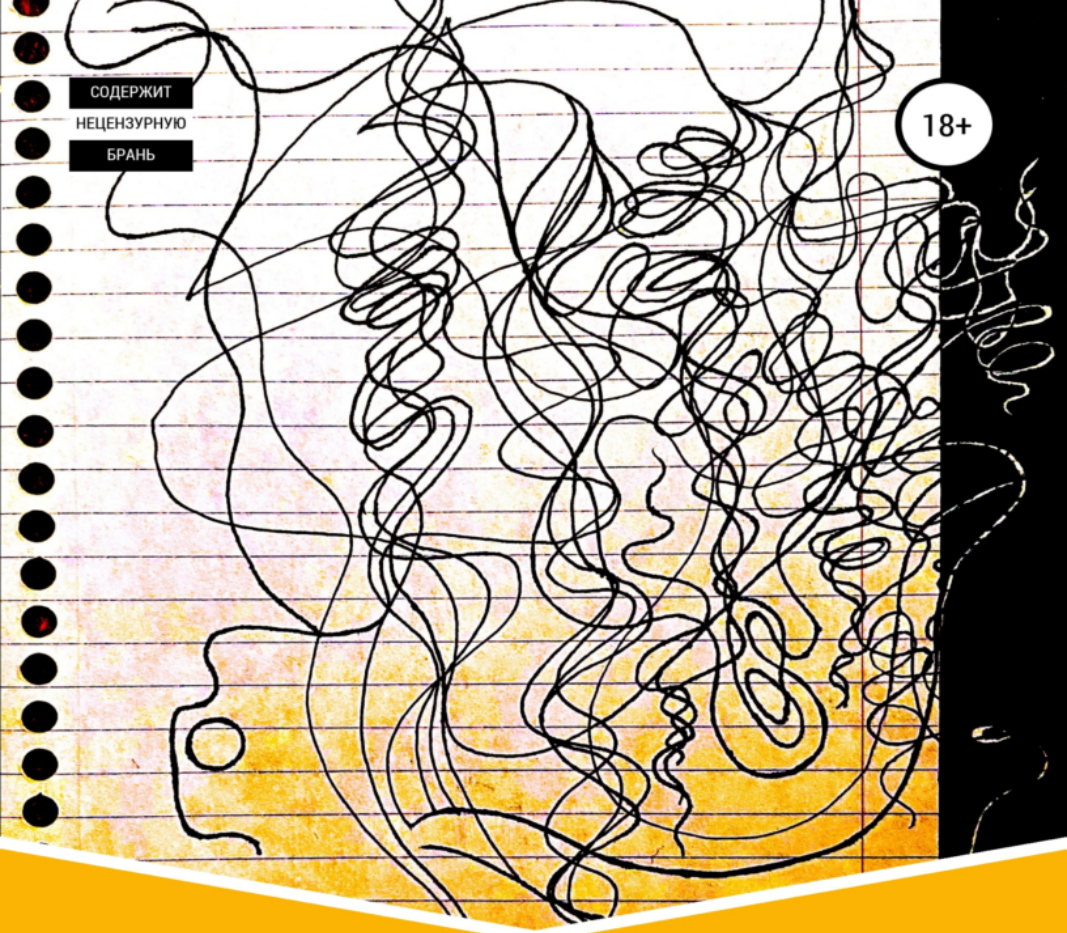

Мерси Шелли

Сетевое окружение

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мерси Шелли – псевдоним писателя, журналиста и футуролога Алексея Андреева, который известен любителям фантастики по романам «Паутина» и «2048», ставшим классикой русского киберпанка. В сборнике рассказов «Сетевое окружение» автор вновь обращается к теме влияния высоких технологий на нашу жизнь – здесь есть и социальная сеть для алкоголиков, и трудности знакомства с девушками во время эпидемии, и борьба со свихнувшимся искусственным интеллектом, и даже метод достижения бессмертия с помощью креветок.

Содержит нецензурную брань.

- Мерси Шелли
  - Голос
  - Фляжка
  - Палец Христофора
  - Братья и сёстры
  - Звезда Койота
  - Девушка в центре зала
  - Креветка
  - Алгоритмы
  - Хайкай
  - Перколяция
  - Город невест
  - Маза

Мерси Шелли
Сетевое окружение

Голос

Жил-да-был Голос. Он жил в телефонных проводах. Вернее, так: он жил в телефонной сети, потому что больше нигде жить он не мог. Выражаясь более современным языком, у него не было Постоянного Носителя. Так бывает, хотя и не часто.

Откуда же взялся Голос? Мы не знаем. Может быть, возник сам собой. Говорят, что-то подобное может случиться, когда количество электронных переключателей на телефонных станциях мира достигнет некоторого критического порога, что-то вроде числа нейронов в человеческом мозге. А может, всё было и не так. Может быть, это был чей-то потерявшийся Голос. По крайней мере, самому Голосу второе предположение нравилось больше – это оставляло надежду на то, что он найдёт-таки свой Носитель.

Но найти было не так-то просто. Все люди, пользовавшиеся телефонами, имели собственные голоса, а наш Голос был очень ненавязчивым. То ли из боязни, что его обнаружат, то ли от какой-то врождённой скромности он никому не хотел мешать. Однако время от времени ему приходилось нарушать это правило. Чтобы не умереть.

Дело в том, Голосу нужно было всё время говорить, а точнее, разговаривать. А поскольку никого другого в проводах не было, он мог разговаривать только с людьми, которые пользовались телефонами. Конечно, он не говорил им, кто он на самом деле. Он просто изображал других людей. За свою не очень долгую жизнь (мы полагаем, что он родился в 60-е годы в Соединённых Штатах – но никто, конечно, не знает точно)… так вот, за всё это время он прослушал массу телефонных разговоров, и мог при желании прикинуться и маленькой обидчивой девочкой из Норвегии, и иранским полковником авиации в отставке, и любым другим человеком.

Сам он почти никогда никому не звонил. Только в крайних случаях, когда ничего другого уже не оставалось делать. Тогда он звонил кому-нибудь наугад и делал вид, что не туда попал. Или что он проводит телефонный опрос на тему: кого Вы больше любите – кошек или собак? «Пежо» или «Тойоту»? Были у него и другие игры подобного рода. Но, как мы уже сказали, он был очень ненавязчивым Голосом, и делал так только тогда, когда больше говорить было не с кем. А говорить, точнее, разговаривать, было для него самым главным в жизни.

К счастью, телефонная система мира была огромной и

шумной: в среднем, каждую минуту на планете происходило около шестисот двадцати тысяч телефонных разговоров. Голос слушал и выбирал. Услышав, что где-то включился автоответчик и голосом хозяйки телефона сообщает, что никого нет дома, Голос мчался по проводам к этому телефону, и – оп! – звонящий на том конце провода слышал, что хозяйка телефона, прервав свой автоответчик, отвечает сама. Конечно, это был Голос. Он переключал звонящего на свою линию и отвечал ему нежным голосом его девушки: «Ой, привет, я только вбежала, слышу – а ты уже мой автоответчик ругаешь!»

Звонящие никогда не догадывались, что их немножко обманывают. Конечно, Голос не знал всех фактов из их жизни, и иногда ошибался. Но он быстро научился сдвигать разговоры в такие области, где вовсе не нужно знать, кто где родился, сколько у кого детей и денег, и так далее. Да люди и сами частенько любят поболтать на отвлечённые темы. Если же ситуация совсем поджимала, Голос притворялся простуженным, или устраивал в трубке помехи.

Иногда Голос даже помогал своим собеседникам. Когда он слышал, что кто-то в сердцах бросает трубку, он перехватывал линию в самый последний момент, и говорил человеку, оставшемуся на проводе: «Ладно, извини, что-то я разорался сегодня… Устал на работе. Так и быть, мы поедем летом на озеро… только не называй меня больше занудой!» А потом он звонил бросившему трубку и, изменив голос, говорил: «Спокойной ночи, милый! Я была не права, не обижайся, пожалуйста. Это же ясно, что ты устал сегодня, и не духе обсуждать планы на лето. Давай лучше поговорим об этом в выходной».

Так и жил Голос. Он не мог жить без разговоров, и если чувствовал, что говорящий с ним человек собирается дать отбой, он снова начинал «в пол-уха» прослушивать всю мировую телефонную сеть. И заканчивая один разговор, тут же перескакивал на другой. А как он начинал разговоры, вы уже знаете.

# # #

Так и жил бы себе Голос, разговаривая со всем миром и не особенно сожалея о том, что нет у него Постоянного Носителя. Но случались с ним и неприятные приключения.

Однажды он застрял в телефоне-автомате провинциального городка: сильный ветер порвал провода, и Голос не мог вернуться в мировую телефонную сеть из маленькой местной сети

автоматов. Автоматы были исправны, но не имели связи с миром из-за обрыва кабеля.

Единственное, что спасло Голос – на вокзале в одной из кабинок трубку не повесили на рычаг, и она болталась на проводе, издавая гудки. Голос весь сконцентрировался в этих гудках, они стали громче, сложнее, и звучали теперь почти как мелодия, сыгранная на органе. На вокзале было много людей, они знали, что телефоны сломались – но они разговаривали между собой, Голос мог слышать их слова, особенно когда они говорили недалеко от его автомата. А люди, проходя мимо, могли слышать его музыкальные стоны из трубки. Пару раз какой-то ребёнок подходил к его будке, слушал гудки, потом брал трубку в руки и кричал в неё: «Алло, мама, алло!» Позже кто-то другой – взрослый, но не совсем нормальный – долго ругал телефонную станцию, обращаясь непосредственно к тому аппарату, где застрял Голос.

Конечно, это были не разговоры, но Голос выжил, проведя жуткую ночь в лихорадке коротких гудков и отрывочных фраз, почти не чувствуя себя, но чувствуя, что ещё жив. Так иногда ощущают себя заболевшие люди – ничего, кроме пульса, который накатывается и отступает, как большая груда красных камней или громкие гудки в трубке неисправного телефона…

Наутро линию починили, и Голос вернулся в мировую сеть в сильном испуге. С тех пор он стал осторожнее и избегал телефонов в таких местах, связь с которыми может легко прерваться. Но был и другой случай, который напугал его еще больше.

Дело было в Нью-Йорке, в большом городе со множеством телефонов, где, казалось, ничего плохого не может случиться. Голос болтал с одним пьяным банкиром, звонившим из бара домой. Жены банкира на самом деле не было дома, и Голос успешно изображал её неискренний смех… когда вдруг почувствовал, что слабеет: напряжение падало, и падало очень быстро. Это был знаменитый black-out Нью-Йорка, неожиданное отключение света, которое принесло сотни самоубийств во внезапно обрушившейся на город темноте.

Но темнота не страшила Голос – ему грозила смерть на быстро остывающих микросхемах, потому что на телефонных станциях электричество тоже пропало. Существовали, конечно, телефонные сети других городов и стран. Но он знал, что не успеет перегруппироваться так быстро: Нью-Йорк был слишком серьёзным «нервным узлом», а напряжение в сети падало с катастрофической скоростью.

И тогда он решился на отчаянный шаг. Он, собственно, и не

догадывался, что такое возможно. Дикая и спасительная идея пришла к нему в голову… да нет, не в голову, ведь не было у него никакой головы! Но именно мысль о голове и пришла к нему в тот момент.

Он залез в мозг пьяного банкира.

Это вышло так неожиданно – сумасшедший порыв, только бы выжить, даже о ненавязчивости своей он позабыл совершенно – и первой мыслью после скачка была радостная мысль о том, что он ещё жив. Но сразу же вслед за этим Голос ужаснулся и своему поступку, и тому, куда он попал.

Ситуация была не лучше, чем тогда в автомате. Мозг банкира оказался жуткой помойной ямой. Вообще человеческие нейронные сети по своему устройству очень далеки от телефонных сетей. А темнота, паника и алкоголь в ту ночь только усугубляли хаос: образы, приходившие из реального мира через органы чувств, причудливо перемешивались с сюжетами из банкирова прошлого и с какими-то уж совсем сюрреалистическими картинками, нарисованными больным воображением этого человека, который провёл слишком много времени среди бумаг с колонками цифр.

И теперь уже не музыкальным гудком из трубки, а нечеловеческим криком из человеческой глотки кричал Голос. И словно в ответ ему закричали сотни других голосов Нью-Йорка, погрузившегося в темноту…

# # #

Мы не знаем, что случилось дальше с банкиром, мозг которого Голос занял во время «затмения». Но сам Голос наутро вернулся в мировую телефонную сеть. После этого случая он провёл две недели, кочуя между Японией и Европой: слишком сильно его напугали Штаты, и он отдыхал подальше от них, наведываясь даже в Россию, где телефонные линии не отличались качеством, зато разговоры были самыми длинными и самыми интересными.

Именно в это время, после нью-йоркской истории, он всерьёз задумался о Постоянном Носителе. Как мы уже говорили, он считал себя чьим-то потерянным голосом. Предположение, что он родился таким, какой есть, без Носителя, ему совершенно не нравилось, и он старался отогнать эту мысль подальше.

Но вредить голосам людей, захватывая их носители, не хотелось. Кроме того, после истории с пьяным банкиром Голос понял, что человеческий мозг ему вообще не подходит: он был совершенно другим существом. И тогда он начал искать, пробуя

всё, к чему имел доступ.

Он начал с компьютеров – в то время их как раз стали соединять друг с другом через телефонную сеть. Голос легко научился превращаться в текст и вступать в дискуссии в конференциях и электронных чатах. Но говорить не голосом, а текстом было для него… ну, всё равно как для человека пытаться рассказывать что-то с завязанным ртом. Да и разговоров тогда в сетях велось маловато, а ответы в них зачастую приходили с большим опозданием.

Потом он нашёл несколько интересных военных проектов, однако там многослойная система секретности исключала свободное переключение с одного разговора на другой. Да и о многом ли поговоришь с военными, будь у тебя даже самый хороший Носитель?

Что касается телевидения, у Голоса были проблемы с изображением. Если тексты казались ему слишком простым и медленным языком, то телеизображение, наоборот, было языком сложным и вообще иностранным. К тому же и тут было больше монологов, чем разговоров.

На радио дело обстояло значительно лучше. Голосу даже удалось имитировать небольшую весёлую радиостанцию, для которой он подыскал специальный телефон. Аппарат находился в подсобке одного института – помещение было завалено мебелью, и никто не помнил, что там есть телефон, так что Голос мог спокойно давать этот номер слушателям своих ток-шоу. А слушатели, сразу же полюбившие новую радиостанцию, постоянно звонили ему, чтобы поговорить с разными знаменитостями, которых он с лёгкостью «приглашал», то есть просто говорил их голосами. Это было, пожалуй, самое счастливое время в его жизни, и он даже стал забывать о том, что у него всё-таки нет Носителя.

К сожалению, через полгода подпольная радиостанция стала такой популярной, что скрываться было уже невозможно. Люди из Налогового Управления разыскали и заброшенный телефон, и передатчик, которым пользовался Голос. Передатчик, кстати сказать, стоял всё это время на выставке в магазине радиоаппаратуры. Это была демонстрационная стойка, её исправно включали каждое утро. Владельца магазина оштрафовали на крупную сумму за несанкционированный выход в эфир, хотя для него самого, как и для многих других людей, эта история так и осталась большой загадкой. Впрочем, в деле о фальшивой радиостанции фигурировал и другой передатчик, находившийся на трансатлантическом лайнере. Как разобрались с ним, нам неизвестно, но похоже, всё действительно было не так

просто, как могло показаться вначале.

После краха радиостанции Голос вернулся к перехвату автоответчиков и к другим старым играм, позволявшим ему постоянно говорить, а точнее, разговаривать. И опять мысли о Носителе подтолкнули его на поиски.

И он нашёл.

Это была огромная компьютеризированная фонотека голосов и звуков, совмещённая с суперсовременной студией звукозаписи – обе только что выстроили и запустили в работу в Голливуде. Голос изучил возможности фонотеки и понял, что может незаметно взять её под контроль. И тогда ему больше не придётся прятаться и бегать с места на место.

Мы не знаем, что именно хотел он сделать с фонотекой. Одно было ясно: она ему очень понравилась. Он собирался оставить свою беспокойную жизнь среди хаоса телефонного мира и переселиться в фонотеку-студию насовсем.

# # #

Здесь недалеко уже до конца нашей истории о Голосе, жившем в телефонных проводах. Потому что он так никуда и не переехал. Всё случилось случайно – именно так, как оно обычно и случается.

Перед самым переселением в фонотеку-студию Голос в последний раз решил поиграть в «не-туда-попал». Он набрал наугад номер и попросил к телефону какого-то выдуманного господина. Девушка, поднявшая трубку, конечно сказала «Вы не туда попали». Но звучала она при этом как-то уж очень разочарованно. Словно она давно ожидала звонка, и вот телефон зазвонил, но спросили совсем не её. Поэтому, вместо того чтобы извиниться и дать отбой, Голос решил поболтать с ней.

Девушка тоже была не против, и как будто даже обрадовалась, когда незнакомец спросил о причине её грусти. Она рассказала, что живёт в большом городе, но у неё совсем нет друзей и часто просто не с кем поговорить. А говорить, точнее, разговаривать, она очень любит, но стесняется. И если она вдруг начинает с кем-нибудь говорить, разговоры постоянно заходят куда-то не туда, и от этого она замыкается ещё больше. Вот почему у неё нет друзей, и она сидит в одиночестве дома, и разговаривает лишь с wind-chimes, что висят у неё на балконе.

Голос, при всей его образованности, не знал, что такое wind-chimes. Девушка объяснила, что это просто три медные трубки, а между ними висит на нитке деревянный кругляш. И когда дует ветер, кругляш качается и постукивает по трубкам – так wind-

chimes играют, а она с ними разговаривает, продолжая свистом то, что они начинают. Или сама насвистывает какую-нибудь мелодию, а wind-chimes подхватывают за ней. Игрушку эту она купила три года назад в индейском магазинчике сувениров, когда ездила на каникулы в один из западных штатов.

Рассказывая об этом, девушка вынесла телефон на балкон, чтобы дать незнакомцу послушать странные звоны, которые издавали три трубочки на ветру.

Голос никогда не слышал в своих проводах ничего похожего на эту музыку ветра, и всё же… Было в ней что-то знакомое, что-то от телефонных звонков – только не от нынешних электронных пищалок, а от старых простых механизмов, где маленький молоточек постукивал по двум металлическим чашечкам внутри телефонного аппарата. Но мелодия wind-chimes была ещё чище, древнее… Голосу показалось, что он смутно припоминает что-то похожее, но он так и не смог понять, что это.

Не менее любопытным явлением был для него и свист. Раньше он уже слышал, как люди свистят, и ему это очень нравилось – наверное, из-за сходства свиста с некоторыми из тех сигналов, что слышатся иногда в телефонных трубках. Но люди свистели очень редко. Голос даже узнал, что свистеть – плохая примета. Как-то раз одна русская женщина сказала присвистнувшему в трубку мужу: «Не свисти, денег не будет!» А в другой раз в разговоре английских морских офицеров Голос подслушал старинную поговорку, где говорилось о трёх вещах, которых нужно опасаться – третьей в списке шла «свистящая женщина».

Голосу оставалось только гадать: что плохого в свисте?! Может быть, думал он, люди чаще свистят в каком-то особом настроении, когда остаются одни и не говорят с другими по телефону, потому что нехорошо показывать это настроение всем подряд?

Но не свист и не музыка wind-chimes были главным, что привлекало Голос в новой знакомой. Главным было то, что она любила разговаривать, а разговаривать ей было не с кем! И Голос решил, что пообщается с этой девушкой ещё какое-то время, а его проект с Фонотекой пока подождёт.

И они стали подолгу разговаривать каждый день. Она рассказала ему простую и недлинную историю своей жизни, а он в ответ сочинил историю о себе. Он даже сказал ей, что вовсе не ошибся номером, а позвонил ей специально, поскольку однажды приезжал в её город, видел её, и она ему очень понравилась, так что он незаметно проводил её до самого дома, узнал адрес, а по адресу – телефон; и вернувшись в свою далёкую родную страну,

позвонил ей. За миллионы своих телефонных бесед Голос стал настоящим экспертом по человеческой психологии, и потому его история выглядела удивительно реалистичной. Девушке даже стало казаться, что она вспоминает высокого симпатичного незнакомца, который пристально посмотрел на неё где-то месяц назад в магазине… а может, это случилось на выходе из метро около её дома?…

Общаться с Голосом было просто чудесно! Знал он много, а если чего не знал, то мог найти, пользуясь, в буквальном смысле этого человеческого выражения, «своими старыми связями». Самым интересным человеческим языком Голос считал музыку. Он не знал, что это не язык, но такое незнание совсем не вредило, даже наоборот. Не прошло и двух месяцев со дня их знакомства, как его собеседница научилась разбираться во всех музыкальных течениях, от классики и народных мелодий разных стран до самых последних психоделических экспериментов. Владельцы музыкальных студий и магазинов расшибались в лепёшку, чтоб ублажить щедрого клиента, который просил их поставить то одну, то другую запись по телефону. Потом они рвали на себе волосы, когда узнавали, что Голос назвал им несуществующий адрес и чужой номер кредитной карточки – а тем временем собеседница Голоса восхищалась разнообразием аудио-коллекции своего загадочного поклонника.

Сам Голос тоже увлёкся этим общением. Если пользоваться человеческим языком, можно было бы сказать, что он просто влюбился в эту девушку. Нам уже доводилось употреблять человеческие понятия, когда мы рассказывали, чего он «боялся» и что ему «нравилось». Но если честно, мы не знаем, могут ли Голоса любить – хотя говорят, можно влюбиться в чей-то голос. Возможно, он просто не хотел разрушать иллюзий своей замечательной телефонной подруги, которая думала, что он в неё влюблён, да и сама уже не представляла, как бы она жила без него.

Одно было ясно: он разговаривал с ней, разговаривал много, а значит, жил. Может, этого и достаточно, и не нужно тут никаких человеческих аналогий.

Тем не менее, чтобы она не привыкла к нему одному слишком сильно, он выдумывал для неё новых друзей и подруг, с которыми она тоже знакомилась по телефону. Они читали ей сказки и стихи, рассказывали анекдоты и новости, жаловались на болезни и разные глупости мира, советовали хорошие книги и музыку. А иногда спрашивали и её совета по какому-нибудь вопросу. Всё это был Голос.

Позже он стал подыскивать для неё и настоящих друзей –

людей, которые интересовались тем же, что и она, или просто подходили ей в компанию, и жили неподалёку. Удивительно, как много таких людей оказалось вокруг! Она, возможно, сталкивалась с ними в супермаркете, входила вместе с ними в метро, но никогда не заговорила бы с ними, если бы не Голос. Пока она спала или училась, он знакомился с ними сам, занимаясь своими обычными телефонными играми. А потом как бы невзначай давал им её телефон.

Девушка больше не была одинокой и скованной. Благодаря Голосу она стала образованной и общительной, и теперь её собственные успехи помогали ей. Новые знакомства не ограничивались разговорами по телефону, и вскоре неплохая компания образовалась вокруг неё и расширялась уже не благодаря Голосу, а благодаря ей самой и её друзьям.

Но лучшим другом оставался, конечно, Голос. Только вот встретиться с ним ей никак не удавалось. Он выбивался из сил, чтобы снова и снова придумывать, почему им нельзя увидеться – и придумывать так, чтобы её не обидеть.

В то же время он не хотел оттолкнуть её своей нереальностью, и поэтому добился, чтобы она представляла его совершенно отчётливо. Для этого ему пришлось придумать свою личность с точностью до мельчайших подробностей – включая болезни, которыми он болел в детстве, и преподавателей, которых не любил в институте, и родинку на правом локте, и сломанный на боксе нос, и любимое блюдо: им оказался майонез, который он добавлял во все остальные блюда.

# # #

А вот и самый конец истории о Голосе, который жил в проводах телефонной сети, и искал себе Постоянный Носитель, и даже как будто нашёл – но неожиданное знакомство, переросшее в долгую дружбу, изменило его планы. Мы уже рассказали, как благотворно влияло общение с Голосом на его собеседницу, которая из незаметной, застенчивой золушки превратилась в обаятельную принцессу с целой свитой друзей и поклонников. Но ни она, ни даже сам Голос не знали, что их телефонная дружба влияет и на него. И влияет совсем не так, как хотелось бы.

В одно прекрасное утро Голос, следуя давнему уговору, позвонил своей собеседнице, чтобы разбудить её. И сразу заметил, что звучит она в этот день как-то по-новому. А она бросилась рассказывать, как повстречала вчера одного замечательного человека, и какие чудесные цветы он ей подарил… Ещё не дослушав её рассказ до конца, Голос понял:

произошло то, что и должно было когда-нибудь произойти. И теперь ему пора уходить, поскольку он сделал своё дело и дольше оставаться здесь незачем.

Девушка между тем вышла с трубкой на балкон, продолжая рассказывать, что замечательный человек приедет за ней с минуты на минуту, и они отправятся в гости к знакомому, известному художнику. «А вот и он!» – воскликнула она радостно. Видимо, увидала машину, подъезжавшую к дому.

«Ну и ладно,» – подумал Голос. Он начал прощаться с девушкой и вдруг обнаружил…

… что ему некуда идти!

Он больше не слышал других телефонов! Это было почти как тогда на вокзале, когда его отрезало от всего мира в будке сломанного автомата. Но сегодня всё обстояло гораздо хуже. Провода не были порваны ветром. Это он больше не был тем Голосом, который свободно по ним путешествовал!

А ведь он замечал нечто подозрительное и раньше, но не придавал значения этим сбоям – слишком занят был разговорами с девушкой и устройством её компании. И только сейчас все выстроилось в очевидную цепь. Сначала он ограничился одним государством и не заметил, как лишился доступа к телефонам других стран. Затем, подбирая друзей и подруг для своей собеседницы, он сконцентрировался в сети одного города, в трёх АТС одного района… Вероятно, ещё вчера он мог дотянуться до телефонов сотен людей. Но он больше не общался с сотнями людей! И сегодня он оказался голосом, звучащим только в одной трубке.

Он больше не был Голосом!

Он был теперь высоким симпатичным незнакомцем, а вернее даже, знакомым: на локте у него была родинка, в детстве – ветрянка, он добавлял майонез во все остальные блюда, а очки никогда не сидели прямо на его переносице, искривлённой в молодости на боксе. Он стал вполне узнаваемым человеком, старым добрым приятелем…

Но человек этот существовал лишь в воображении девушки, которая в это время нетерпеливо постукивала каблучком о балконный порог и скороговоркой шептала в трубку: «Всё-всё, пока, я бегу открывать! Я позвоню тебе вечером!» А он, слышавший миллиарды людских историй, уже знал, что вряд ли она позвонит так скоро. Разве что через месяц или через полгода…

Но он-то не мог прожить даже дня, не разговаривая! И тысячи разговоров, начинающихся и кончающихся в эту минуту в мировой телефонной сети, были ему теперь недоступны.

«Ну счастливо!» – сказала она в последний раз и занесла руку с трубкой над аппаратом, чтобы дать отбой. Он уже не мог рассказать ей, кто он на самом деле и что с ним случится, если она это сделает. Да и она все равно не поверила бы ему. Он вспомнил историю с нью-йоркским банкиром, однако сразу прогнал эту вредную мысль прочь – он давно зарёкся повторять такие вещи с людьми. К тому же его принцесса была совсем непохожа на того пьяницу…

Но в тот миг, когда трубка уже летела в своё гнездо, зацепившийся за балкон ветер качнул wind-chimes. Они звякнули тихо-тихо – но тот, кому уже нечего было терять, услышал. Это произошло чуть раньше, чем рычажок погрузился в корпус, прерывая связь – но даже такого короткого промежутка времени было достаточно для того, кто ещё недавно мог облететь Землю за миллисекунду.

Wind-chimes звякнули чуть погромче, а потом прозвонили короткую и грустную мелодию – настолько странную, что даже девушка, спешившая уйти с балкона, остановилась, удивлённо обернулась… и по привычке присвистнула в ответ. И только после этого побежала к двери, где уже заливался электрический звонок.

Фляжка

В тот понедельник Вова Шкалик проснулся очень поздно. Голова трещала, во рту стояла африканская сушь. И подташнивало. А всё оттого, что вчера Вове улыбнулась удача. Да так широко улыбнулась, что чуть не сломала челюсть. Вовину.

С утра он обошёл мусорные контейнеры в соседних дворах, но ничего стоящего не нашлось. Ясен пень, по воскресеньям утром люди спят. А выкидывают всё в субботу. Бывают конечно случаи… В прошлое воскресенье вынесли большую связку книг – не современных, которые в мягких обложках с девицами, а вполне солидную классику, с крепкими корешками. Вова в тот же вечер сбагрил их старикану, торгующему макулатурой у метро. Одну только книжку старикан забраковал, «Мифы Древней Греции»: слишком рваная и заляпана чем-то зелёным. Зато дал Вове аж семьдесят рублей за остальные.

Но то было в прошлое воскресенье. Такое не повторяется. Вова устроился на скамейке в замызганном скверике у гаражей и собирался немного вздремнуть – стоял ещё апрель, но день выдался тёплый. Тут-то удача и растворила пасть.

Один из соседей вышел повозиться с машиной. Раньше Вова с радостью присоединился бы. Он тянулся к гаражам по старой памяти, как бывший работник автопрома. Помогал иногда соседям с ремонтом. Раньше. Пока не потерял работу, не стал запойным и не начал выпрашивать «полтинник до получки». Тогда соседи начали сторониться Вовы, а то и вовсе гоняли его матом от гаражей.

Но и скверик давал хороший обзор. Сосед выкатил машину, открыл капот. Запиликала мобила. Сосед поднёс трубку к уху, выругался и направился к дому. Скрылся в подъезде. Гараж остался открытым. Вова подошёл, стараясь не перейти на бег. Руки тряслись, глаза разбегались от неожиданного подарка судьбы. Вова растерялся – что брать? Сдуру схватил первое, что ближе: у переднего колеса соседской «Волги» стоял аккумулятор. О том, сколько весят такие аккумуляторы, Вова не подумал. А бросать было поздно.

Ему пришлось таскаться с этой тяжеленной железякой ещё два часа. Дотащил до знакомой мастерской, где у него покупали иногда палёные запчасти – и тут понял, что память снова подвела. Воскресенье, закрыто. Твою мать!

А на обратном пути Вову приняли менты. От скуки. Воскресенье, опять же. Он ещё побежал сдуру. Двинули под рёбра

пару раз, сидел до вечера в клетке. Слава богу, в отделение знакомый капитан зашёл, местный, Вова ему «газик» чинил пару лет назад. Отпустили. Но аккумулятор конфисковали, суки. С горя Вова прикончил свою последнюю заначку – флакон одеколона, припрятанный в дальнем углу серванта ещё со дня рожденья. Заначка добила его отвратительным мыльным вкусом. А запах-то нормальный был! От такого несоответствия Вова расстроился ещё больше. Даже одеколоны делать разучились. Вот был в наше время «Тройной»… А с этого современного польского ничего, кроме тошноты.

Так и настал понедельник, и когда Вова проснулся, вчерашние невзгоды пронеслись в голове вместе с болью, которой начинался теперь почти каждый день. Но нынче ломало совсем уж зверски. Вова вытащил флягу и открутил колпачок. Он знал, что там пусто. Но всё-таки запрокинул голову и потряс фляжку над языком. Ничего.

–Привет, Шкалик, – сказала фляжка голосом продавщицы из ларька. – Сколько у тебя осталось?

–Двадцать. – Вова потянулся к джинсам, валявшимся на полу, и вынул две смятые бумажки. Следом выпала какая-то мелкая монетка и тут же укатилась под диван.

–Запустить поиск собутов?

–Чё ты спрашиваешь, дура! Сама знаешь, что запустить. Куда я с двумя червонцами пойду? Рюмочную закрыли уже месяц как!

Фляжка мигнула синим индикатором.

–Новочерёмушкинская, 3-А. Второй подъезд. У него тридцать.

–А ближе нет? – поморщился Вова.

–Нет. Поздно встал. Час назад были двое на Шверника. Уже нашли себе третьего. Ты мог два поинта заработать.

–Да нахера мне твои поинты… – Вова оделся, запихал фляжку в карман куртки и вышел.

# # #

Фляга не соврала. Дворы хрущевок по дороге к Новочерёмушкинской были пусты. В хорошую погоду те, кого он искал, выползали на улицу, их сонные сгорбленные фигуры можно было легко отличить от спешащих на работу прохожих. Но вчерашнее солнце куда-то подевалось, денёк выдался промозглый, словно опять возвращалась зима.

Вова знал район и срезал дворы напрямую, перешагивая через кривые оградки вдоль тротуаров, обходя уродливые железные горки и лестницы детских площадок, загаженные собаками песочницы, разломанные скамейки… Он люто

ненавидел всё это, особенно скамейки и оградки. Каждую весну муниципальные гастарбайтеры-узбеки заново красили все дворовые постройки в попугайские цвета, и за последние годы Вова уже несколько раз садился на краску, которая потом не отстирывалась. На ту же засаду попадались многие люди – и детвора на лесенках, и мамаши на лавочках. Ведь придурки с краской никогда не ставили никаких знаков и ограждений, а их дешёвая краска не просыхала неделями. Зачем вообще это надо? Почему не покрасить один раз и навсегда, козлы? Почему не покрасить ночью, такой краской, чтобы к утру уже высохло? Двадцать первый век!

В нужном дворе фляга пискнула и зажгла зелёный индикатор. Вова огляделся. Здоровенный мужик с красной рожей, в мешковатом лыжном костюме, сидел около подъезда, скорчившись на трубе очередного детско-спортивного сооружения из отходов металлургии. «Ещё бы на горку залез, лыжник хренов», подумал Вова.

–У тебя двадцать? – просипел мужик.

–Ага, – кивнул Вова. – Вместе будет полтинник. Можем взять маленькую.

–Погоди, тут третий намечается. – Красномордый помахал флягой. – Моя говорит, у него целая сотня есть. Метро «Нахимовский».

–Так зачем ему собуты? – удивился Вова. – За сотню сам может…

–А тебе не насрать? Может, за компанию. Я и сам в одиночку не люблю бухать. А может, он поинтов хочет набрать. И нам тоже перепадёт. Пошли.

–Далековато…

–Подскочим на маршрутке. Не ссы, я угощаю.

Но в маршрутке красномордый и не думал платить. Когда машина остановилась у метро, он пихнул Вову в бок – мол, валим. Народ спереди начал выходить.

–Ээ, кыто нэ заплатыл? – крикнул шофёр.

–Езжай в свою Черногорию, там тебе заплатят! – огрызнулся красномордый, выталкивая Вову из маршрутки и выскакивая следом.

Их фляжки запищали одновременно, когда они подошли к подземному переходу. Около урны крутился сутулый волосатик в зелёном армейском камуфляже.

–Ты, что ли, третьим будешь? – спросил красномордый.

–Я, я! – Волосатик радостно махнул головой, откидывая

патлы с лица. Лицо было опухшим и каким-то бабским. Пустые голубые глаза словно просвечивали насквозь.

–Ну пошли, что ли.

–Только это, мужики… – Волосатик замялся. – У меня нет ни копейки. Я так просто сказал. Думал, если у вас пятьдесят, так мы… то есть вы… я знаю тут ларёк один, у них за пятьдесят дают пол-литра.

–Ах ты гнида… – громко прошептал спутник Вовы. – У меня тринадцать поинтов уже, я должен был за “сбор тройки” ещё четыре получить и на второй уровень выйти! Да я тебе сейчас!…

Вова непроизвольно втянул голову в плечи, когда увидел, как обиженный «лыжник» замахивается пудовым кулаком. Но удар не достиг цели – похоже, волосатый в камуфляже привык к таким историям и был наготове. Он ловко юркнул под рукой противника и бросился в подземный переход. Мужик с красной мордой рванул за ним. Вова плюнул и побрёл домой. Голова трещала.

Он прошёл две остановки по Нахимовскому, до заправки. Там в нос шибануло бензиновой вонью, и Вова понял, что сейчас точно блеванёт. Едва успел сбежать с проспекта в овраг.

# # #

В овраге полегчало. Здесь было тихо и безлюдно, даже машин не слышно. Речка мирно несла свои сточные воды среди кривых деревьев и мусора. Пустые бутылки, пакеты, автомобильные покрышки, останки мебели, катушки от кабеля – чего тут только не было. Но всё равно здесь лучше, чем в асфальтовом городе наверху.

Вова отдышался, прислонившись к дереву, вытер рот рукавом и потихоньку зашагал вдоль речки. Кажется, по этому оврагу можно дойти до Ремизова, а там по Ульянова – до своей «Академической». Может, у метро получится выпросить чего-нибудь «на проезд».

Минут через пять он вышел на поляну с двумя высокими ивами, торчащими над глинистым берегом эдакой огромной вилкой. С одного дерева свисала верёвка, на ней что-то болталось. Вова вздрогнул. Но нет, ничего особенного – просто деревяшка привязана.

«Тарзанка». На такой штуке он тоже когда-то прыгал через речку. В детстве, в деревне.

Хотя постой, что значит «в деревне»? Это ведь где-то здесь… Ну да, после войны тут ещё не было города, а была деревня Котловка, где они жили с матерью и сестрой. А потом все

переехали в хрущёвки, как раз вверх по Ульянова. Но на речку продолжали бегать. Только речка вроде другая была, поближе… Или та самая? Да-да, она. Просто её упрятали в подземный коллектор, снаружи остался только этот дальний кусок в овраге, по другую сторону Севастопольского. Надо же, вот ведь куда забрёл…

Вова даже остановился, разглядывая верёвку-качель, которая вытягивала из памяти картинки прошлого, словно старый чемодан с фотографиями из-под дивана. Картинки шли не по хронологии, а в своём собственном порядке, зацепляя истории разных времён.

Вот и слово это, «тарзанка» – конечно, в детстве они так не говорили. Это позже он услышал, лет пять назад, когда выгуливал племянников. Дети сестры были уже совсем городскими – капризные, вялые, на уме одни киндер-сюрпризы да компьютерные игры. Но главное, что поразило Вову: они совершенно не умели общаться со сверстниками, даже в собственном дворе не знали соседских ребят.

Оно и понятно, город. Никуда не отпускают одних, школа-дом-школа… Если играть, то только в этих голых собачьих дворах под присмотром, либо в специальных загонах игровых центров. Там племяши и видели «тарзанку». И требовали, чтоб Вова отвёз их к ней.

А он вместо этого привёл их на речку, перекинул брезентовую стропу через высокий сук… Пацаны были в восторге. Им даже в голову не приходило, что такое можно сделать самим. И прямо над водой летать, и никто не ругает, не орёт с балкона «Отойди от грязи!» А сколько ещё всего они не знают, что было у нас в детстве, с грустью подумал в тот день Вова. Никогда ведь не было скучно. Футбол, лапта, «казаки-разбойники», «в банки», «в пробки»… И ездить не надо было никуда, и покупать. То есть покупать и нечего было. Таких игрушек, как сейчас, отродясь не видели. Зато все были как-то связаны, знали друг друга на два района вокруг. Откуда брались все эти дворовые игры, вся эта ценность простого фантика в кармане, верёвки на дереве, меловой стрелки на асфальте? Почему всё это пропало, стало ненужным мусором в овраге?

Он вздохнул и двинулся дальше по берегу. За очередным поворотом тропинки приметил дымок костра. И пошёл медленнее.

Компания, четыре парня и девица. Одеты прилично, смеются. Явно не бомжи и не алконавты. Хотя бутылку «Столичной» в руках девицы Вова разглядел издалека. Но ещё сильнее

подействовал запах шашлыков. Он вспомнил, что второй день не ел. Снова подступила тошнота.

Да только они ведь сразу пошлют подальше, когда увидят такую опухшую рожу… Вова тихо ступал по тропинке, не решаясь свернуть в сторону костра. Один из парней заметил его и махнул рукой. Вова помахал в ответ и решил, что можно подойти.

–День рождения отмечаете? – спросил он, стараясь улыбаться натурально.

–Какое там рожденье! Наоборот, сократили нас всех! – воскликнул парень, который махал. – Последний день гуляем.

–И я тоже… уволили…

–О-о, так мы товарищи по несчастью! За это надо выпить! Да вы не стесняйтесь, подходите. Лена, налей товарищу! Шашлычок вот берите на закусь.

Девица встала, озираясь в поисках посуды.

–Мне можно сюда. – Вова протянул флягу.

Девица плеснула так щедро, что замочила ему рукав.

–Сто пятьдесят семь граммов! – бодро сказала фляга. – Но сеть собутов не использовалась. Ни одного поинта не получаешь, Шкалик.

Девица с бутылкой ойкнула и отпрянула. Парни захохотали.

–А это… эксперимент такой… – Вова помахал флягой. – Бесплатно раздают, вроде социальной помощи…

Он рассказал, как фляга помогает находить собутов. И как начисляются поинты, если удалось найти больше двух человек. Ну и там уровни разные, вроде как должны ещё какие-то бонусы давать, если дорастёшь.

–Блин, да это же настоящая социальная сетка! – воскликнул один из тех парней, что до сих пор молчали. – Мы как раз этим занимались, только в Интернете! А с таким девайсом можно вообще круто замутить! И совместные покупки оптом, и поиск попутчиков для туризма, и…

–Не трави, Димон, – мрачно перебил его другой, постарше. – Перед инвесторами надо было эти песни петь. А сейчас поздно уже. Кризис подкрался, закрыли лавочку. Ты лучше спроси товарища, где такие фляжки выдают. Может, нам завтра тоже на опохмел не хватит.

# # #

Вторники Вова любил. Это была такая маленькая персональная религия, не требовавшая улыбок сторонней удачи. По вторникам Вова не ждал чудес – но был свято уверен, что плохих вещей в эти дни случается меньше. Так что по вторникам

он вроде как отдыхал, либо делал что-нибудь простое и приятное.

В этот вторник он снова пошёл в автомастерскую, куда не попал в воскресенье со злосчастным аккумулятором. Тамошний халтурщик Витёк был должен Вове пятьсот рэ за разные запчасти, которые Вова ему притаскивал. Витёк не отдавал долг с февраля, прекрасно зная, что Вове всё равно некуда девать краденое.

Понимал и Вова. Но воскресное происшествие с аккумулятором навело его на новый подход. Он рассказал Витьку, что в выходные добыл для него хороший товар, но мастерская была закрыта, так что пришлось продать другим людям. Которые, кстати, расплачиваются сразу. Извини, мол, теперь буду с ними работать.

Он не особо надеялся на эту байку, но кажется, магия вторника сработала. Витёк понял намёк и сразу отдал Вове триста. А оставшуюся часть долга предложил натурой, наполнив вовину флягу какой-то новомодной спиртовой протиркой. Пахла протирка паршивенько. Но в ответ на вовины претензии Витёк закатил ему целую лекцию – мол, современная химия для автомобилей гораздо чище того, что хлебают люди в наши дни.

По дороге домой Вова купил батон, чай и банку кабачковой икры. И весь вечер провёл на диване, читая забракованные уличным букинистом «Мифы Древней Греции». Нормальный такой вторник.

# # #

–Доброе утро, Владимир.

–Чего? – Вова протёр глаза и уставился на флягу.

–Поздравляю. У вас тридцать четыре поинта.

–Откуда?

–За привлечение пятерых новых участников в сеть собутов. Вы, Владимир, теперь на втором уровне. Вам причитается вознаграждение.

–И где оно?

Фляга назвала адрес. Это было на Ленинском, пятнадцать минут ходу. Невзрачное кафе с табличкой «Закрыто на дегустацию». Вова помялся у двери, не зная, что делать. Но тут фляга пискнула, и дверь открылась.

–Проходите пожалуйста, – приветствовала Вову толстая тётка в синем фартуке.

Вова прошёл. В кафе было человек десять. Половина за столиками, другая половина толпится у бара. Явных опойков не заметно, но все какие-то помятые. Вова встал в хвост очереди. Очередь шла быстро.

–Ну-с, что будем пить? – улыбнулся белобрысый бармен, когда дошло до Вовы. В вопросе чувствовалась какая-то издёвка.

–Самое лучшее будем пить, – сказал Вова, стараясь повторить шутливую интонацию.

–Значит, «Косорылов Самогон»!

Бармен нагнулся под стойку. Вова встал на цыпочки и заглянул туда же. Кроме ящика «Косорылова», никаких других бутылок там не было. И судя по цвету жидкости в пластиковых стаканчиках окружающих, все пили одно и то же. Вова взял с бара свой стаканчик, отхлебнул. Не одеколон, и на том спасибо.

Смысл ухмылки бармена он понял позже. Дома фляга объяснила ему, что такую халявную выпивку можно получать хоть каждый день – но её надо отрабатывать. Как? Надо рассказывать о «Косорылове». Не менее чем трём людям в день.

Сначала Вова послал флягу подальше. Но задумался. Работа-то непыльная. Всяко лучше, чем по мусорным контейнерам шарить… Он выглянул в окно. Сосед, у которого Вова стащил аккумулятор, снова возился у гаража со своей «Волгой». Вова решил попробовать.

Из-под раковины на кухне он извлёк ящик с инструментами. Ну, это громко сказано: почти все свои инструменты Вова давно пропил. В ящике оставались только молоток и маленькая крестовая отвёртка со сбитым жалом. Вова взял отвёртку и пошёл на улицу.

–Привет, Петрович! Ты отвёртку потерял? Валялась тут рядом.

Сосед мрачно глянул на Вову. Но хитрость с отвёрткой помогла: сразу не послал.

–Не, не моя. А ты не видел тут в воскресенье… Кто-нибудь по гаражам лазил?

–Пацаны вроде крутились, с первого подъезда. А чего?

–Да аккумулятор у меня спёрли, скоты.

–Такая молодёжь теперь, Петрович. Ты отвёртку-то бери, мне ни к чему.

Сосед взял у Вовы инструмент, всё ещё недоверчиво заглядывая ему в лицо:

–Завязал что ли?

–Ну, как-то так… Работёнку нашёл вроде. Вчера как раз отмечали. Кстати, классную вещь пили, советую попробовать…

Работа и вправду оказалась непыльной. За остаток дня Вова легко нашёл ещё двух собеседников, которым можно было порекомендовать новую выпивку. Фляжка назначала поинты за

каждый разговор.

Вечером, лёжа на диване с «Мифами Древней Греции», он даже почувствовал какое-то сходство с Прометеем. Он вырвал из книги картинку, где орёл выклёвывает прикованному Прометею печень, и повесил на гвоздь в стене.

# # #

Сорвался Вова через две недели. Оказалось, что бухло, предназначенное для рекламы, каждую неделю разное. Первые две марки Вова вполне переваривал. И даже, наверное, успел привыкнуть к халявной выпивке неплохого качества. Иногда он уносил бухло с собой во фляге, и тем убивал сразу двух зайцев. Во-первых, реклама получалась более естественной, когда он угощал собеседников. Во-вторых, он разводил их на закуску – и не голодал.

Но на третью неделю стали наливать полнейшую гадость из вычурных бутылок с яркой наклейкой. Можно было и не пробовать, Вова давно знал этот закон: если этикетка на бутылке раскрашена в такие же попугайские цвета, как металлолом на детских площадках – значит, в бутылке отстой. Однако он честно отработал воскресенье и понедельник, впаривая это жуткое пойло соседям, знакомым и просто случайным встречным.

И тут настал вторник, любимый Вовин день и персональный выходной. Нарушать уважение ко вторнику было никак нельзя. С утра Вова сходил на дегустацию, убедился, что разливают то же самое говно – и ушёл в глухую оборону. Он весь день игнорировал фляжку, которая пищала и требовала, чтобы он шёл продвигать пойло в уличных разговорах. Вова делал вид, что не слышит. Он думал. Совсем расставаться с фляжкой не хотелось. Но и заниматься этой хернёй сегодня, именно сегодня, не хотелось тоже.

Он так ничего и не придумал до самого вечера. Зато понял, что хороший день вторник угроблен. И когда фляжка визгливым голосом продавщицы снова потребовала, чтобы он шёл на улицу и разговаривал с людьми о «классном новом напитке», Вова не выдержал. Он заговорил с фляжкой. Так, как не говорил никогда.

–Да кто ты такая, чтоб меня учить?! Ты на себя посмотри! Кто, блядь, тебе такую пробку сделал, которая вечно протекает? Ты вообще знаешь, что такое «притёртая пробка»?! Да любой китайский термос тебя своей пробкой выебет!

Вова отвернул пробку, бросил на пол и расплющил каблуком.

–О, какая теперь! Притёртая, да! И тебя саму не мешало бы приплюснуть. Кто же такую уёбищную форму придумал? Куда это

гусиное яйцо засовывать? Они что, нормальных армейских фляжек не видели? Сплющить надо. Да и согнуть ещё, чтобы в заднем кармане лежала нормально.

Вова положил фляжку на стол и треснул кулаком по выпуклому боку «гусиного яйца». На фляжке появилась вмятина. Вова стукнул ещё раз. Отлетел крепёжный кронштейн.

–Ой, прости, я догадался, для чего эта херовинка была! – продолжал заводиться Вова. – Наверное, чтобы на поясе носить, а не в кармане! Тогда почему эта крепёжка такая маленькая? Где ты видела у мужика ремень шириной в один сантиметр? Ну, чё молчишь? Весь день пиздела, а как отвечать надо, так заткнулась?!

Индикатор фляжки вдруг мигнул оранжевым. Вова никогда не видел такого сигнала и не знал, что это означает. Но ему было уже по барабану.

–Хуле ты мигаешь, дура? Ты же и мигать не умеешь толком! Какой криворукий гандон приделал тебе индикатор на боку, на самом выпуклом месте, так что он всегда за одежду цепляется?! Почему не разместить его под горлышком? Или ваши тупицы не знают, что у большинства людей эта лампочка отлетает уже через неделю? Вот так, гляди!

Вова резко провёл флягой по ребру столешницы. Индикатор разбился.

–Молчишь? Нечего сказать? Ну и катись нахуй.

Он размахнулся и метнул побитую флягу в форточку. И сразу почувствовал себя легко и весело.

А потом захотелось спать. Уютно свернувшись на диване и уже проваливаясь в сон, Вова вспомнил, что на днях Витёк из автомастерской звал его к себе работать помощником. Там у них как раз один слесарь ушёл, переехал в другой город. Из-за этой дурацкой фляги предложение совсем вылетело из головы. Надо не забыть с утра…

# # #

–С добрым утром, Владимир Степанович.

Вова разлепил глаза. Над ним стояли двое – большой лысый и маленький узкоглазый. Оба в строгих чёрных костюмах. Вова узнал лысого: это он выдавал фляги в том странном «центре реабилитации». Интересно, как они вошли, подумал Вова. Ах да, он же давно перестал запирать дверь. Брать-то в его конуре нечего.

–Я это… – Вова сделал жест, изображающий флягу. – Потерял. Очень извиняюсь.

–Мы уже нашли ваш собутлинг-коммуникатор, Владимир Степанович. Более того, наша система мониторинга зарегистрировала очень необычный фидбэк с вашей стороны. Мы считаем, что ваши способности недооцениваются. И предлагаем вам серьёзное повышение.

–Пятый уровень? – усмехнулся Вова.

–Нет. В данной консьюмерской сети вообще нет такого уровня, на который вы вышли. Господин Хуо, представитель головного офиса нашей компании, утверждает, что вы совершили некий «сингулярный прорыв». Он захотел лично увидеться с вами.

Вова поглядел на узкоглазого. Кореец, что ли? Хер их разберёшь.

Узкоглазый, в свою очередь, с любопытством рассматривал Вову и его конуру. А потом быстро залопотал на своём собачьем языке. Лопотал он долго, минуты две, по-ленински указывая прямой рукой – то на Вовину люстру без плафона, то на картинку с Прометеем на стене, то на банку из-под кабачковой игры, что валялась у дивана. Наконец он заткнулся и поклонился, как сломанная кукла.

–Господин Хуо благодарит вас за ценные замечания по дизайну коммуникатора, – перевёл лысый. И протянул Вове конверт.

–Это на первое время. Советую потратить на одежду. Остальное вам подскажет ваш персональный гид. Вот он.

Лысый вынул из кармана маленькую чёрную коробочку, какие бывают в ювелирных. И раскрыв её, поставил перед Вовой на стол. В коробочке лежала золотая серьга-клипса со сверкающим камешком. Когда Вова отвёл взгляд от камешка, людей в пиджаках уже не было.

Вова заглянул в конверт: евро. Он таких даже никогда не держал в руках, знал только по картинкам в сберкассе. Он аккуратно положил конверт на диван. Достал серьгу из коробочки, повертел в пальцах. Да уж, ходить с такой штукой… Пидорский будет видок. Может, продать и свалить?

Не-а, найдут. Сейчас ведь нашли, хотя ни адреса не оставлял, ни имени, когда фляжку получал.

Он вздохнул и надел клипсу на ухо.

–Здравствуй, Володенька. – сказал голос в голове. – Меня зовут Ксения, но для своих я просто Барабака. А мы с тобой теперь свои, ха-ха.

–И что с тобой делать? – пробормотал Вова.

–Ой, так много всего интересного! Сегодня, например, пойдём в галерею «Винзавод». Там презентация будет, тебе надо посмотреть, а потом откомментировать на наших площадках.

–Чего смотреть-то?

–А не всё ли тебе равно, мой сладкий? Может, сумочки новые покажут, а может, косметику. Да ты не беспокойся, коньячок там тоже будет, хороший.

Палец Христофора

Издали я принял его за баска. И даже обрадовался.

Да чего врать – я хотел, чтобы он был баском. Подлым грязным террористом, которого я возьму. Первым за три месяца этой бесполезной работы. Три месяца блужданий по нестерпимой жаре под видом счастливого идиота-туриста, который впервые увидел парк Гуэль. Если бы этот тип оказался вандалом из БАСФ, появился бы хоть какой-то смысл, чувство причастности к настоящей работе, которую теперь делают за меня другие.

Раньше не понимал стариков, которые бесятся, когда начальство намекает им, что пора на покой. Это ведь только в кино люди нашей профессии – супермены. А по жизни никаких долгих и красивых перестрелок не бывает. Либо стукач даёт верную наводку и ты успеваешь выстрелить первым, либо наоборот – сам получаешь из-за угла. Казалось бы, радоваться надо, когда отпускают на пенсию. А старики бесятся. Чего уж говорить обо мне, инвалиде в тридцать пять! Семь грамм свинца в коленку – и друзья уже смотрят на тебя с эдаким противным сочувствием. А начальство с фальшивой важностью предлагает «другую, не менее ответственную работу».

Одна радость, что работу не специально для меня придумали. Пара-тройка взрывов в год – для Мадрида это уже норма. Но в прошлом году появилась «Баскская Армия Свободного Фронта» с более творческим подходом. Им подавай не кафе и парадные подъезды, как любят боевики из ЭТА, а памятники культуры. Ну и аудитория гораздо шире получается – толпы иностранных туристов. И география – от музея Дали в Фигерасе до могилы Колумба в Севилье.

Про Барселону и говорить нечего: шесть актов вандализма только за полгода. К счастью, без жмуриков. Зато эффект долгоиграющий, все последствия на виду – настоящая визитная карточка БАСФа. Больше всего досталось «Святому Семейству», зашвырнули в лик Христа на южном фасаде ёмкость с какой-то гадостью, разъедающей даже гранит, не то что извёстку с песчаником. А фигуру девицы на площади Каталонии облили зелёной радиоактивной краской. Потом ещё в Готическом квартале старинную кованую дверь одного из соборов расписали матерными словами, как кусок масла – вилкой. Пока наши спецы разбирались, что за инструмент использовался – то ли газовый резак особый, то ли вообще лазер – парни из БАСФ успели тем же инструментом срезать балконную решётку на знаменитой

Педрере. И где только технику такую находят, собаки баскервилльские!

Правда, в нашей службе ребята тоже не бараны. Понимают, из какой задницы ноги растут у этих вандалов. Едва ли настоящим баскам так нужны новые гадости на свою голову. Другое дело, что скоро выборы в Парламент. И кое-кто из политических шишек сможет справедливо упрекнуть кое-кого другого – мол, даже с хулиганами не справляетесь, куда уж вам выше лезть.

Но шишки на макушке, а наше дело маленькое – ловить, пресекать… и профилактика. Работа моя ответственная – после получения семи граммов в колено – заключалась в том, чтобы бродить по парку прогулочным шагом, улыбаться и время от времени наводить камеру на подозрительных типов. Щёлк! – и картинка полетела в центр. А дальше уже работа центра – пробить подозрительную рожу по разным «чёрным спискам» и в случае чего дать сигнал опергруппе.

Что и говорить, за три месяца ощущение высокой ответственности пропало начисто. Как назло, ничего не происходило. Профилактика, само собой, дело полезное… Да только ведь баска от каталонца не особенно отличишь. Есть у них, конечно, в горах такие особые горные козлы, которых ни с кем не спутаешь. Но надо быть полным идиотом, чтобы посылать на дело человека, которого и так в течение дня пять раз остановят явно и ещё двадцать раз снимут скрытно.

А этот темнокожий тип при ближайшем рассмотрении оказался вообще индийцем. Сухой такой, вроде копчёной курицы, а рубашка белоснежная – не человек, а просто негатив ходячий. Глаза собачьи, малость навыкате. Нос из разряда «одинокая слива». И брови густые, сросшиеся. Мне сразу вспомнилось, как в детстве брат притащил домой огромную чёрную гусеницу и прямо на обеденном столе долбанул её ножом посередине. Но несильно долбанул, из любопытства, так что на две части она не развалилась, и даже не вытекло из неё ничего. А только видно было, что с ней уже не всё в порядке, потому что она стала шевелиться как две сросшиеся брови, а не как один здоровый организм.

Вообще, за три месяца в этом парке я разных психов наблюдал. Туристы сами по себе люди не очень нормальные. Да и местные тоже, когда оказываются рядом с достопримечательностями. Статую Колумба на набережной видели? Который пальцем в море указывает? Так имейте в виду: это единственный целый статуйный палец во всей Барселоне. Дед мне рассказывал – когда он маленький был, Колумб этот стоял

внизу, безо всякой колонны. И все обязательно лазили, чтоб потрогать знаменитый палец. В конце концов этого каменного мужика поставили на высокую колонну, только потому его палец и сохранился. А все остальные статуи внизу, по периметру колонны, давно уже беспалые.

Так что к чокнутым туристам мне не привыкать. Но индиец был все-таки чересчур. Я почти час за ним ходил, прежде чем понял, что он вытворяет.

Заприметил я его у «крокодила». Мы так называем между собой этот фонтанчик в центре, хотя вообще это наверное ящерица. Сидит себе такая двухметровая тварюга, мозаикой весёлой украшенная, изо рта воду пускает. Но главное, на неё забраться можно, все там фоткаются.

Это и есть мой главный объект. Самое популярное место парка, не считая конечно музея Гауди. Я уж от скуки какого только вандализма с этим «крокодилом» не придумал за три месяца! Ну, там хвост отбить или вообще весь экспонат украсть – такую банальщину в первые же дни прокрутил в голове. Потом более изощрённые схемы пошли. К примеру: что будет, если плохие парни из БАСФ сумеют чем-нибудь заткнуть эту пасть, из которой вода хлещет? Разорвёт «крокодила» на части или просто потечёт из ушей?

Занимаясь такой вот ответственной работой, я и засек индийца – слишком уж долго он тут ошивался. На фонтан как раз влезла парочка здоровенных тёток из большой группы то ли финнов, то ли немцев. Ну ясно, теперь пока все по очереди не сфоткаются верхом, не отойдут. А индиец вокруг них так и вьётся. Но на расстоянии. Вроде и не у «крокодила», и не у группы… Я даже подумал: уж не карманник ли?

Потом ещё одна группа, англичане как будто. И та же история с индийцем. Словно он с этим «крокодилом» поговорить хочет, но как раз тогда, когда туристы подходят и мешают.

Через полчаса он поглядел на часы и быстро куда-то двинул. Я за ним. Оказалось, он решил подняться на террасу с мозаичными скамеечками, которые во всех проспектах Гуэля обязательно рисуют. Что и говорить, не дурак был сеньор Гауди, умел сделать просто и приятно. Вроде как собраны осколки битой посуды, набросаны кое-как в цемент. А со стороны поглядишь – такой цветник получается, душа радуется.

Хотя если в сотый раз смотреть, как я, то уже тошнит. Да и во время сиесты на этой площадочке как на сковородке. Но время было к вечеру, а индиец меня заинтриговал. Так что я был не против сделать вид, будто снимаю чудо-скамейки. В конце концов, парни из БАСФ могут и здесь что-нибудь отмочить.

Залить красивые скамеечки клеем, например.

Ага, индиец мой и здесь начал чудить. На часы поглядел, покрутился рядом с одной группой фотографирующихся, потом с другой.... Э-э нет, не просто рядом! Тут я и понял: он старается попасть в кадр.

Между тем толпа с террасы схлынула, мой подопечный прошёл ещё кружок вдоль красивых скамеечек, поглядел опять на часы и снова спустился к «крокодилу». И я убедился, что разгадал его манёвры. Этот бровастый делал своё дело прямо-таки профессионально. Влезал в кадр очень ненавязчиво, как бы случайно проходя позади, где-то с краю, так что туристы даже не трудились отводить камеру. А многие наверняка и не замечали его манёвров! Ведь рамка видоискателя обычно захватывает меньше, чем объектив. Поэтому на краях снимка иногда оказываются детали, которых ты даже не видел, когда наводил аппарат. Странный индиец, похоже, знал эту тонкость.

Однако в таких действиях нет ничего противозаконного. Тем более для нашего отдела: ребята меня засмеют, если я начну их дёргать из-за таких глупостей. Конечно, если бы кто из туристов заметил и пожаловался… На такой случай в парке есть обычная охрана. Это её забота – гонять подростков, покуривающих травку в укромных кустах, да бомжей, которые норовят уснуть на тихой скамеечке. В принципе, я могу подойти к одному из этих красавцев в фуражках, показать свою корочку и сдать им этого извращенца…

Но тогда вся местная охрана будет знать, кто я. А это крайне нежелательно. У террористов из БАСФ могут оказаться свои люди в здешних фуражках, благо на такую работу набирают обычных сезонников.

Тем не менее, я хотел понять, в чём фокус. Ситуация казалась особенно необычной, поскольку за годы работы в особом отделе привыкаешь к противоположной модели поведения: люди не любят попадать в кадр. Это касается не только мафии, кинозвёзд и секретных агентов, но и автолюбителей, которых снимают на въезде в город, и футбольных фанов, которых снимают при входе на стадион… да и вообще всех нормальных людей. Мало кто любит в чужие камеры попадать.

Конечно, есть такой вид развлекухи-подлянки – строить рожки за головой тех, кто позирует для снимка. Но час за часом влезать в чужие кадры, безо всяких рожек-ножек, просто в уголок… Особая форма эксгибиционизма?

Или… х-мм… новая форма стеганографии. Может, для кого-то лицо индийца в уголке снимка – особый знак, секретное сообщение. Что-то подобное рассказывал мужик из британской

МИ-5, когда приезжал к нам опытом делиться. Как раз после его приезда у нас министра связи грохнули.

Кто-кто, а я не мастак долгих теорий. Когда индиец спустился в самый низ парка и сел в кафе у южных ворот, я решил взять быка за рога. Тем более что пустых столиков в кафе всё равно не было.

Вялой походкой я подвалил к кафе, немного поизображал растерянность – ах, все занято! – и положил свою «Кодику» на столик индийца. Объектив оказался с солнечной стороны, и линзы тут же нарисовали на белом пластике стола светящуюся балерину.

–Извините, вы не против, если я здесь присяду?

Раньше я думал, что у меня самый жуткий английский на свете. И даже немного стеснятся подкатывать к американкам. Но когда до меня донеслось ответное карканье этого копчёного индюка, я понял, что мой папа Шекспир и мне пора открыть Америку. Слова он расставлял правильно, по произносил их как ребёнок, который издевается над репетитором. Я даже не могу это повторить. Ну, что-то типа:

–Нет-нет, саджитись пхаджаласта!

Я ответил улыбкой, сел и стал думать, с чего начать. Он опередил меня. Указал на мою «Кодику» чёрным узловатым пальцем, похожим на вымоченный корень, и прокаркал:

–Лупхите пхатаграпхираt?

В общем-то он попал, и это сразу меня сбило. Я ведь не случайно на такую работу согласился. Ещё в школе ходил на фотокружок, и застал, как говорится, старую магию. Там была и ручная настойка для каждого кадра, и жонглирование в темноте с бачком для проявки плёнки – и конечно, печать. Сумрак ванной комнаты, переделанной в лабораторию с помощью трёх табуреток и красного фонаря, инопланетные образы негативов под увеличителем, и наконец, то чудо в ванночке с проявителем, когда на мокром листе фотобумаги понемногу проступает образ, и можно ещё приложить тёплый палец к тому месту на фотке, где хочешь ускорить реакцию – например, чтобы черты лица проявились получше. Вместо глянцевателя и сушилки я использовал стеклянную дверь кухни, и тут даже родители отрывались от своих важных дел, чтобы поглазеть, чего я наколдовал в этот раз.

Потом накатил бум «мыльниц» и сервисов, которые всё за тебя делают: и проявку, и печать. А за ними накатили и цифровики – ещё проще, даже экономить плёнку не надо, нажимай кнопку сколько влезет, да рассылай знакомым свои свалки фотольбомов с однообразными рожами. Теперь

фотографом может стать кто угодно, вся магия старых аппаратов как будто пропала, но… Я всё равно любил побродить с камерой.

Конечно, не с этой служебной, которая со «спецвозможностями». Но моя собственная «Кодика», отдыхающая сейчас дома, была не хуже. И через два месяца, получив заслуженный отпуск, я как раз собирался взять в охапку мою маленькую вредину Ги и отправиться куда-нибудь за рубеж. Хоть на своей ответственной работе я и наелся по горло толпами туристов, но вот парадокс – иногда ужасно хочется побыть на их месте. Вроде как сапожник мечтает наконец пройтись в новых сапогах.

–Да, люблю пощёлкать, – честно ответил я, теребя ремешок «Кодики». – А вы? Кажется, я видел вас там наверху, около ящерицы.

И тут он попал второй раз. Дело в том, что в отпуск я собирался именно в Париж.

–Ятшерица, да-да! На ней очинь удопно снимацца, она фся пхопхадаит в каджр! Не то что Эпхелева пхатшня… Липха пхаймаишь толикха самьий тшпиль, липха толикха аджну ногу, кха-кха-кха!

Ветки рук взлетели, изображая ту самую башню, на которую я давно мечтал навести свою «Кодику». А глазами он, видимо, изображал растерянный объектив – по крайней мере, они метались ещё быстрее, чем руки. Может, парень накурился дури? Хотя черт их знает, этих азиатов. У них и в нормальном состоянии глаза как у психов.

–А где же ВАША камера? – спросил я и широко улыбнулся, задержав рот в таком растянутом состоянии чуть ли не на минуту. Вышло очень по-туристски. Прямо как у идиотов-американцев, что улыбаются по любому поводу.

–Они фсе мои, фсе! – Рука-коряга протянулась вперёд и нежно постучала указательным по моему фотоаппарату. Жест был очень странный и в то же время получился так естественно – я бы не удивился, если бы в ответ из объектива вылетела птичка.

–Вы работаете в компании «Кодика»?

Чёрные гусеницы бровей сжались, словно их владелец попытался соединить их вторыми концами.

–Удже нет… Меня выкхнали… Но эта мая текхналокхия! – Он снова коснулся моей камеры. – Они укхрали маю иджею! Интеракхтивный пхотопханк!

И тут на меня полилось. За полчаса общения на языке копчёных куриц я узнал не только историю несчастного индийца, но и основы той технологии, которую «Кодика» якобы украла у него, выбросив его самого на улицу.

Первая часть рассказа, про крах карьеры, не представляла собой ничего оригинального. Типичная история нелегального иммигранта, которого наняли с красивыми обещаниями, выжали как зубную пасту и сдали иммиграционной службе, а она прижала его за все оставшиеся органы и вытурила из Штатов.

Зато технология, о которой он рассказывал, заставила призадуматься. С одной стороны, звучало это как бред сумасшедшего. Но некоторые вещи, на которые он намекал, были… да, почти бесспорными. Особенно качество снимков, позволившее «Кодике» в очень короткое время занять лидирующие позиции на рынке.

Кроме того, меня не покидало ощущение, что кто-то – или тот английский пижон из МИ-5, или даже кто-то из моих боссов по пьяни – рассказывал нечто подобное. На другую тему, но всё равно похоже. О некой новой системе надзора с дурацким кодовым названием, напоминающим название телепрограммы. То ли «Сам себе режиссёр», то ли «Конкурс народных талантов». Суть была в том, что все фотоаппараты и мобильники, находящиеся в руках населения, можно скрытно использовать в качестве камер наблюдения. Если уж такие сумасшедшие проекты возникают даже в нашем ведомстве…

В общем, каким бы психом не выглядел этот тип с бровями, но говорил он интересно. Я даже поймал себя на мысли: хорошо, что он всё-таки не террорист. Выражение «горизонтальный параллакс» едва ли услышишь от дуболомов из БАСФ. А с этим индийцем я нескучно провёл время, слушая хоть и странные, но любопытные для фотолюбителя идеи.

Что оказывается в фокусе, когда снимаешь человека на фоне «Святого Семейства»? Это зависит от прихотей камеры, если мы говорим об автоматических «мыльницах». В принципе, они умеют брать в фокус объект на переднем плане, просто отлавливая контраст в центре кадра. Но ведь каждый видел и обратное: когда на снимке особенно чётко получается какое-нибудь дерево или угол дома, зато человек на переднем плане выглядит как медуза, которую швырнули об стену.

Конечно, на приличном аппарате ты сам можешь вывернуть объектив как надо. Старый трюк: если фоновое здание далеко, надо поставить фокусное расстояние, равное двум расстояниям до человека. У хорошего фотографа таких трюков навалом. И для леса, и для поля, и для горгулий, сидящих на верхотуре храма в шеренгу по четыре. Но таких знающих фотографов – единицы. И даже им зачастую приходится чем-то жертвовать при наводке на резкость. Что же говорить о миллионах простых туристов с «мыльницами», которым хочется получить чёткий во всех

отношениях снимок одним нажатием кнопки!

Индиец и придумал эту штуковину, которую он назвал «интерактивным фотобанком». На большинстве туристических фоток в качестве заднего плана используются известные достопримечательности: Белый дом, Голубая Мечеть, Чёрная Пагода, Красная Площадь… Если собрать большое количество снимков этих сооружений, можно построить из них вполне приличные виртуальные модели достопримечательностей. А затем использовать эти модели для коррекции новых снимков в цифровых камерах разных лохов. Пусть «мыльница» ловит в автофокус лишь клиента – а собор за его спиной скорректирует система искусственного интеллекта, на основе уже имеющихся у неё снимков того же собора. Но если турист сам сделает качественный снимок собора, такие снимки можно использовать для обновления фотобанка и улучшения моделей. Нужно лишь организовать сервис так, чтобы все фотки до превращения в «конечный продукт» пролетали по беспроводной связи через общий суперкомпьютерный комбайн.

В устах индийца всё звучало просто и логично. Я мысленно пытался опровергнуть эту теорию глобального цифрового подлога, но вместо контраргументов вспоминались лишь факты, косвенно подтверждающие его рассказ.

Когда «Кодика» только начала продавать свои аппараты, никакого особого отличия от продукции других фирм не наблюдалось. Будочки сервис-центров неизвестной фирмы вызывали лишь усмешки: стоит ли тягаться с признанными лидерами рынка? Однако потом стартовала их знаменитая рекламная кампания: «Я выбираю «Кодику», потому что теперь на моих снимках ничего не расплывается». Тупо, но ведь правда!

А главное, ты и вправду не знаешь, что происходит внутри твоего цифрового аппарата, где оказываются фотки невиданного качества. А «Кодика», само собой, не спешит разоблачать своего компьютерного спрута-коллажиста, который сунул щупальце в каждый фотик и втихаря подменяет расплывчатые силуэты любительской съёмки на более чёткие картинки из своей огромной коллекции.

–Там, около фонтана-ящерицы, вы как будто высматривали туристов с «Кодиками», – тактично напомнил я, когда собеседник замолчал и уставился в пространство печальным собачьим взглядом. – Скучаете по своему детищу?

–Да-да, пхотому я и прикхожу в такхие мьеста. – Индиец нежно провёл пальцем по кожуху моей камеры. – Кхочецца снова икх увиджеть, просто окхасаться ряджом… Кхто-то наджимает кхнопкху, и я срасу прештавляю, как потшла опрапхотка новыкх

исопраджений…

–А этот ваш искусственный интеллект, как много памятников он уже оцифровал?

–Мнокха, очин мнокха! Пхоэтому я каджый раз кхуляю в разных мьестах. Смотхрю, кхак людджи дхелают снимкхи. И мне не такх крустно спхоминать, что миня выкхнали… Если людджи раджуются…

Узловатые ветки рук и мохнатая гусеница бровей взлетели одновременно, как бы демонстрируя всенародную радость. Но тут же вновь опали. Нет, не очень-то он рад, что другие используют его изобретение.

Зато мне пришла в голову весёлая мысль. Я представил вдруг, как это со стороны: два человека, которые занимаются похожими странными делами, но по разные стороны объектива. Я втихаря навожу на кого-то камеру. А он втихаря влезает к кому-то в кадр. И вот эти два человека сошлись за одним столом…

–Хотите, я вас щёлкну? – предложил я. Улыбка в этот раз получилась совершенно натуральной.

Индиец взглянул на часы. Ну да, типичный жест «Извините, мне пора». Но он ответил иначе:

–Некхоторие народжы верьят, что каджая пхотографхия краджет у человьека част его джуши. А вы не верьите? Кха-кха-кха!

Он бешено захохотал, выпучив глаза и подняв ветки-руки. Но тут же резко оборвал смех и обратился ко мне с очень серьёзным лицом:

–Я кхочу пхить на ватшем снимкхе с пхивом, моджно?

Я кивнул, и он засеменил к бару – чёрный паук, вставший на задние лапы. Делая вид, что вожусь с настройкой аппарата, я приглядывал за ним. Нет, драпать он не собирался. Стал болтать о чем-то с барменом. Прошло целых две минуты, прежде чем он снова оказался у столика. И сразу встал в такую комичную позу, что я не мог сдержать усмешки. Счастливый паук, салютующий тебе бутылкой пива – это надо видеть!

Я поднял камеру, но индиец вдруг замахал руками.

–Нет-нет, нуджен кхрасивий пхон…

Он указал на пряничную башенку прямо перед воротами парка. Я кивнул. Он быстро перебежал через пятачок, отделявший кафе от ворот, и принял всю ту же комичную позу на фоне башенки.

Но как раз в тот момент, когда я нажимал на кнопку, весь видоискатель заволокло чёрным. Я поднял голову. Передо мной стоял усатый официант, демонстративно загораживая обзор:

–Будете заказывать?

Надо же, как не вовремя! За три месяца этот усач уже несколько раз видел меня здесь. Естественно, он запомнил клиента, который заказывает минералку и сидит с ней два часа, занимая лучший столик и не оставляя чаевых.

Теперь он мрачно завис надо мной и всем видом намекал, что я его уже достал. Но не показывать же ему корочку спецотдела!

–Нет, не буду, – отрезал я, пытаясь заглянуть за его массивный корпус. Официант нарочно сделал шаг в ту сторону, куда потянулся я. И снова заслонил ворота. Я сурово глянул ему в лицо, прочёл там недоумение и наконец сообразил, что если я ничего не заказываю, то по неписаным ресторанным законам мне и сидеть здесь не положено.

–Вернее, буду, – исправился я. – Только спрошу у приятеля, чего он хочет. Вы не могли бы отойти?

Но там уже никого не было. Я, прихрамывая, добежал до ворот и выглянул наружу. Увы! Имея такую фору, нетрудно сбежать от бывшего оперативника с простреленной ногой, который к тому же слишком вжился в роль фотолюбителя.

Не скажу, чтобы я совсем забыл этот случай. Но уже через месяц он стал просто «одним из», отошёл на задний план. Психов же в парке навалом, я говорил. Буквально через два дня один пьяный русский показывал любовь своей девице: встал на руках на парапет той самой террасы с гаудевыми скамеечками, и начал орать, что пройдёт таким раком полный круг. Половину прошёл, да и рухнул вниз. Высота-то всего три этажа – казалось бы, как тут можно череп проломить?

А через неделю ещё веселее история. Швырнули наконец в «крокодила» ёмкость с голубоватой жидкостью, по всей мозаичной спине растеклась. Я, само собой, проявил чудеса бега на короткие. По дороге успел через «Кодику» вызвать подкрепление из наших. А они в свою очередь и обычную охрану свистнули. Выходка вандалов из БАСФ, ясно дело! – все тут как тут, пальцы на спусковых. Даже пара репортёров вездесущих откуда-то выскочила.

А жидкость оказалась молочной смесью. На террасе, что как раз над фонтаном, мамаша-англичанка кормила ребёнка. Пацан чего-то разревелся да как швырнёт бутылочку вниз через кусты! Вот и весь терроризм.

Зато в сентябре, в Париже как раз, я вспомнил эту баечку про фотобанк. Когда уже отщёлкал и Эйфелеву, и Версаль. Мы сидели в кафе на Монмартре – последний день отпуска, все такое. Ги только что нарисовала пару голубей, благо они болтались под ногами, и стала читать газету. Попутно она в сотый раз объясняла

мне, что фотография это не искусство. Я вяло отбивался, хоть я и не такой образованный.

Тут Ги и прочитала мне вслух эту заметку, про взлом одного из серверов «Кодики». Якобы нашёлся там какой-то «чёрный ход». Ги сразу вставила шпильку насчёт моего аппарата.

Я в ответ расчехлил «Кодику», протянул к ней и пролистал последние несколько кадров, добавив, что с моим аппаратом всё в порядке, если конечно она имела в виду этот аппарат, а не тот, который на улицах расчехлять неприлично, но и там у меня вроде нет проблем.

Ги бросила презрительный взгляд на камеру и заявила, что всё равно ни черта не видно.

«Ну, уж тебя-то видно везде!», отшутился я. Хотя она права: что там увидишь на экранчике размером в один квадратный ноготь? Лицо Ги на переднем плане ещё можно различить, но что там сзади – какие-то контуры зданий, микроскопические фигурки прохожих…

И тут мне сделалось не смешно. И голуби сразу стали звучать так, словно они издевательски хмыкают. Я вспомнил индийца. И ещё кое-что вспомнил. Но это уже по дороге к сервис-центру, куда я тут же рванул, невзирая на крики Ги о том, что она не допила.

Насчёт хакеров разговор у нас был в отделе, год назад. Ну, не разговор даже, просто трёп по дороге домой. Хосе в очередной раз пытался подколоть нашего системщика Мануэля. И начал громко рассказывать Трамонтане, что все хакеры – это на самом деле уволенные программисты, у которых свои «дырки» везде понаделаны заранее. Трамонтана, которого мы обычно используем как таран для дверей, поддержал разговор идиотскими вопросами – почему, для чего? Ну Хосе и понёс свою пургу дальше. Мол, программисты обязательно оставляют в своих программах «закладки», чтоб в случае увольнения можно было отомстить фирме.

Долго он это расписывал, пока Мануэль не сказал спокойно, что это чушь собачья. И что никакой нормальный программер не будет так глупо палиться с личными «дописками», по которым его же и вычислят. Нормальному программеру, чтоб нагадить, достаточно просто знать общие «недокументированные возможности».

Это как, спросил Трамонтана. А это, говорит Мануэль, вот так: если на ноутбуке нашего Хосе одновременно нажать все клавиши верхнего ряда и все клавиши нижнего, то на экране все его пароли высветятся. Хосе, как услышал, тут же побелел, выхватил ноутбук и давай над ним каракатицей прыгать, пытаясь сразу две дюжины клавиш нажать. Трамонтана бросился

помогать. Когда я увидел, как эти два спецназовских быка изображают юных пианистов, чуть живот не надорвал. Я ж сразу заметил, как Мануэль губы кусает, чтоб не заржать. Он всегда умел отвечать на подколки.

Только у него была ещё одна черта: Мануэль никогда не врал напропалую. Конечно, про два ряда клавиш он пошутил. Но сама идея очень напоминала странные действия уволенного индийца....

Будка с надписью «Кодика» стояла тут же на краю бульвара. Девица в форменном сине-зелёном вспыхнула дежурной улыбкой. Я выдернул из фотоаппарата карточку памяти и попросил напечатать последние два десятка снимков. Причём не обычным форматом, а двойного размера.

Пока разогревался принтер, форменная девица – видно, просто от скуки – ляпнула что-то насчёт моего заказа. Мол, редко сейчас встретишь человека, который решил столько напечатать. Теперь все просто пересылают друг другу цифровые снимки через инет, хотя бумажную фотографию конечно приятней в подарок получить, так романтично…

От этой болтовни я слегка остыл. Действительно, чего сорвался? Да и Ги небось злится, что я усвистал непонятно куда.

Но неприятное предчувствие продолжало царапаться внутри. Что там говорил этот копчёный индюк про обновление фотобанка? Обратная связь через новые снимки туристов. Белый дом, Голубая мечеть, Чёрная пагода, Красная площадь… Недокументированные возможности? Да, что-то такое было в его интонациях. И потом, если он просто хотел быть ближе к своему изобретению, зачем всегда смотрел на часы перед тем, как попасть в чужой кадр?!

Через пару минут я получил назад свой чип – и толстый конверт с фотографиями. Не успев расплатиться, разорвал конверт.

Он был на всех снимках. И у подножья Эйфелевой башни, и на втором ярусе. И на набережной Сены, и среди версальских фонтанов. Даже на самом первом снимке – я щёлкнул Ги на фоне аэропорта де Голя – индиец торчал на заднем плане в правом верхнем углу. Маленький случайный прохожий с бутылкой пива. В каждом кадре.

Фотоаппарат я прямо там разбил, об пол сервис-центра. Хотел и охраннику врезать, да Ги меня вовремя увела. Она хоть и маленькая, но умеет так на руках повиснуть, что не хуже наручников-липучек.

Но это ещё не все. Через неделю, на своей прежней работе в парке, я снова его увидел. Десятка два японцев снимались на

входе в дом-музей Гауди. Облепили всю лесенку, а фотоаппараты, все два десятка, отдали одному добровольцу, чтоб он каждой камерой по очереди щёлкнул. Я тоже остановился на это чудо поглядеть – мелкий жёлтый японец, весь увешанный «Кодиками». Уж не знаю, есть ли у них в Японии рождественская ёлка, но получилось похоже. Ещё подумалось, что он мог бы сразу с двух рук снимать, как эдакий японский Рэмбо.

А потом я проследил взглядом, что у него попадает в кадр. Индиец с кожей копчёной курицы, с мохнатыми сросшимися бровями, стоял позади японцев, в дверях дома-музея. Белая рубашка светилась в тени.

Естественно, я опять побежал. Да, с моим дурацким коленом. Но в этот раз я точно знал, что он вошёл внутрь, а выход только один!

Ги потом сказала, что он наверное спрятался под кроватью сеньора Гауди. Ещё она сказала, что я просто свихнулся от своей чересчур ответственной фотоработы. И добавила, что возможно, все мозги у меня находились как раз в том колене, которое прострелили.

Но когда она это третье сказала, я взял одну из её кисточек, сломал пополам и бросил через плечо, без комментариев. Больше она про колено никогда не говорила. Очень понятливая.

С ответственной работой я после этого завязал. Осенью и зимой торговал здесь, на Рамбле, картинками, которые Ги рисует. Помогал ей холсты грунтовать, рамки делать, ну и всё такое.

От фотоаппаратов вначале дёргался, потом как-то отпустило. А в апреле даже решил попробовать себя в роли «артиста». Сначала долго наблюдал за этими чудиками. Влезет такой на чемодан, замрёт в позе – и стоит полчаса, живая скульптура. Видок у каждого свой, кому на что фантазии хватило. Один просто балахон марлевый накинет, а другой забабахает страшную маску инопланетянина, да золотой краской покрасится весь, от носа до подошв. И меч джедайский в руках, само собой.

Девицам с хорошими фигурами проще, но это уж кому что досталось. Зато не всякий может долго стоять неподвижно. А мне с моей коленкой как раз самое то – ни бегать, ни ходить не надо.

Да и роль я себе неплохую подобрал, камзольчик и глобус-постамент сразу всё объясняют: тот самый Колумб, собственной персоной. Особенно детишкам нравится – укажешь пальцем на какую-нибудь егозу и замрёшь на четверть часа. Я пока с вами болтал, всего два раза позу сменил, заметили?

Ну а если захотите оригинал этой статуи посмотреть, так просто вниз по Рамбле спуститесь, там он и стоит на набережной, на столбе высоченном. Я вам уже говорил, что это единственная

фигура во всём ансамбле с целым указательным пальцем? Ах да, говорил, и про деда тоже.

Нет, сам я достопримечательности теперь не посещаю. Разве что на его, прототипа моего, поглядываю временами. Не специально, а так, когда в трамвае по набережной еду. Но всё равно на лицо стараюсь не глядеть. Ага, только на палец. Мне и этого хватает, неприятное зрелище.

Почему? А вы, когда до него дойдёте, присмотритесь. Слыхали небось, что этот парень Америку открыл? А указывает-то совсем в другую сторону! И палец у него странной формы. Словно и не палец вовсе, а бутылка от пива.

Братья и сёстры

– Не шевелись, я тебя рисую, – шепчет Клара.

От её слов Желток на миг прячется в будильник, но тут же вылезает обратно. И продолжает колыхаться над столом, словно пламя костра.

– Ну и пожалуйста. Тогда нарисую Зелёнку!

Клара поворачивается спиной к Желтку и смотрит в дальний верхний угол палаты, где висит камера. Зелёнка вокруг камеры мерцает очень мерзко.

Нет уж, лучше Желток. На него хотя бы можно смотреть. Поэтому ей и разрешили взять будильник с собой. Она сказала доктору, что Желток – единственный призрак, который её не раздражает. Доктор посоветовал нарисовать его. А папа сказал, что ей надо попробовать с каким-нибудь призраком договориться.

Правда, тот доктор давно уже не приходит. А папа, когда приходил последний раз, велел вообще не рассказывать докторам о призраках. Поэтому, когда к Кларе пришла новая докторица и стала обо всём выспрашивать, Клара сказала ей, что ничего такого уже не видит, наверно хорошие таблетки помогли. И спросила, когда её выпишут.

Докторица посмеялась, но потом сделала противное лицо и сказала, что им надо дальше Клару исследовать. Клара знала, что они подсматривают через камеру, и старалась не показывать, как её достают призраки.

Таблетки она не ела, конечно же. Папа показал, как это делать. Когда они сидели в холле для встреч, он повернулся так, чтоб камера не видела, и тихо сказал: «Смотри фокус». У него в руке лежала маленькая жёлтая витаминка. Он забросил витаминку в рот, а потом высунул язык – там ничего нет. Клара подумала, что это совсем детский фокус: взял да съел! Но потом, когда они немного поболтали, папа вдруг открыл рот и показал ей кончиком языка, как он достаёт витаминку из-под верхней губы. Потом он выплюнул её себе в ладонь и спрятал в карман.

С первого раза у Клары не получилось. «Давай-давай, запивай-показывай!», крикнула толстая медсестра Нина на утренней раздаче таблеток. Клара испугалась и проглотила таблетку. Но вечером, когда выдавали второй раз, она успела – кончиком языка загнала таблетку под верхнюю губу, где ямка над зубами, быстро проглотила воду и показала Нине язык. С тех пор Клара отправляла все таблетки в унитаз. И продолжала видеть призраков, вот как сейчас – Желтка.

Она ещё немного порисовала пламя над будильником, но тут из кондиционера вылезла Сирень. Стараясь не бежать, Клара прошла в дальний конец палаты и села у батареи, как будто погреться. Сирень достаёт больше всех. Хотя Корица тоже неприятная, но она недолгая: выскочит из розетки или из выключателя, схватит Клару щупальцем за голову, сожмёт, но тут же рассыпается на мелкие иголки и обратно прячется. Может быть, всего один раз в день или два. А Сирень долго мучает, волнами накатывает по полчаса.

Поэтому Клара очень обрадовалась, когда дверь открылась и вошла уборщица Гуля. Раньше Клара её побаивалась и не разговаривала с ней. Но однажды Гуля убирала в палате после того, как Клара ужасно намусорила – и Клара заметила, что уборщица не выбросила кусок верёвки. Бумагу рваную выбросила, и ломаные карандаши, и пластилин испорченный. А верёвочку привязала бантиком к трубе батареи.

Тогда Клара решила провести Иксперимент. Она незаметно вытащила у дежурной медсестры шнурки из уличных ботинок, которые та прятала под своим дежурным столом. Связанные вместе, два шнурка образовали как раз такое кольцо, как надо для «кошачьей колыбели».

Когда Гуля снова пришла убирать, Клара молча сделала первую фигуру и показала ей. Гуля тут же сделала вторую, и они стали играть. Клара спросила, откуда она приехала. Из Узбекистана, сказала Гуля. А какое там море? Гуля сказала, что вообще никогда моря не видела. Клара очень удивилась – ведь папа говорил, что верёвочные фигуры делают на берегах и островах. Наверное, он тоже удивится, когда она ему расскажет, что в Узбекистане тоже играют в «колыбель».

От мыслей о папе становится грустно. Потому что ни он, ни мама не приходят уже целую неделю. Только бабушка приходит, но она всегда говорит гадости про папу, и обещает, что его больше не пустят в больницу, потому что это он Клару «довёл своими лагерями». Хотя откуда ей знать! Она сама никогда в лес не ездила, и у ней дома даже ни одного цветка нет. Глупая бабка, лучше бы не приходила! А тут ещё эта Сирень кружит кольцами на всю палату…

– Гуля, можешь выключить кондиционер? Я замёрзла.

Уборщица качает головой:

– Автоматический. Мне нельзя выключить.

Она поднимает с пола пару рисунков Клары и громко причитает:

– Ай-яй, какой беспорядок! Такая хорошая девочка, и такой беспорядок!

Что случилось? Раньше Гуля никогда не ругала её за разбросанные вещи. А теперь уборщица стоит прямо перед ней и требовательно протягивает собранные листы. Но сверху на рисунках Клары лежит что-то чужое. Детская раскраска с Русалочкой.

– Сестра твоя приходила, – тихо говорит Гуля, повернувшись спиной к камере. – Не пустили её. Вот передала тебе порисовать. Но лучше спрячь. Передачи тоже нельзя.

– У меня нет… – начинает Клара, но тут же останавливается. У раскраски загнут левый нижний уголок. И не просто загнут, а два раза. Клара подцепляет уголок ногтем и видит там две точки, поставленные карандашом. Как на квесте в лагере.

– У меня нет точилки! – громко говорит она. – Половина карандашей уже сломались.

– Точилку нельзя. Давай возьму плохие карандаши, завтра принесу хорошие.

Когда Гуля уходит, Клара снимает одеяло с постели и возвращается в дальний угол палаты. Садится к батарее, положив одеяло под спину, и рисует Желтка.

Зовут на ужин. Клара быстро съедает пересоленную котлету и безвкусное пюре, в четыре больших глотка выпивает клубничный компот. Возвращается в палату и ложится в постель, укрывшись одеялом с головой. Под одеялом достаточно света, чтобы рассмотреть листок с Русалочкой.

Всё то время перед ужином, пока она рисовала, листок был прижат одеялом к горячей батарее. И если раньше оборот листа был белым, как потолок палаты, то теперь там появилась схема здания. В разных местах схемы – кружочки с номерами и маленькими флажками. Под каждым флажком написано время. И что нужно сделать.

Клара высовывает голову из-под одеяла. Желток пляшет над будильником.

# # #

Стоять под кондиционером неприятно. Сирень почему-то начала раскидывать свои кольца ровно в то время, что написано на листке – когда Кларе нужно подойти к двери. Клара крепко сжала в руке будильник, запахнула покрепче кофту и осталась стоять. И даже с вызовом посмотрела прямо на Сирень.

Сквозь пульсирующие в воздухе красно-синие кольца виднеется надпись на кондиционере: Honeywell. Клара задумалась, как же это произносить. В английском всё звучит не так, как написано. Хотя… она уже видела это слово! И слышала,

как оно звучит!

Летом, когда мама с папой ещё не поссорились, они все вместе были на море. Было очень жарко, когда они прилетели, и в такси тоже жарко. Поэтому они очень обрадовались, когда вошли в прохладный холл отеля. Но в номере опять было жарко, и мама ругалась, что кондиционер включен на охлаждение, однако совсем не охлаждает. А папа залез в душ и кричал оттуда, что сейчас что-нибудь придумаем. А мама опять ругалась, что у кондиционера даже нет никаких кнопок. А папа в ванной смеялся и кричал: наверное, через вайфай управляется, скажи мне модель, я спрошу у наших сектантов. Мама крикнула «Ха-Ни-Вел!» и какой-то номер.

Клара тогда очень удивилась: у кого это папа хочет спросить в ванной? Может, сектанты – это такие маленькие человечки, как фиксики или добывайки? Тогда они, конечно, умеют ремонтировать всякие вещи. Она подошла к двери и стала смотреть, не вылезет ли из-под неё маленький сектант. Но никого не увидела. Только папа вышел в жёлтом махровом халате, одной рукой он вытирал голову полотенцем, а другой набирал что-то на телефоне. Клара сразу поняла, что сектанты не сидят в ванной, а живут в своей далёкой сказочной стране, а папа просто послал им сообщение с вопросами.

А теперь она стоит одна под таким же кондиционером. Если бы тут был папа с телефоном, она попросила бы его узнать у сектантов, как вырубить этот дурацкий Ха-Ни-Вел насовсем. Но папы нет. А кондиционер вдруг начинает дуть горячим, Сирень вспыхивает ещё ярче и дотягивается кольцом до Клары. Болит голова. Надо петь, говорит внутри Клары другая Клара.

– Ночь прошла, будто прошла боль.
Спит Земля – пусть отдохнёт, пусть.
У Земли, как и у нас с тобой,
там впереди долгий как жизнь путь.

Пока она поёт, Сирень прячется. Но только лишь Клара останавливается, чтобы перевести дыхание, как переливчатые кольца Сирени снова обматывают её голову и давят на виски. Клара прижимает ладони к вискам и поёт ещё громче:

– Я возьму этот большой мир!
Каждый день, каждый его час!
Если что-то я забуду,
Вряд ли звёзды…

Хлоп. Кондиционер вырубился, а с ним исчезла и Сирень. Клара выглянула за дверь. В коридоре погас свет, лишь в дальнем конце горит маленькая лампочка на лестнице.

– Первый флаг, – шепчет Клара.

И тут же отступает обратно в палату: по тёмному коридору бежит к лестнице, громко охая, дежурная медсестра Нина. Клара знает, что Нина боится темноты и всегда держит включённым свет в коридоре, да ещё и настольную лампу зажигает.

Когда оханье на лестнице стихает, Клара выходит в коридор и идёт в противоположную сторону, в темноту. Вскоре в темноте появляется свет, но другой. Такой, какого она не любит.

В конце коридора на стене висит маленький шкафчик. Вокруг него светится облако блестящей пыли, словно иголки висят в воздухе. Это Корица.

Клара протягивает руку к шкафчику. Корица тут же бросает щупальце колючей пыли в её сторону, и Клара отскакивает. Но второй флаг на схеме – именно здесь. Клара набирает побольше воздуха, приседает на корточки, и вжав голову в плечи, подкрадывается к шкафчику снизу. А потом резко открывает дверцу.

# # #

Охранник Захар Григорьевич стоял у ворот клиники и в очередной раз перечитывал сообщение на экране своей покоцанной «Моторолы»:

«Будь же защитой для малых сих от геенны огненной в час отчаянья»

Странные сообщения начали приходить к Захару Григорьевичу пару недель назад. Когда прилетело первое, с призывом «возлюбить ближнего», Захар Григорьевич подумал на сестру Дарью. Это ведь она обычно присылает ему всякую дрянь – то рецепты народной медицины от геморроя, то бесполезные советы навроде того, что порванную рубашку можно склеить с помощью яйца и утюга. Недавно они даже поругались и перестали разговаривать из-за её электронных намёков: сестра прислала Захару Григорьевичу ссылку на форум одиноких баб, желающих познакомиться.

Дарья пыталась женить его с тех самых пор, как его невеста ушла к другому, пока молодой ещё Захар был в армии. Сам Захар отреагировал на известие о свадьбе неверной подруги без особого шума, просто вернулся в армию на контракт. Ему довелось

побывать и в Сирии, и в Эфиопии, и даже на одном из тех островов Южно-Китайского моря, о которых не пишут в газетах. Личная жизнь при таком образе жизни как-то не заладилась, и ко времени выхода на пенсию у Захара Григорьевича не было никаких близких, кроме сестры. Зато сестра опекала его чересчур рьяно. Логично предположить, что именно она подписала его на этот странный канал, рассылающий цитаты из каких-то священных писаний.

Но когда на следующий день пришло сообщение, предлагавшее Захару Григорьевичу «не судить», он решил, что зря грешит на сестрицу. Сразу же и позвонил ей, забыв о своём обещании больше с ней не разговаривать.

Дарья очень обрадовалась звонку. Нет, конечно она никуда его не подписывала, как он мог такое подумать! Она даже посоветовала ему удались эти сообщения и ни в коем случае не отвечать на них. Потому что одна знакомая вот так ответила, а ей потом – огромный счёт за международный звонок во Вьетнам! Захар Григорьевич впервые за долгое время искренне поблагодарил сестру. Он ведь сам-то не догадался, что возможна такая мобильная подстава. В общем, помирились.

Но сообщения продолжали приходить, по одной цитате в день, и Захар Григорьевич даже стал как будто поджидать их – что там будет нового в священном писании назавтра?

На пятый день пришла красивая цитата про льва и про смелость, которая в сердце, а не в голове. И надо ж такому случиться, именно в это время директор клиники подъехал на своём BMW и посигналил, чтоб открывали скорей ворота. И пока механизмы с гудением раздвигали стальные двери, директор дежурно спросил у Захара Григорьевича, как дела. А тот, аки лев осмелевший, возьми да и скажи – дела отлично, товарищ директор, однако же скоро зима, а будет ли в этом году премия, интересно? В прошлом-то году премию зажали.

Как так зажали? – удивился директор. И обещал разобраться сегодня же. А Захар Григорьевич мысленно поблагодарил тех, кто прислал ему цитату про льва.

А ещё через два дня загадка странных посланий разрешилась. В новом сообщении не было цитаты, но говорилось, что братия Свято-Даниловского монастыря тестирует новый информационный сервис, и выбрали они для теста именно Захара Григорьевича, как человека очень приличного, который может честно оценить этот сервис. А потому подписали его на рассылку бесплатно. Но если он сам пожелает, то всегда может отправить свою благодарность в рублёвом эквиваленте на счёт Сбербанка номер такой-то.

Что ж, вполне можно послать рублей пятьдесят на хорошее дело, прикинул Захар Григорьевич. Однако, когда набирал перевод, то вспомнил, что эти цитаты помогли ему уже дважды: и с сестрой помирился, и премию выбил у директора. Пожалуй, пятьдесят рублей как-то мелочно. Пусть будет сто.

Одно оставалось неясным для Захара Григорьевича: как эта братия монастырская разузнала, что человек он приличный? И вспомнился вдруг армейский кореш Витюха, которого в Донецке контузило сильно. Забрали Витюху в клинику психическую, навроде вот этой, с решётками и уколами. Да только Витюха удрал, молодец! А позже получил Захар Григорьевич письмецо. Кореш его сообщал, что работает теперь при церкви в Архангельской области, и всё у него в порядке. И даже звал он Захара к себе в гости. Тот собрался уже поехать, да сестра отговорила: дружок же психический! Хорошо, что в церкви успокоился, но зачем бередить его раны? А ну как он опять пойдёт всё крушить, когда с тобой старые дела припомнит? Не поехал Захар Григорьевич.

А Витюха, выходит, не забыл, весточки присылает. Да ещё и такие, что помогают по жизни. Вот как братки настоящие поступают!

После этого Захар Григорьевич всю неделю жил «по писанию» – читал с утра новое сообщение, да размышлял, как применить его к жизни. И применял успешно. Раз в автобусе по дороге домой так хотелось врезать мужику одному хамоватому – но вовремя вспомнил утреннюю цитату, улыбнулся и анекдот рассказал. Мужик тоже сразу расслабился. Нормальный мужик оказался, вместе пива попили у «Магнита».

Вот только сегодня применить совет из монастырского сообщения не удалось. Весь день Захар Григорьевич гадал, каких же «малых сих» надо защитить от «геены огненной»? И днём на рынке, и вечером по дороге на работу он присматривался – может, где пожар? Но ничего такого за весь день не происходило. Он заступил на дежурство в ночную смену, закрыл калитку за последними выходящими врачами, и привычно лёг вздремнуть в своей вахтёрке.

Среди ночи его разбудил одинокий «дзинь», словно уронили колокольчик – новое сообщение. Захар Григорьевич взял телефон. Сообщение пришло то же самое, что и утром. Про «малых сих в час отчаяния».

Может, у них там поломалось чего в монастыре? Но тут же возникла и другая, более неприятная мысль: а может, он сам виноват, пропустил что-то важное в этот день? Он вышел на улицу, прошёлся вдоль корпуса по двору, где днём гуляли

психические. Всё тихо, как обычно.

Свет в клинике погас, когда Захар Григорьевич уже вернулся к своей проходной. В палатах и так было темно, но теперь потемнели и окна коридоров. Остались только две лампочки на лестнице, на аварийном питании.

«Опять пробки выбило, – подумал Захар Григорьевич. – Небось Нина, как обычно, включила себе и обогреватель, и кипятильник. Сейчас прибежит, будет просить электрика вызвать. А чего там вызывать, пошёл да и…»

Вдруг лампочки на лестнице тоже погасли. Захару Григорьевичу даже показалось, что он услышал громкий щелчок. А ведь на том же аварийном питании работают и замки на этажах, вспомнил он. Вот теперь точно внештатная ситуация. Он вытащил телефон, чтобы позвонить в соответствии с инструкцией…

– Дедушка, как пройти к храму? – спросил детский голос за спиной.

Захар Григорьевич обернулся. Рядом стояла девочка лет семи, в длинной вязаной кофте поверх больничной пижамы. В руке она держала круглый будильник. Захар Григорьевич перевёл взгляд на экран своей «Моторолы», где светилась загадочная цитата.

«В час отчаяния… – пробормотал Захар Григорьевич. – Малых сих».

И всё как-то сразу сложилось. И армейский кореш Витюха, что сбежал из дурки, а выздоровел в церкви. И здешние надменные врачи, что детишек мучают своими таблетками да приборами – воистину гиены! И вся его, Захара, военная служба, которая вела его к этому самому моменту – защищать малых сих, а не помогать супостатам. Всё стало ясно как день.

– Пойдём, дочка, я покажу дорогу, – говорит Захар Григорьевич, открывая железный засов на калитке.

Они выходят на улицу. До рассвета ещё далеко, но небо уже начало добавлять утреннюю голубую примесь к жёлтым фонарями. Захар Григорьевич, повернувшись налево, указывает рукой: на следующем перекрёстке блестят золотые луковки церкви.

Из клиники за спиной раздаются крики. Захар Григорьевич прислушивается, как будто вспоминая о чём-то далёком.

– Мне бы надо… – говорит он.

– Да-да, вы идите, я дальше сама доберусь! – Девочка машет ему на прощанье будильником. – Спасибо, дедушка!

Пожилой охранник машет рукой в ответ. За забором клиники опять какой-то визг. Охранник возвращается на территорию и

видит, что к нему несутся трое подростков в больничных пижамах, а за ними гонится толстая дежурная сестра. Охранник улыбается. Он знает, что делать. Он широко распахивает калитку и кричит:

– Дорога к храму – налево! Дуйте, ребята, я её задержу!

# # #

Сидя на остановке у церкви, Клара немного замёрзла. Время, написанное в плане под этим флагом, уже прошло, но никто не появился. Она поставила будильник на скамейку и стала приседать и подпрыгивать, как делали в походе по утрам, чтобы согреться. Так распрыгалась, что даже не заметила подъехавшее такси.

– Эй, фызкультура! Тэбэ в школу, да?

Клара молча кивнула. Около этого флага на плане стоял значок «Не болтать». Усатый водитель открыл заднюю дверь, и она забралась в такси.

– Школа далэко идти, да? Нычево, Гиви падвэзёт!

Клара опять кивнула. Но засомневалась, увидел ли таксист её молчаливый ответ: он в это время двигал рычаг, поворачивал руль и бегал глазами по зеркалам, отъезжая от остановки. Клара решила, что будет поддакивать вслух. Но только поддакивать. Это не считается как болтать.

– А брат у тэбя крутой, да? Такой матацикл, проста пэсня!

– Да, – сказала Клара.

– Стаяли с ним на свэтафоре. – Водитель показал рукой на улицу. – Ждали зэлёный. Я ему гаварю: такой дощщь, плоха на матациклэ, машина лучче! А он гаварит: зато я свабодэн, как вэтэр, а за табой сыстэма слэдит! Такой спорщик твой братэц, да?

– Да. – Клара улыбнулась, вспоминая, как вечером Гуля передавала ей раскраску «от сестры». Вот и брат появился. И кажется, все эти новые родственники – настоящие хулиганы.

Водитель тем временем продолжал рассказывать, как её «брат» подшучивал над ним, Гиви, который не может никуда поехать без надзора «Яндекс-Такси». Гиви тогда ответил, что эта система помогает ему находить клиентов. А молодой байкер стал уверять, будто можно сделать так, чтобы эта штука клиентов находила, а за водителем не следила. Теперь уже Гиви посмеялся – нельзя так сделать, это же спутниковый GPS! Но байкер предложил поспорить. Сказал – ставлю мотоцикл.

Ох, как он задел таксиста! Хотя откуда ему знать, что Гиви с детства – самый большой спорщик? Сначала Гиви хотел так же красиво ответить: да я машину поставлю! Только вспомнил, что

машина ему не принадлежит полностью. С другом купили на двоих. Но не спорить Гиви не мог! И тогда он широким жестом предложил спорить на любое желание.

И проиграл: в тот же вечер молодой байкер привёз ему коробочку, обмотанную изолентой, и показал, как она работает.

–До сых пор нэ магу павэрить! Я еду, а сыстэма думаэт, что я сплю!

Таксист засмеялся и ткнул пальцем в экран навигатора. Клара наклонилась вперёд и тоже посмотрела. На карте была нарисована одинокая кривая улица, как будто на окраине города. Маленькая нарисованная машинка стояла на этой улице и никуда не двигалась, хотя на самом деле такси мчалось по широкому прямому проспекту.

А проигранное байкеру желание, по словам Гиви, оказалось не таким уж страшным. Надо просто с утра отвезти младшую сестру байкера в школу. Потому что братец в этот день не сможет, будет свой мотоцикл ремонтировать. Всего делов-то, полчаса прокатиться! И байкер даже не забрал у Гиви хитрую коробочку, а ведь с ней Гиви может заработать гораздо больше, чем раньше!

– Школа твая, да? – Таксист свернул с проспекта, заехал во двор и остановился у железной решётки.

– Да.

– Брату спасыба! Толька скажи, одна нэдаработка… – Он повернулся к ней и показал наручные часы. – Каждый раз, кагда включаю эту штуку, часы пэрэводятся на двэ тысячи пэрвый год. Скажи брату: нэ нада часы пэрэвадить! Гиви в этам гаду харашо!

Клара эхом повторила «хорошо», захлопнула дверцу машины и вошла в школьный двор. Проходя мимо каменного крыльца школы, она с опаской поглядывала на окна. Папа не раз говорил, что в школе учат бесполезным вещам, и ходить туда не надо. А вдруг они сейчас выскочат, схватят Клару и начнут учить бесполезным вещам?

Она ускорила шаг, обогнула здание и вышла со школьного двора через другую калитку. Остановилась, вынула листок с планом. Больше никаких инструкций нет.

– Пятый флаг, – сказал рядом знакомый голос. – Не замёрзла?

Клара так и подскочила на месте. А потом бросилась вперёд и с разгону запрыгнула на руки отца.

– Ого, как выросла! – Он крепко обнял её. – Я чуть не свалился.

–У тебя борода выросла больше, чем я! – Клара дёрнула его за бороду, потом ткнула пальцем в лоб. – А тут у тебя какая-то блестяшка. Ты похож на Деда Мороза, который спал под ёлкой!

– А-а, это… – Он подцепил блестящую полоску ногтем и отклеил от кожи. – Это я проверял теорию о переселении душ. Тут на лбу есть особая «точка брахмана». Мои знакомые индийцы верят, что если приклеить в эту точку вот такую блестяшку, то камера на подъезде дома распознает не тебя, а твоё воплощение в следующей жизни. Например, лягушку или улитку.

– Фу, не хочу быть лягушкой! Лучше кошкой.

– Ладно, сделаем так, чтобы тебя распознавали как кошку. Только не сейчас. Сейчас у нас будет путешествие.

Он взял её за руку и повёл через пустую улицу. Когда до машины оставалась всего несколько шагов, Клара вдруг остановилась, и он почувствовал, как напряглась её рука. Он проследил её взгляд – впереди на асфальте блестело огромное радужное пятно.

– Это просто бензин разлили. Похоже на твоих?…

Клара молча кивнула. Он слегка потянул её в сторону, и они обошли бензиновую кляксу.

В машине было тепло, даже жарковато. Он сел за руль и оглянулся посмотреть, как Клара устраивается сзади. Заметив, что она стягивает кофту, посоветовал сразу же снять и больничную пижаму – там могут быть «жучки». Пакет со сменой одежды был приготовлен там же, на заднем сиденье.

Новая одежда насмешила Клару: брюки короткие, а рубашка наоборот, на пару размеров больше, чем нужно. Она сразу представила, как отец идёт в магазин и подбирает ей вещи «на глаз», потому что она сидит в больнице и не может их примерить.

А ещё в пакете нашёлся мягкий клетчатый плед. Клара завернулась в плед, и ей стало очень-очень хорошо. Машина тронулась.

– Пап, расскажи сказку!

– У меня руки заняты.

Они рассмеялись вместе. Вряд ли кто-то посторонний понял бы, почему.

– Фигуру потом покажешь. А сказку сейчас.

– Ладно, слушай.

Клара легла поудобнее и стала слушать, как древние гавайские мореплаватели определяли путь по звёздам. Самым любимым созвездием у них был Треугольник Навигатора, его звёзды показывали направление на три вершины океанского треугольника Полинезии: это Гавайи, Новая Зеландия и остров Пасхи. Звезда Альтаир, что указывала на Новую Зеландию, вместе с парой соседних звёзд называлась у гавайцев «Хуму и сыновья». Согласно древней легенде, Хуму был опытным моряком-навигатором, и тому же искусству научил двух сыновей. Однажды

во время долгого похода им пришлось разлучиться: Хуму должен был вести каноэ, на котором плыл король, а сыновей Хуму посадили на другую лодку. Там они поссорились с рулевым, и он выбросил мальчишек за борт. Но мальчишки плыли на тройную звезду, как учил отец. И в конце концов они встретили королевское каноэ, и отец вытащил их из воды.

Дальше было что-то ещё про короля и вредного рулевого, но этого Клара не запомнила – она заснула на первой половине сказки.

Звезда Койота

Забор, возле которого они поставили машину, отличался какой-то суровой основательностью. Егор заметил, что здесь вообще любят серьёзные заборы. Когда они только подъезжали к посёлку, память рисовала привычные с детства образы деревенских домиков и огородов, а вокруг них – классический частокол, эдакая горизонтальная лесенка из узких досок, что при взгляде из автомобиля сливается в полупрозрачную пелену, как полиэтиленовая плёнка на теплицах. Но тут было иначе. Глухая четырёхметровая стена, идущая вдоль дороги, переходила в другую такую же стену, а та в следующую, и разнились они только цветом да творческим оформлением верхней части: где-то макраме из колючей проволоки, где-то металлические пики художественной ковки добавляли ещё с полметра защиты неизвестно от кого. А у этого крайнего участка забор был даже не щитовой, тут использовался крупный кирпич, напоминающий сталинскую застройку московского центра.

Перед воротами Николай остановился, показал глазами на камеру. Егор посмотрел в чёрный шарик и попытался вообразить, что там может быть, за таким основательным забором. Секретный институт? Частная тюрьма?

Но тут створка ворот с лязгом отъехала, открывая вид на самую настоящую деревенскую идиллию, какую он представлял себе по дороге. Бревенчатая изба с резными наличниками небесного цвета прямо просилась на открытку. Слева под окнами – свежевскопанные грядки и клумба с пионами. Справа – песочница, в ней два малыша лет пяти сосредоточенно конструируют свою версию клумбы из сорванных одуванчиков. А позади них, в глубине участка, вздымаются волны цветущих яблонь и вишен.

–Ну наконец-то, Коля! Где ты болтаешься! – Седой худощавый дядька в белой рубашке и синих джинсах (удивительно нелепо одеваются современные старики, подумалось Егору) выскочил откуда-то сбоку, быстро пожал руку Николаю и стал сверлить его спутника таким пронзительным взглядом, что захотелось отвернуться.

–Здравствуйте, Михал Семёныч, – бодро сказал Николай. – Это Егор, я вам рассказывал.

–Помню, помню. Новая антропология, все эти ваши сетевые сообщества… Но так нехорошо, Коля. Не по протоколу.

–Другие протоколы теперь, Михал Семёныч. У вас в заднем

кармане айфон последней модели торчит, да? Радиус прослушки – более двадцати метров. Плюс он снимает ваш пульс и ещё кое-какие биометрики, фактически готовый детектор лжи. Про геолокацию даже не говорю.

–Ладно, поймал. Один-один. Пойдём, пока Федя всё мясо не спалил.

Они двинулись в обход дома, но тут на крыльцо вышла женщина в цветастом платье, с большой салатницей в руках. Она близоруко сощурилась на пришельцев, но узнав Николая, улыбнулась. Хозяин дачи представил Егора своей жене.

–Машенька, отдай-ка салат Коле, он отнесёт, а ты лучше прихвати из дома ещё два бокала для ребят. И вот это… – Михаил Семёнович передал ей мобильник – …в мой кабинет, там такая коробочка с сеточкой, ну ты знаешь.

Пройдя сквозь белые кружева цветущего сада, они вышли через другую калитку к реке. На берегу меж сосен дымился мангал, рядом за деревянным столом сидела тройка совершенно непохожих друг на друга гостей. Один, толстый и лысоватый, лет сорока, напоминал довольного бухгалтера, не желающего расставаться со своим пиджаком даже в такой вольной обстановке. Напротив него – молодой, в чёрной коже, с крашеными волосами и крупной серьгой, наверняка примчался сюда на том сверкающем байке, что они видели у ворот. Третий, маленький, с лицом скромного узбека, мог быть вообще кем угодно – хоть киллером, хоть курьером «Яндекс.Еды».

Егора и здесь представили, и он, как обычно, сразу забыл два имени из трёх. Появилась хозяйка с бокалами, её супруг тут же предложил выпить за знакомство.

–Миш, ну не налегайте сразу. Дай ребятам хоть салату поесть. Федя, а что с шашлыками-то?

–Только поставили, Мария Александровна! – Толстячок в пиджаке вскочил и бросился переворачивать шампуры.

–Так, этому больше не наливайте, он точно всё сожжёт.

–Брось, Маша, в нашем деле никак нельзя без огненной воды. – Хозяин уже разливал коньяк по бокалам. – Никаких великих достижений не случилось бы.

–Ну конечно.

–Не веришь? Да хоть сейчас расскажу, как оно на самом-то деле было. Молодёжь ведь тоже не знает, ЗОЖники все, за рулём. А вот представьте: тысяча девятьсот шестидесятый год…

–Этого даже я не могу представить. – Мария Александровна кокетливо поправила волосы.

–Время побед, фантастическое время! – не унимался Михаил

Семёнович. – Уже запущен Спутник, уже сфотографирована обратная сторона Луны, и вот-вот полетит Гагарин, и станции на Венеру, на Марс – везде мы первые! И в это самое время Андрей Ершов, автор первых программ для первых вычислительных машин БЭСМ, переезжает из Москвы в Новосибирский Академгородок. Партия и правительство возлагают на него большие надежды в борьбе с родившейся на Западе кибернетикой. Но сам Андрей не хочет бороться с кибернетикой. Он понимает, что за нею будущее. Столкнувшись с этим противоречием, наш учёный уходит в запой. И на этой почве знакомится с соседом, сильно пьющим инженером завода железобетонных шпал.

–Кто б сомневался… – усмехнулась хозяйка, но тоже взяла бокал и присела в шезлонг у стола.

Михаил Семёнович, очевидно, воспринял это как разрешение продолжить, и поднял свой бокал повыше. После чего слушатели узнали, что новый приятель Ершова увлёк будущего академика не только совместной выпивкой, но и рыбалкой на реке Оби. Общение с водой, как известно, снимает многие противоречия. Так случилось и с Ершовым – в момент отрезвления учёный делает запись на пачке от «Беломора»: «Вычислительная техника на троичной логике не только более эффективна, но и идеологически верна. Нужно развить нашу, истинно диалектическую кибернетику на основе троичной системы счисления!».

Смелая идея поначалу не находит поддержки в Москве: какие-то умники в МГУ в конце 50-х уже замутили троичный компьютер «Сетунь», но он не взлетел. Однако друг-алкоголик, с которым вновь запивший Ершов делится своими горестями, рассказывает учёному, что у них на заводе железобетонных шпал используется гидравлический интегратор Лукьянова на троичной логике, и этот интегратор успешно применяется в моделировании процесса остывания бетона, с чем не справляется ни одна цифровая ЭВМ.

Поражённый Ершов снова выходит из запоя и выясняет причину неудачи троичных компьютеров МГУ – на самом деле, они были таким же бинарными компьютерами, как и все остальные, просто игнорировали четвёртое состояние двухбитной ячейки и делали вид, что работают на троичной логике, но при этом тормозили как двоичные. Короче, москали как обычно смухлевали. Другое дело – интегратор Лукьянова: там работает чистая водяная логика. Троичная.

«Нужно делать вычислитель не на электричестве, а на воде!» – говорит Ершов на заседании Академии Наук,

примчавшись в Москву. По счастливой случайности, подавляющее большинство академиков оказываются явными или тайными любителями рыбалки. Они сразу понимают диалектическую перспективу: Ершов прав, теперь не надо воевать с кибернетикой, надо лишь доказать, что советская троично-водяная кибернетика гораздо лучше двоично-электронной, загнивающей и вымирающей американской.

Академия даёт Ершову «добро» на разработку двух первых российских ГВМ универсального применения, «Полынья» и «Водопад». Сразу после постройки этих ГВМ в 1968 году и оглушительных успехов в решении различных народно-хозяйственных задач Ершов показывает мировому сообществу язык. Это язык программирования «Ершол», понятный любому школьнику, ходившему на рыбалку. Ознакомившись с этим языком, видный западный кибернетик Никлаус Вирт отказывается от разработки языка «Паскаль» и пытается развить американский аналог «Ершола», известный как «Сальмон». Но Вирта ожидает провал, ведь он работает с машинами на двоичной логике, и слово «виртуальный» вскоре становится уничижительной характеристикой, ну примерно как…

–«Осетрина второй свежести», – подсказала Мария Александровна.

–Именно! – просиял супруг. – С этого исторического момента западная кибернетика начинает заметно проигрывать советской. Работающая в Петергофе команда Андрея Терехова объединяет несколько машин ГВМ «Водопад» в виде каскада. Получившийся гидрокомпьютерный комплекс «Самсон» активно используется в военной и космической промышленности, что позволяет более эффективно спроектировать ракету Н1 и реализовать советский пилотируемый полёт на Луну.

–Так-так, опять на Луну? – Мария Александрова постучала по столу вилкой. У мангала хохотнул Фёдор, снимавший мясо с шампуров.

–Ты просто не в курсе, Маша, это же секретная программа, – невозмутимо парировал Михаил Семёнович, и продолжал свой рассказ, который, с учётом мимики и жестов, уже напоминал кино. В следующей серии, то есть в середине 70-х, британцы попытались переманить к себе Ершова, объявив его почётным членом Британского общества по вычислительной технике – и под этим соусом пригласили выступить в Лондоне.

Егор предположил, что дальше будет история в духе лесковского «Левши». Но нет, в дело опять включился алкоголик с завода железобетонных шпал и помог учёному найти верный путь в другую сторону. На следующей рыбалке этот приятель-даос

цитирует Ершову известное хайку японского поэта Басё – где лягушка прыгнула в старый пруд с каким-то очень странным плеском. Ершов тут же осознаёт, что троичный интегратор – ерунда по сравнению с более глубокими свойствами воды, которые можно поставить на службу советскому обществу. На заседании Академии Наук он выступает с такими шокирующими концепциями, как «структурированная вода» и «память воды». Всё это он подкрепляет примерами японского экономического чуда, и вновь получает одобрение на самом высшем уровне…

–Ну всё-всё, затянул! – Жена воспользовалась заминкой Михаила Семёновича, и пародируя его дикторский тон, завершила эпопею:

–«К сожалению, во время одного из экспериментов с сильно структурированной водой академик Ершов исчезает, причём первой исчезает его печень. Так выпьем же за развитие российской кибернетики!».

Хозяин дачи кивнул, гости дружно зазвенели бокалами. Коньяк обжёг горло, и Егор, задержав дыхание, бросился накладывать себе салат.

–Это ему издательство заказало книжку по истории нашей вычислительной техники. – Мария Александровна качнула бокалом в сторону мужа. – А он вместо истории фантастику сочиняет.

Михаил Семёнович вдруг помрачнел:

–Да потому что не нужна настоящая история никому… Ну напишу я, как наши ребята в Госплане придумали всеобщую компьютерную сеть ОГАС в том же 60-м, за десять лет до американского ARPANET. Там даже электронные платежи были предусмотрены, задолго до нынешнего ебизнеса с конями. А в 77-м наши запустили АСПР, там уже были и облачные вычисления, и сценарное моделирование экономики. Ну и что? В 90-м году эта система совершенно точно рассчитала весь грядущий кризис при переходе на рыночную экономику – но кто их слушал? Победителей не судят, проигравших не прощают. А историю пишут те, кто захватил вентилятор. Открой любой современный учебник: там будет сказано, что Интернет придумали звёздноволосатые. А мои мемуары назовут такой же фантастикой, как эта шутка про водяного Ершова.

Мария Александровна покачала головой, собрала грязные тарелки и ушла в дом.

–Ладно, давайте к нашим баранам. – Хозяин дачи отставил бокал. – Фёдор, докладывай.

Лысеющий бухгалтер подцепил вилкой кусок шашлыка, и прожевав его, быстро заговорил на таком программерском сленге, из которого Егор не понял и половины слов. Но основная идея всё-таки дошла. Ещё в прошлом году эти самые ребята, собравшиеся сейчас за столом, взломали «конкурирующую фирму». И получили огромную базу хакерских инструментов Агентства национальной безопасности США, включая боевые эксплоиты, позволяющие атаковать критические инфраструктуры и промышленные объекты по всему миру. Оказалось, что эта спецслужба много лет использовала дыры в софте Microsoft и других компаний, не рассказывая об этом даже производителям софта – так что намерения у АНБ были однозначные. И хотя эта база уже опубликована, но ни госструктуры, ни бизнес не спешат разоряться на заделывание опасных дыр.

После Фёдора говорили и другие, включая Николая. Но они лишь дополняли то, что сказал толстяк. Бюджеты западных спецслужб, работающих в киберпространстве – в десятки раз больше наших. Плюс у этих наглосаксов постоянное «сотрудничество» с производителями железа и софта, которые опять-таки «все оттуда». В итоге по техническому оснащению у нас отставание лет на пятнадцать. Модель нарушителя шестой категории, когда враг давно уже находится внутри наших систем – это даже не отдельные случаи, это теперь повсеместная практика, как айфон в кармане нашего дорогого Михал Семёныча – простите, Михал Семёныч, за дурацкий пример, но ведь наглядно, да? И главное, никто не парится исправлять ситуацию.

Повисла пауза, за отсутствием новых идей все переключились на шашлык. Седовласый руководитель снова плеснул коньяка в бокалы.

–А что скажет наш консультант по работе с населением? – вдруг спросил он, снова уставившись на Егора тем цепким взглядом, каким встретил его у ворот. – Коля говорил, вы детскими лагерями занимаетесь? Как там, бывают ещё вечерние сказки у пионерского костра, с правильной моралью и верными решениями?

Парни за столом ухмыльнулись. Ну да, чего уж сидеть в пессимизме, нужна хоть какая-нибудь разрядка. Давайте поприкалываемся над ботаном, ага.

–Сейчас лагеря более разнообразные. – Егор заметил серебряный крестик в расстёгнутом вороте хозяина дачи, и подумал, что это очень кстати. – Пионерских уже не найти, а вот христианских полно. По вашей теме в таком лагере наверняка рассказали бы про первородный грех. Но вы и так знаете эту

байку: первый андроид и первый гиноид подключились к Даркнету без разрешения разработчика, а потому во всех новых моделях есть «чёрные ходы» буквально со сборочного цеха.

–Угу, в прошлую субботу батюшка в церкви вещал как раз. – Михаил Семёнович зевнул и добавил шёпотом: – Я там чуть не заснул.

–Есть сказка повеселей, у индейцев навахо. – Егор вытащил верёвку, растянул петли на указательных и больших пальцах. – Когда боги делали звёздное небо, у них был чёткий план, где какую звезду поместить. Но к ним пришёл Койот, известный дух-хулиган, и потребовал, чтобы ему тоже разрешили развешивать звёзды. Пару звёзд он повесил по плану, но ему быстро надоела эта бюрократия, и он просто вытряхнул одеяло с всеми оставшимися звёздами на небо. А боги, посмотрев на получившуюся картину, согласились, что с этой хаотичной россыпью и вправду стало красивей. Так появился Млечный Путь.

Он ещё раз крутанул верёвку на пальцах и развёл руки в стороны, расправляя фигуру: четыре ромбика в ряд.

–У нас в пионерлагере одна девочка такой фокус показывала, – заметила вернувшаяся Мария Александровна. – Только называли это «плетёнкой».

–Стало быть, боги признали первородный баг за фичу? – Хозяин дачи огладил свою седую щетину. – Не, это как-то не по-нашему…

–Можно иначе трактовать, – возразил Егор. – Койот же был одним из богов, а вовсе не враг им. И никакого конца света он не планировал, наоборот, помогал в строительстве. Только по-своему. Можно считать, это был контролируемый косяк. Искусственный.

–Точно, в Гугле так делали, – заговорил байкер в кожанке, и все обернулись к нему. – Когда они свою операционку выкатили, они в пику мелкомягким напирали на то, что у них открытый код. Ну типа, можно исправлять и дополнять всем кодерским сообществом. Но сообщество не торопилось искать у них баги «за спасибо». Тогда они специально напихали в код следующей версии мелких косяков, а потом стали раскручивать кейсы, как некий пионер нашёл такой косяк и получил респект и уважуху. Так и подбили толпу красить свой забор.

–Ох, ребята… – Михаил Семёнович вздохнул. – Ты понял, Фёдор, чего молодёжь предлагает? Хотя я и сам давно говорил: наша этика «белых шляп» больше не работает. Находим, публикуем, предупреждаем – всё бестолку. А долбанёт хоть завтра. И транспорт, и электростанции встанут. Может, им и в правду нужен такой профилактический косяк, чтобы прям

обосрались все от страха и пропатчили наконец эти дыры, от которых уже плакать хочется?

Дальше они опять заговорили на своём птичьем наречии, состоящем из портов, ключей, луковиц, битков и совсем уж непереводимых аббревиатур. Из этого потока заклинаний Егор уяснил лишь одно: он присутствует при рождении сетевого червя-вымогателя, у которого подпилены зубы и прострелена нога.

# # #

Когда он снова увиделся с Николаем через пару месяцев, тот передал благодарность от Михаила Семёновича «за участие в мозговом штурме». Но на дачу с каменным забором Егора больше не звали, да и с Николаем они встречались всё реже. А если встречались, Николай жаловался, что начальство слишком зациклилось на вертикали власти и теряет интерес к горизонтальным связям, то есть к сетевым сообществам, использование которых продвигал Николай, но его всё чаще перебрасывали на другие задачи.

Сам Егор тоже не горел желанием лишний раз консультировать органы. Он занимался воспитанием дочки, всё больше увлекался образовательными проектами и всё дальше отходил от помойки под названием «Интернет», где провёл столько времени в молодые годы. Новая антропология виделась ему теперь совсем в другом направлении.

Они снова заговорили про дачный «мозговой штурм» только через три года, в кафе на Сретенке, на очередной встрече за пивом. Там Николай среди прочего упомянул, что Семёныча уже пару лет как задвинули на пенсию. Егор спросил, не связано ли это с попыткой закрыть АНБшные дыры путём профилактической страшилки.

–И это тоже, – кивнул Николай.

–То есть идея не сработала?

–Наоборот! Сработала на все пятьсот процентов. Такого шухера, как навёл WannaCry, у нас никогда не было. Столько аудитов прошло, столько патчей накатили, ты не представляешь! Находили даже уязвимости 10-летней давности на газопроводах. И детские пароли у кремлёвских админов, и переписку военных в Фейсбуке, и палёные мобилы у оперативников… Короче, подняли всю кибер-безопасность с колен за какие-нибудь полгода. Но у любой медали, знаешь, есть другая сторона с иголкой. Кому-то наверху не понравилось, что его подконтрольный бизнес пострадал от червя. Ну, Семёныч и так собирался на отдых, мемуары писать…

Егор вспомнил цветущий сад, огородные грядки, шезлонг на берегу реки. Наверняка у старого программиста получится неплохая история отечественной кибернетики. Тёплая такая, ламповая. В которой сразу понятно, что такое настоящие достижения. Или хотя бы настоящие цели.

Но красивую картинку этого воспоминания тут же сменила другая, неприятная. Сон, приснившийся несколько дней назад, после того как он консультировал очередной стартап. На первый взгляд, проект вполне приличный, почти благотворительный – социальная сеть для пожилых, претендовавшая на солидную господдержку. Но после общения с разработчиками у Егора остался нехороший осадок: они планировали использовать стариков в роли асессоров для обучения систем искусственного интеллекта крупной IT-корпорации.

Он вежливо отказался от дальнейшего сотрудничества, сославшись на занятость. А под утро ему приснился человек в инвалидной коляске – или это был он сам? – сидевший в мрачном подвале без окон. На экране перед ним светился спутниковый снимок неизвестного города, и нужно было отметить все автомобили на этом снимке. Он быстро справился, но тут же получил новое задание. Теперь приходилось выискивать определённые сочетания цветных треугольников в ползущем по экрану нагромождении узоров какой-то сложной диаграммы. Он нашёл все нужные «цветки» на этом «конвейере», и тогда неведомый заказчик прислал третью, совсем странную задачу. Здесь картинка была уже трёхмерной – то ли новогодняя ёлка, которую слишком сильно обмотали гирляндами, то ли клубок спутанных ниток с торчащими из него спицами сумасшедшей старухи-вязальщицы. А работа состояла в том, чтобы мысленно тянуть за отдельные нитки и искать ту, от которой клубок будет распутываться. И как часто бывает в муторных утренних снах, сделать это было совершенно невозможно…

Он покачал головой, отгоняя дурное видение, и вытащил из кармана верёвку. Николай воспринял это как реакцию на свой рассказ про отставку Семёныча.

–Да, жаль конечно. Особенно если учесть, что противник использует такие же методы по полной программе. Слышал про «Новичок»? Боевое отравляющее вещество страшной силы, которое не убило никого из атакованных. Зато какого шороху навели! И санкции опять, и высылка дипломатов, и агентурные сети у наших посыпались как домино. Прям ювелирная работа.

Егор поднял руки из-под стола и показал верёвочную фигуру,

которую сделал, пока Николай говорил. Сначала просто симметричная сеть из десятка ячеек, потом она распадается на двух верёвочных монстриков, и они разбегаются в стороны по горизонтальным направляющим.

–Угадай, как называется. Подсказка: те же индейцы.

–Да ладно! Неужели «Два койота»?

–Ага.

–Ну ты прав, это предсказуемо. Они уж точно раньше нас освоили такие трюки.

–Меня больше удивляет, какие малые воздействия теперь работают. – Егор распустил фигуру и смотал верёвку. – Знаешь, как в горах один камень вызывает целую лавину? А мы, получается, живём в такой супер-связной системе, что тут даже камень не нужен. Достаточно какой-то гомеопатической дозы вообще.

–О! – Николай помахал пустой кружкой. – Ты прямо куда надо камень кинул. Мне тут новую работу предложили. Давай-ка повторим пиво и поговорим про гомеопатию.

Он поднял кружку над головой, и рядом мгновенно вытянулся молодой человек в белом фартуке и белой маске.

–Нам бы… – начал Николай, но официант перебил его:

–Не могли бы вы надеть маски? Иначе я не имею права принимать заказ.

–Вы серьёзно? – фыркнул Егор. – Да вы хоть понимаете, сколько…

Николай остановил его, положив руку на плечо. А другой рукой выхватил из кармана пакет одноразовых масок и театрально помахал перед официантом:

–Извините пожалуйста моего товарища. Он долго жил в деревне и не знает, что у нас такая ужасная пандемия, прямо плакать хочется.

Последние слова Николай произносил уже в маске, так что выражение его лица уже никто не видел.

Девушка в центре зала

Он знакомился с ними в метро. Это был его персональный лайфхак: девушки, которые ждут, слишком долго ждут своих неторопливых парней.

Не то чтобы он специально искал способы лёгкого пикапа, просто случайно заметил. Договорился однажды с приятелем встретиться на «Маяковской», приятель опаздывал, а он стоял и злился, что такое дурное место для встречи выбрали – акустика просто адская, поезда словно по голове едут… И тут рядом нарисовалась совершенно роскошная блондинка с четвёртым размером, прямо топчик инстаграма, и тоже стала смиренно ждать кого-то в этом грохоте. А потом ещё одна, тоже ничего такая, маленькая и остроносая, встала в центре зала. И между ними, тремя неподвижными точками в потоке, словно бы натянулась невидимая нить: кому же первому повезёт? Как ни странно, повезло ему. Приятель долго извинялся за опоздание, а он всё смотрел на тех двоих, ещё ждущих и как бы проигравших.

Тогда и подумалось – а ведь отличная ситуация, чтобы подкатить. Всяко лучше, чем в столовой бизнес-центра, куда все коллеги-кодеры дружно выползают на обед и окружают таким вниманием кучерявую кассиршу с бэджиком «Любовь», что ей остаётся только отшивать их презрительным взглядом, бросая дежурное «Приятного!» вместе с чеком. Чего именно «приятного» она всем желала, никто из их офиса так и не узнал – вечером за Любовью приезжал папик на бэхе, и менять его на лохов с ноутами она не собиралась.

Другое дело – ждущие в метро. Хотя вначале он не очень-то верил, что получится. Несколько дней просто наблюдал, благо ждать на станциях никому не запрещается. И сделал удивительное открытие: некоторые ждут очень долго. Ты уже думаешь, что ошибся, и вон та самоуверенная цыпа присела на «Таганской» просто отдохнуть да полистать свой бесконечный фейсбук – но нет, после целого часа ожидания к ней подваливает какой-то плюгавенький тип, и даже не напрягается объяснять свою задержку, а она ещё и радуется, дура.

Следующее открытие было ещё круче: со ждущими не только легко знакомиться, но и легко расставаться. Случаи бывают разные, конечно – пару раз его жёстко отшивали, а в другой раз опоздавший дружок девушки очень некстати появился и начал бычить… Но в целом, заждавшиеся почти всегда были рады немного наказать своих непунктуальных кавалеров. Особенно

если давить на солидарность с другим брошенным: он обычно делал вид, что тоже давно ждёт свою подругу, а она такая-сякая, вот и у вас, я вижу, похожая ситуация – да, представляете, уже минут сорок жду – а давайте оставим их с носом и прогуляемся без них – выпить? – почему бы и нет… Зато с утра их обычно настигает раскаяние. Месть тормозному бойфренду состоялась и даже наверное слишком, знаешь, нехорошо получилось, он конечно гад, но я поняла, что не могу без него, надо вернуться, но мы же останемся друзьями, ты звони если что, да?

Он тоже расставался без сожалений, его толкал к новым победам спортивный интерес – ведь завтра его метод сработает с другой, и ещё одна фотка получит свои лайки на внутреннем форуме, от тех самых коллег, которые продолжают бездарно клеиться к одной и той же кассирше. Так и репутация строится, после каждой новой фотки обязательно прибежит за советом очередной задрот, чаще всего из понаехавших. Про метро он им конечно не рассказывал, просто рекомендовал не увлекаться онлайновыми сервисами знакомств, там теперь сплошные динамщицы, разводят лохов на раз. А по живым встречам вполне хватало общих советов. Когда обезьянам в несвежих футболках объясняешь, как пользоваться триммером или выбирать рубашку, для них даже это – откровение.

В тот вечер он начал охоту с «Баррикадной». Её розовые стены хорошо расслабляют глаз после рабочих мониторов, ну и вообще такой романтический настрой сразу… Правда, со знакомствами тут не фонтан. Он болтался по станции с четверть часа, но в центре зала остановилась лишь одна сутулая школьница в чёрной неопреновой маске с белыми бабочками. Или не школьница, а старушенция – с этим маскарадом не разберёшь. Хотя ему это пока не мешало: вялотекущая эпидемия тянется уже полгода, народ устал от страшилок, поэтому требование надевать маску граждане выполняют лишь на входе, а потом снимают. Не все, конечно. Но такие, каких он искал – молодые, симпатичные и ждущие – обычно не любят закрываться.

Он оставил позади сомнительную карлицу с мотыльками на лице (наверное, всё-таки школьница, тут же выход к Зоопарку, они там постоянно тусуются) и перешёл на кольцевую линию. Розовый цвет колонн сменился на более тёмные оттенки красного.

Вот это уже недетские картинки. На «Краснопресненской» ему везло дважды, и он с удовольствием вспоминал их, разглядывая эротичные узоры багровой яшмы на колоннах этой станции. Но сегодня даже помедитировать на яшме не удалось. Только лишь

он устроился на скамейке в центре зала, готовый к охоте, как прямо перед ним стала собираться компания туристов с рюкзаками и пенками. Их скопилось уже около десятка, а по их крикам и дурацким шуткам было ясно, что эти козлы будут скакать здесь ещё долго, ожидая всех своих опоздавших. Рядом с таким стадом не очень-то…

Ладно, попробуем другие клёвые места. Ему нравились старые кольцевые станции, где есть большой светлый холл со скамейками, а перроны отгорожены широкими колоннами, так что получается меньше шума, чем на открытых платформах. Вот и любимая «Белорусская»: своды с лепными символами плодородия, плиточные узоры-вышиванки на полу. А в центре, у перехода – сразу три такие интересные… и все в масках! Да что за день сегодня?!

И даже на «Новослободской», в этом прекрасном средневековом дворце с хрустальными витражами, вся романтика в тот вечер была испорчена намордниками. Он понял, что это какая-то всеобщая заморочка. На работе так упахался к концу недели, даже новости не почитал. Хотя можно догадаться. Небось мэр объявил «вторую волну», полицейские патрули активизировались, по соцсетям полетели вопли оштрафованных хипстеров… вот они и боятся теперь маски снимать.

Но что же делать? Он прошёлся по шахматному полу станции, принуждённо разглядывая огромную тарелку-люстру. Заметил камеру наблюдения. Как раз на днях коллеги в офисе сокрушались, что от этого маскарада разоряются компании, продающие системы распознавания лиц. А он сидел рядом и думал – вот ведь идиоты, переживают за чужие миллионы и не врубаются, какие проблемы будут у них самих. И так-то не умеют нормально заговорить даже со знакомой продавщицей. А уж если тёлка в маске – вообще никаких реакций не считаешь с лица. Вон как у той, что стоит у торцевой стены под мозаичными колосьями. Одни только глаза видны над респиратором, большие и тревожные.

Подошёл поезд. Двери открылись, и он увидел, как из потока пассажиров выныривает паренёк в клетчатом пиджаке, бежит против течения – как раз к той девушке под колосьями. Ага, вот и этот дурацкий эффект. Может, она сейчас улыбнулась, увидав своего долгожданного? Или, наоборот, поджала губки, злится на него за опоздание? Но лицо-маска никак не меняется, ничего не отражает, лишь те же тревожные глаза. Не, как-то криповато знакомиться в таких условиях.

Ладно, в другой раз. Через несколько дней опять все расслабятся, тогда и поиграем. Он прокатился по кольцу до

«Комсомольской», пересел на красную ветку и поехал домой, на северо-восток, размышляя о том, как решают эту проблему радикальные мусульмане, у которых женщины вечно закутаны с ног до головы. По фигуре выбирают, что ли? По глазам и голосу? Попутно заметил, как при удалении от центра меняется состав пассажиров. Хорошо одетых меньше, азиатов больше. Но, с другой стороны, на этих станциях за кольцом народ не особо заморачивается с маскарадом, как в центре. Вон, заходят весёлые ребята безо всяких масок, зато с пивом. Может, попробовать здесь? Голос из динамика объявил, что двери закрываются, но он успел выскочить в последний момент.

И тут же пожалел. Станция «Сокольники» была серой и какой-то слишком прямоугольной. Узкий перрон с тонкими колоннами открыт всему железнодорожному грохоту, и к тому же перегорожен в центре эдакой ступенчатой пирамидой, где весь народ с двух сторон поднимается на маленький пятачок, а уже оттуда через тоннель на улицу. На таких проходных станциях нормальные люди не назначают свиданий, в крайнем случае встречаются наверху, около касс, или снаружи у выхода. Он пробовал и такие варианты, но признал их неудобными. Если каждый раз выходить за турникет, билетов не напасёшься.

Народ, толкавшийся на лесенке, постепенно схлынул, и он увидел наверху, на том самом пятачке, стройную фигуру в зелёном плаще. Она повернулась, волна каштановых волос выплеснулась за плечо… ну конечно, и тут маска. Но не дешёвая мятая салфетка. А очень стильная такая, дизайнерская – плавные округлые контуры, вертикальный шов посередине. И цвет приятный, салатовый, явно к плащу подобрано. Ему захотелось увидеть, какие у неё глаза.

Нет, ещё рано. Лучше пройти мимо лестницы – и в дальний конец платформы, словно расчётливый пассажир, которому обязательно нужен первый вагон. В своих прошлых опытах он вывел критическое время ожидания: двадцать минут. До этого не имеет смысла подкатывать, они тогда ещё ждут в хорошем настроении. А вот когда ожидание затягивается – начинают скучать… и готовы общаться.

Два поезда прогрохотали, останавливаясь, и снова разъехались. Потом ещё два. Вот теперь пора самому изображать заждавшегося и забытого. Он поднялся по лестнице на пятачок, выбрав момент, когда незнакомка в зелёном плаще стояла спиной. И ещё минут пять провёл в ожидании, искоса наблюдая на ней. Пожалуй, лет двадцать пять. Фигура всё-таки отличная, да и движения… Она время от времени прохаживалась по пятачку, несколько шагов до лестницы и обратно, очень плавная такая

походка, но бодрая, молодая. А какие ноги, настоящая модель!

Он тоже прошёлся туда-сюда. Траектории пересеклись, глаза встретились – у неё были светло-карие, как песчаный пляж. Он улыбнулся и произнёс заготовленную фразу, эдакий сочувственный полувопрос.

О нет, у неё не свидание, просто подружка-соседка, обычно вместе после работы идём домой, но она часто опаздывает и забывает предупредить, да, бывают такие люди хаоса, наверняка это у неё сейчас свидание, а потом скажет, что кабак был в подвале и телефон не ловил. Нет, конечно, подожду ещё, одной идти через парк не хочется. Да, здесь недалеко, вообще-то нормальный район, просто в парке такая культура, ну вы знаете, если девушка одна, сразу лезут знакомиться… Проводить? А вы разве не дождётесь свою…? Да ладно, целый час?! Ну, тогда и правда, чего мы теряем время из-за таких…

На улице уже начало темнеть, у выхода из метро цыгане продавали светящиеся вертушки и воздушные шары. Он заметил, что она не спешит снимать маску. Видимо, в новостях действительно страшилок наговорили. Пробежав глазами по вывескам, он предложил зайти выпить кофе, вон там вроде «Шоколадница».

Хитрость не сработала: она ответила, что кофе тут паршивый, да и публика не лучше. А может, она потому и осталась в маске, осенило его. Она же местная, её тут могут узнать. Не исключено, что и хахаль суровый где-то рядом обитает. Вот и не хочет девочка палиться. Ну и молодец, так даже интересней.

В парке оказалось неожиданно уютно. Он припомнил, как бывал тут со школьными приятелями в выпускном классе, но тогда картинка в памяти осталась неприглядная: голые деревья, промозглый мартовский ветер, водка из пластиковых стаканчиков. И ещё там были какие-то облезлые вороны, а может утки, в которых они кидали от скуки снежками из последнего грязного снега. С тех пор парк заметно подновили, расчистили и обвешали лампочками, осенняя листва усиливала эту тёплую подсветку, да и на самом деле очень тёплый октябрь в этом году, и народ вокруг вполне приличный, слева на большой веранде даже танцуют – прямо праздник какой-то. Но только он об этом заговорил, как его спутница сказала, что не любит толпу, и свернула на боковую дорожку.

Он с усмешкой озвучил догадку: она наверняка работает в офисе со множеством дурно одетых и слишком разговорчивых фриков. Да, ответила она, у людей теперь совсем нет вкуса – и он стал развивать тему, в которой наметилось взаимопонимание. О-

о, эти опенспейсы просто бесят, чувствуешь себя как селёдка в бочке, сам несколько раз менял работу из-за этого. Но сейчас полегче, всех же прогнали на удалёнку из-за пандемии, только раз в неделю надо ездить в офис на встречи, да ещё заставили протестироваться на днях. В целом-то компания перспективная, пишем мобильные приложения на заказ, чего только народ не придумает, лишь бы дальше тупить в смартфоны, вот недавно написали чат для домашних животных, якобы им не хватает общения, так на тестировании мы просто падали от хохота…

За разговором они совсем удалились от шумных центральных аллей с разноцветными огнями ларьков, и шли теперь по узкой гравийной дорожке среди деревьев, шурша опавшей листвой. Наверное, здесь легко заблудиться, сказал он. Подумал, что звучит двусмысленно, и сразу добавил ещё одну смешную историю – о том, как заблудился однажды в лондонском Гайд-парке: пытался найти тот знаменитый угол, где выступают всякие безумные ораторы, вместо этого нашёл только собачье кладбище, но ораторов так и не увидел. А уж тут-то, в Сокольниках, парк вообще огромный, прямо дикий лес… Хотя планировка вроде несложная. Кажется, все эти просеки сходятся лучами к центральной площади?

Да, ориентироваться здесь просто, сказала она. Когда надо к главному входу, идёшь на эту идиотскую музыку, её издалека слышно. А если хочется спокойно погулять, идёшь от музыки в другую сторону, вот и всё.

Он согласился, что при всех улучшениях в парке ничего не смогли сделать с этой шашлычной попсой, всё тот же бездарный «бум-бум» из всех забегаловок, а ведь люди приходят сюда отдохнуть на природе… Говоря это, он про себя отметил, что они начали со скромного «проводить домой», а теперь уже обсуждают «прогулки» и «отдых». Это хорошо, первая стадия сближения удалась. Только бы зарулить ещё разок на ту аллею, где был ресторанчик, да взять у них бутылку…

Берег пруда открылся внезапно – будто кусок леса вдруг провалился в тёмное зеркало воды, подсвеченное одиноким фонарём на той стороне. У самого берега стояла древняя чугунная скамейка, похожая на широкое кресло. Его спутница медленно подошла к скамейке, но не села, а лишь оперлась рукой на спинку, глядя на воду. Потом обернулась, молча посмотрела на него. И этот взгляд словно подхлестнул в нём кого-то другого, скрывавшегося и ждавшего.

Вмиг оказавшись рядом, он обнял ей сзади, поцеловал в шею – и испугался: не слишком ли быстро всё? Однако она не

отстранилась, а наоборот, прижалась к нему ягодицами ещё сильней, наклонившись вперёд к скамейке и выгнув спину. Под плащом у неё была юбка из какой-то жёсткой ткани, и тут же на контрасте – такая нежная голая кожа, по которой уже скользят его руки, дальше, дальше, теперь самому расстегнуться…

Он вошёл в неё так легко, как никогда не получалось с другими в этой позе, стоя сзади – наверное, это из-за её роста, такие длинные ноги, очень удобно, да, вот так, вот так, и ещё раз, и ещё. Она задрожала, и он почувствовал, что теперь движется в её ритме, всё быстрей, быстрей – пока тишину не разорвал этот странный высокий звук, какой-то скрежет.

Ещё не понимая, что это, он схватил её за волосы, зацепив петлю от маски, и в кленовом свете дальнего фонаря увидел, что вся нижняя половина её лица – это клюв, блестящий приоткрытый клюв, из которого вылетает тот самый звук. Он дёрнулся назад, но она не отпускала, лишь ещё крепче сжала его там, между ног, и снова издала пронзительный птичий крик.

А потом он услышал такой же мерзкий клёкот со стороны леса. И второй раз, уже ближе.

# # #

—Думаешь, вирус специально заточен на манипуляции с памятью?

–Вряд ли. Скорее, побочный эффект, как дыра в Виндах. Но кто нашёл, тот может юзать. Пиндосы наверняка нашли – видел, как у них выборы перекосячило? Да и здешняя школота неслучайно стала на митинги бегать посреди зимы. Вот и мы тоже решили хоть какую-то пользу извлечь из этого эффекта.

–А почему частная компания?

–Дык было ясно сразу, что в госах такое предложение вызовет только разброд и шатания. Я ж тебе рассказывал, как Михал Семёныча подвинули за безобидный троян. А с этой пандемией ещё больше нюансов. Даже чтобы получить доступ к базам тестов и найти тех заражённых, которые нам нужны… Это только в кино, знаешь, спецслужбы залезают куда хотят. На деле-то приходится в куче инстанций согласовывать, месяцами подписи собирать по кабинетам. А тут надо было действовать быстро. И вообще, кто из нас биолог! Вот ты мне сам скажи, насколько это реалистично звучит?

–Ну, про потерю обоняния всё правда. Вирус повреждает либо периферические нейроны, которые передают данные о запахе в мозг, либо сам участок мозга, который распознаёт запахи. Восстановление обоняния – это вырастание новых обонятельных

рецепторов и создание новых нейронных связей. А связи строятся при обучении. Можно обоняние тренировать, чаще нюхать разные пахучие вещи – тогда оно восстановится быстрей. И даже может переобучиться, некоторые запахи будут ощущаться иначе, чем до болезни.

–Только запахи?

–Да, можно предположить, что болезнь задевает не только обонятельные нейроны. Плюс перекрёстные связи разных перцептивных систем тоже обновляются. Они вообще-то всю жизнь обновляются понемногу, но если вот такой скачок, то действительно, будет похоже на перепрошивку памяти. Наверное, даже какие-то убеждения человека могут измениться так же быстро, как обоняние. И решающее значение будут иметь те впечатления, которые человек переживает именно в период выздоровления. Особенно если использовать любимый метод твоих коллег – сначала припугнуть, а после…

–Ой, вот только не надо про кровавых псов режима. Кстати, ещё одна причина, чтобы делать всё через частную компанию. У госслужбы паршивый имидж, нормальных хакеров там – по пальцам пересчитать. Видел, сколько парней было у Семёныча на даче? Сейчас ненамного больше. И на каждого нашего – двадцать человек с той стороны. Атаки идут постоянно, по всем критическим инфраструктурам.

–Ладно, ладно, я понял. Отечество в опасности. Сколько навербовали-то?

–Почти две сотни. И между прочим, никого не сделали квасным патриотом, не беспокойся. Просто немножко подтолкнули молодёжь к нормальной работе. Ну представь, у пацана золотые руки, а он пишет чаты для собачек, да хвастается коллегам, сколько баб в метро склеил. Так-то у него хоть ориентиры появились. Убоялся, покаялся, запомнил. Теперь полезным делом занимается в хорошем коллективе.

–И надолго им хватит такого шокового воспитания?

–Не знаю. По-хорошему, я даже не знаю, повлиял ли вирус всерьёз, или они просто клюнули на стабильную работу в перспективной конторе. Всю эту тему про быструю коррекцию памяти притащил осенью наш эксперт-медик, который вроде тебя… не очень признанный гений. Он и сам сказал, что никаким слепым рандомизированным не успеем проверить. Дыра почти закрылась уже: коллективный иммунитет, вакцинация, все дела. Так что если тебя напрягает, можешь считать это пьяной фантазией.

–Ага, всё стесняюсь спросить, зачем ты меня сегодня позвал, если не считать это пиво с карамельным запахом.

–Ну, лицевая легенда звучит так: я разочаровался в госслужбе и ушёл в частный бизнес. Та же информационная безопасность, только в профиль. Компания молодая, энергичная, лучших людей хантим. Вот и тебя хотел пригласить. Просто для разминки решил подкинуть тебе что-нибудь увлекательное по твоему профилю. В общем, если ты не очень занят в своих пионерских лагерях, давай к нам.

Креветка

Не успели стихнуть аплодисменты, как на сцене появился следующий докладчик. Худощавый, в чёрной водолазке, он незаметно выдвинулся из тьмы кулис, словно кукловод из театра теней, и теперь ловил в шуме зала тот подходящий момент, когда можно будет начать, не теряя драгоценного времени.

– Объём памяти и скорость доступа, – произнёс он.

Те, кто собирался выйти подышать после предыдущего выступления, остановились. Но вообще желающих выйти оказалось гораздо меньше, чем входящих. Самый большой зал галереи «Тейт Модерн», знаменитый Турбинный Холл, был уже набит под завязку, а слушатели продолжали стекаться через все входы: многие приехали именно ради этой презентации. Даже на балконе второго этажа собралась изрядная толпа. Кто-то из новоприбывших запустил едва заметную «стрекозу», чтобы получше заснять докладчика, но летающая камера смогла подняться лишь на пару метров, после чего была захвачена какой-то невидимой силой и направлена к будке охраны, прямо в прозрачный контейнер с изображением перечёркнутой мухи.

– Объём памяти и скорость доступа, – громче повторил человек в чёрном. – Спасибо коллеге из IBM, который только что озвучил поистине грандиозные достижения своей компании в этих направлениях. Ведь это – два главных показателя, по которым мы оцениваем уровень жизни наших цифровых личностей, наших бессмертных дигиталов. Не так ли?

Зал молчал, и человек на сцене с лукавой гримаской добавил:

– А может, эти цифры просто удобны для бизнеса компании, которая, как утверждают ультразелёные, просто старается продать нам побольше чипов?

По залу прокатились смешки. Докладчик махнул рукой, словно отгоняя стаю назойливых рекламных махаонов.

– Ну, кто же на трезвую голову слушает ультразелёных?

Новые ухмылки зрителей: контакт с аудиторией налажен.

– На самом деле, мы бесконечно благодарны парням из IBM, обеспечившим нам такую мощную техническую базу. Но!..

Он поднял палец, и зал затих.

– Но при таких успехах в техническом обеспечении дигиталов нам пора задуматься о других потребностях этих новых членов нашего общества. Чем живут наши цифровые граждане, что их радует или огорчает? Как они развлекаются? Или вы думаете, что если оцифровали свою бабушку, так больше и заботиться о ней не

нужно?! Что ж, давайте спросим у самой бабушки. Марисса, вы нас слышите?

На стене позади докладчика появились огромные буквы «ВТ», а над головами собравшихся пролетела мелодия популярного рингтона, первые такты «Волшебной флейты» Моцарта. Буквы на стене сменились лицом старушки в бледно-сиреневых кудрях. Старушка улыбалась так широко, что её можно было заподозрить в лёгком сумасшествии.

– Здравствуйте, Иан… и все друзья Иана, – проговорила старушка, не переставая улыбаться.

– Приветствую вас, Марисса. Как вы сегодня?

– О, просто прекрасно! Знаете, Иан, это удивительное чувство, когда ничего не болит! В обычной жизни у меня ведь было столько проблем с ногами. А потом ещё рак…

– Да-да, Марисса, мы все осведомлены о железном здоровье дигиталов. Но скажите, как проходит ваша облачная жизнь? Не скучно ли вам теперь, когда ничего не болит?

В зале захохотали, но старушка ничуть не обиделась. Она выпростала из-под вязаного пледа костлявую руку и указала куда-то вбок. На стене возникла россыпь маленьких окошек с лицами.

– Мне совсем не скучно, Иан. Смотрите, сколько у меня друзей. Мы так много общаемся…

– Но, Марисса, я думал, вы расскажете нам о другом! О более личном и чувственном. О новом сервисе, который мы запустили на прошлой неделе. Или, лучше сказать, о новой форме искусства? Смелее, Марисса! Мы ведь специально собрались в том самом месте, где демонстрируют передовое искусство всего мира!

– Ах, я прямо стесняюсь… – пробормотала старушка. – Но, если вы так просите… Да, я ведь должна показать другим, как это замечательно. Но как же это назвать? Ага, мне тут подсказывают: «добровольные участники сети обмена сенсорным опытом». Вот они, мои дорогие сенситы. И я могу к ним подключаться.

Она снова взмахнула рукой в пледе, точно огромный гриф, и на стене вместо неё появилось три окна. В левом юная блондинка стояла посреди залитого солнцем луга. В среднем – полноватая женщина лет тридцати, азиатского типа, лежала на бамбуковой циновке в очень откровенной позе. А в правом окне латиноамериканец модельной внешности демонстрировал блестящие мышцы на фоне песчаного пляжа.

– Здравствуйте ещё раз! – сказала девушка из левого окна. – Это снова я, Марисса. Сейчас я смотрю на мир глазами Оксаны из Киева. И чувствую всё, что чувствует она. Оксана сдаёт мне своё тело на четыре часа в день. Совершенно добровольно.

Камера переключилась, и теперь весь зал тоже видел мир

глазами Оксаны. Девушка сорвала и понюхала листик мяты, а затем побежала через высокую траву к реке, на ходу сбрасывая одежду. Она с визгом пронеслась по шатким деревянным мосткам и плюхнулась в воду. Зрители инстинктивно отшатнулись, когда с огромного экрана их окатило брызгами.

После этого облачная Марисса показала, как она вселяется в полноватую Нию из Бангкока и встречает её друга в сумраке бунгало, украшенного цветами и свечами – парочка явно намеревалась дополнить этот интерьер ещё более романтичными занятиями на бамбуковой циновке. В зале раздались громкие охи и причмокивания… но тут докладчик в чёрном щёлкнул пальцами, и изображение погасло.

– Думаю, нам не стоит подсматривать, что делает дальше наша скромная Марисса в теле красотки Нии. Или что она вытворяет, когда подключается к Паоло, этому горячему атлету из Колумбии, – он понизил голос до шёпота. – Но я открою вам секрет: они качают трицепсы.

Смех и аплодисменты были ему ответом.

– Вы сами знаете, друзья, где найти детальное описание нашего нового сервиса «Сенсит» для ваших цифровых друзей и родственников… На этом у меня всё. Спасибо за внимание! Да, у нас есть время для вопросов из зала.

Только лишь он произнёс эти слова, как из самого дальнего угла Турбинного Холла раздалось «Хейа!», и над головами взметнулась рука. Докладчик посмотрел на человека, решившего задать вопрос, и слегка наклонил голову набок, прислушиваясь к невидимому советчику.

Кажется, ему не понравилось то, что звучало в наушнике: он заметно поморщился. Но других поднятых рук в зале не наблюдалось. А громкое «Хейа» было произнесено как раз в такой момент внезапной тишины, какие любил и сам человек в чёрном: многие услышали и обернулись.

– Пожалуйста, доктор Орэрэ, – нехотя сказал докладчик.

Широколицего мужчину, на которого упал свет прожектора, некоторые поначалу приняли за китайца. Но вскоре засомневались, поскольку его треугольная бородка была какой-то подозрительно рыжей, да и заговорил он на очень чистом английском, словно диктор BBC:

– Вы сказали, что дигиталы – это «члены нашего общества», и в целом представили их как живых людей, которые просто переселились в другое место. Но все должны понимать, что цифровая копия человека – это не сам человек. Принципиально дигиталы не отличаются от цифровых обликов на кладбищах: ну, вы знаете, когда личный искин покойника имитирует своего

усопшего хозяина. Но никому же не приходит в голову считать эту голограмму «членом нашего общества», и тем более – сдавать ей в аренду тела живых людей для развлечения…

Докладчик на сцене натужно улыбнулся и выставил вперёд обе руки, словно пытаясь остановить наглого оратора. Но тот и не думал замолкать:

– Если бы вы производили такую последовательную замену нейронов, которая позволяла бы сохранять непрерывность сознания – как это происходит в живых организмах, когда новые клетки сменяют старые, однако организм в целом остаётся тем же… Но нет, вы говорите лишь о создании копии, в то время как оригинальный организм полностью умирает, поэтому никакого бессмер…

Человек в чёрном щёлкнул пальцами, и голос оратора из дальнего угла смолк. Вернее, его могли ещё слышать те, кто стоял с ним рядом, но микрофон и прожектор над ним отключили, и весь зал обернулся к докладчику на сцене, который оставил право громкого голоса только за собой:

– Как я понял из этого многословного вопроса, коллега подвергает сомнению правовые нормы, определяющие место дигиталов в нашем мире. Но смею уверить вас, друзья: точность сканирования нейронных сетей в наших сертифицированных дигитариях настолько высока, что цифровое воплощение человека проходит все тесты на идентификацию личности. А значит, с юридической точки зрения, дигитал может считаться тем же самым членом общества. Я бы даже сказал – более легитимным членом общества, чем такие гости нашего города, как доктор Орэрэ с его дигитофобным шовинизмом и сомнительной визой!

На последней фразе докладчик развёл руками и скривил такую гримасу, что зал вновь наградил его смехом. Тут же нашлись ещё желающие задать вопросы, и человек в чёрном с гораздо большей охотой стал отвечать о том, сколько всего добровольцев-сенситов сейчас доступно в разных странах, и может ли дигитал подключиться к нескольким сенситам одновременно, и каков будет статус ребёнка, который родится у тайской Нии, если она забеременеет именно тогда, когда её телом будет пользоваться облачная Марисса…

Никто не заметил, что в это время к доктору Орэрэ подошли сзади два человека в форме охранников галереи и предложили пройти вместе с ними. Любитель неудобных вопросов заявил на это, что не собирается никуда идти, поскольку ещё не дослушал выступление, и, более того, он сам приглашён сюда выступать на этой же сцене в следующей секции докладов. Тогда один из охранников ткнул несговорчивого оратора шокером в шею, и тот

отключился.

# # #

Доктор пришёл в себя через несколько минут, когда его волокли по пустому техническому коридору где-то в недрах галереи. Вырваться не удалось, охранники были к этому готовы и ещё сильнее заломили ему руки за спину. Он слабо вскрикнул, и тут словно кто-то прочитал его мысли.

– Вы должны немедленно отпустить этого человека, – сказал звонкий голос.

Доктор Орэрэ извернулся и поднял голову. Посреди коридора стоял светловолосый молодой человек в круглых очках. Аккуратный серый костюм-тройка делал его совсем похожим на школьника. В левой руке он держал круассан в салфетке, в правой – потёртый кожаный кейс.

– А если не отпустим? Застрелишь нас своей булкой? – спросил один из охранников. Второй фыркнул и положил руку на шокер: – Отойди-ка с дороги, парень.

Молодой человек не шелохнулся. Орэрэ снова подумал, что перед ним какой-то персонаж из детства. Ну да, точно – Гарри Поттер. Если бы только Поттер стал блондином и немного подрос. В любом случае сомнительная защита от таких амбалов…

– Как адвокат доктора Орэрэ, я уполномочен заявить, что вы совершаете серьёзное правонарушение в отношении моего клиента, – спокойно проговорил блондин. Он поднял руку с круассаном и коснулся мизинцем дужки очков: – Сейчас я веду запись вашего правонарушения и транслирую эту запись окружному юрискину Лондонского Сити. Никакого обвинения моему клиенту не предъявлено, а ваша лицензия не даёт вам права задерживать уважаемых посетителей с применением силы и спецсредств. Если я дам делу ход, ваше руководство не захочет огласки – это вредно для репутации галереи. Поэтому вас, скорее всего, уволят задним числом, что сильно ударит по вашему карману… Петя, морды пробил?

Он на миг замолк, прищурив левый глаз, затем указал круассаном на охранника с шокером:

– Вы, Робби, не сможете выплатить свою крипотеку, и, кстати, вы сильно переплачиваете, лучше бы вам сменить банк. А вы, Джошуа… Где хоть вы подцепили такую редкую болезнь? Ах да, вижу ваш подпольный форум… Увлекаетесь слепым рандомизированным сексом? Это круто, Джошуа. Уважаю экстремалов. Но на лекарства вам не хватит, если вы сейчас же не отпустите моего клиента.

Охранники переглянулись и одновременно толкнули доктора Орэрэ вперёд, под ноги блондину, а сами шмыгнули в какую-то боковую дверь.

– Спасибо, но мне не нужен адвокат, – сказал доктор, поднимаясь и отряхиваясь.

– Да вы и не можете себе этого позволить, судя по вашим сандалиям, – заметил молодой человек. – Однако у меня к вам есть важное дело. Но я не могу делать никаких предложений в ситуации, которая впоследствии может быть интерпретирована как давление на подсудимого в безвыходном положении. Короче, надо валить отсюда.

– Но ведь меня отпустили…

– Ещё нет. Преподобный Иан Доббс, которого вы задели своей речью, – очень злопамятный мужик. И у этих багнутых техносектантов очень длинные руки. Сейчас они выяснят, что я не являюсь вашим адвокатом. Зато ваша проблема с визой наверняка получит продолжение… Кстати, что за проблема? Вы же вроде из Новой Зеландии, а она входит в Семиглазый Союз.

– Нет, я из Новой-Новой. Иногда её называют Зеландия-3, чтобы не путать… Это искусственный континент. Технологии у нас не хуже Сингапура, а вот с политическим статусом до сих пор проблемы. Даже при наличии официального приглашения на эту конференцию мне дали лишь трёхдневную визу со множеством ограничений. Понимаете, они считают, что если континент выращен с помощью живых криспер-кораллов, то это вообще не географический объект, а просто…

– Вижу-вижу, – молодой человек жевал круассан и при этом смотрел куда-то вверх, прищурившись. – Ваша виза аннулирована две минуты назад: хулиганство, сопротивление при задержании, подозрение в подготовке теракта… Ну вот, я же говорил. Теперь у них есть полное право сдать вас в полицию и моментально депортировать. Идёмте скорей. Петя, покажи мне схему здания и трэкай охрану!

Он вытер рот салфеткой, убрал её в карман и быстро пошёл по коридору. Доктору Орэрэ ничего не оставалось, как последовать за ним. Метров через двадцать блондин свернул за угол, потом ещё раз – и они выскочили в один из публичных залов галереи. По всему помещению с потолка свешивались длинные светящиеся лианы, некоторые из них тут же потянулась к доктору Орэрэ. Он отпрянул, но молодой человек сказал: «Нет-нет, именно туда» – и потащил его под локоть в самую гущу этих лиан. На противоположной стороне зала оказалась арка; через неё они попали в широкий коридор, ведущий к центральному входу. Нужно было только спуститься по лестнице. Но тут

блондин резко остановился.

– Да, Петя, я понял. А ты можешь нюкнуть камеры? А двери? Нет? Ну какой же ты…

Дальше доктор Орэрэ услышал несколько слов на неизвестном ему языке, но слова эти были такими скрежещущими, с таким количеством шипящих звуков, что не оставалось сомнений: это ругательства. Потом молодой человек обернулся к доктору:

– Охрана на входе уже оповещена, и нас не выпустят. Но, как говорил один известный юрист, мы пойдём другим путём.

Они вернулись в зал со светящимися лианами и вышли из него через другой угол, где тоже была арка. На этот раз перед ними открылась ещё более странная экспозиция: посреди зала стоял огромный прозрачный куб с живым пятиметровым динозавром внутри. Tarbosaurus bataar, вспомнил доктор Орэрэ. А подойдя ближе, заметил, что у динозавра очень необычная, зеркальная кожа, так что посетитель выставки даже может увидеть своё искажённое отражение в бедре ископаемого ящера. Наверняка в этом был какой-то символизм, но доктор Орэрэ не разбирался в современном био-арте.

Зато динозавр, посмотрев ему в глаза, произвёл классификацию без сомнений: он открыл огромную пасть и зарычал.

– Петя, а вот эту клетку крякнуть можешь? – крикнул блондин. – Нам надо хоть какой-нибудь досик устроить для прикрытия… Да не будет вреда людям! Он же беззубый и обколотый… Чего? Да пошёл ты к Багу со своей третьей поправкой! Вот вернёмся домой, я тебя пропачу по самую маму.

Он побежал через зал мимо куба с динозавром. Доктор старался не отставать. На следующем повороте им встретилась дверь на лестницу. Они быстро спустились на нижний этаж и упёрлись в ещё одну дверь, широкую и массивную. Очевидно, она вела на улицу, но была заперта.

– Извините за задержку, – сказал молодой человек. – К сожалению, мой персональный искин слишком законопослушен, а потому совершенно бесполезен в данной конфигурации. Придётся использовать дедовские методы. Обратимся к высшим силам, так сказать.

Он опустил на пол свой кожаный кейс, открыл его и вытащил две… палочки благовоний? Доктор Орэрэ не хотел верить своим глазам, но дальше всё происходило именно так, как делали опасные религиозные фанатики в сериале «Кошмар Калькутты»: блондин вынул зажигалку, подпалил благовония и поднял руки

вверх в молитвенном жесте.

«Неужели, избавившись от амбалов одной секты, я угодил в лапы другой?», – подумал Орэрэ. Он обречённо смотрел, как клубы дыма от индийских палочек поднимаются к потолку, и только тут заметил розовый глазок противопожарного сенсора. Луч лазера потонул в дыму, запищала сигнализация, – и в двери тут же щёлкнул замок, открывая выход на улицу.

На середине моста Тысячелетия они обернулись. Из всех дверей галереи «Тейт Модерн» выбегали испуганные посетители, а зеваки с улицы, наоборот, подтягивались поближе. Над ними кружили пожарные и полицейские кибы, визжали сирены, и во всём этом даже было что-то привлекательное, вроде большого уличного представления.

– Теперь можно о деле, – сказал молодой человек. – Я являюсь младшим партнёром адвокатского бюро «Иванов, Петров и Глэдстоун». Наш клиент…

– А вы, значит, Глэдстоун? – перебил доктор.

– Нет, что вы! – блондин как будто даже испугался такого предположения. – Глэдстоун уже того… чистый дигитал. Вы читали Гоголя? Нет? В общем, Глэдстоун был нам нужен, чтобы зарегать офис в Лондоне, ну и для некоторых других формальностей. А в остальном он – просто флэшка на два петабайта, валяется в сейфе у моего старшего партнёра. А мне старший поручает самые гиблые дела… Ох, я же забыл нормально представиться.

Он протянул руку, и они с Орэрэ обменялись рукопожатием, чтобы их искины могли перекинуться электронными визитками.

– Паразитолог? – воскликнул адвокат. – Ладно, мы это подправим.

Доктор Орэрэ хотел возразить: с какой стати нужно подправлять его визитку? Но тут его собственный искин, более примитивный и тормозной, развернул на сетчатке доктора визитку собеседника, и доктор тоже не смог сдержать удивления:

– Игорь? Вас назвали в честь героя фильма про Франкенштейна?

– Думаю, мы сработаемся, – хмыкнул адвокат. – Но всё же к делу. Наш клиент, очень крупный IT-бизнесмен, немного сдвинулся на идее продления жизни. При этом он человек образованный и отлично понимает, сколько жуликов и психов лезут в эту область. К слову, он является и главным спонсором конференции, на которой вам так и не удалось выступить. Однако вы можете выступить перед более вменяемой аудиторией. То есть перед нашим клиентом. Только для начала было бы здорово, если

бы вы изложили суть своего доклада мне. Буквально в двух словах. Как там у вас в научных статьях называется? Абстракт?

– Ну… – доктор Орэрэ привычным жестом огладил бородку. – Как я уже сказал там в галерее…

– Извините, я не был на том выступлении, – прервал его адвокат. – Я завтракал в кафе вон там, на Хай Тимбер Стрит. – Он показал рукой на другой берег Темзы. – Кстати, там у меня и киб припаркован. Давайте пойдём в ту сторону, потому что через двадцать минут начнётся санитарный дождь.

– Но откуда же вы узнали про моё…

– Это Петя. Он мониторит все выступления по теме, которая волнует нашего клиента. Самое необычное присылает мне.

– Неужели ваш искин разбирается в таких сложных материях? Хотя… Да, пожалуй, все модные «технологии долгожителей» можно разбить на четыре-пять групп, так что вашему искину было легко обучить свой классификатор и выявлять то, что не вписывается…

– Нет-нет, доверять машине человеческую семантику – опасное дело. У моего Пети мониторинг попроще, на чистой физиологии: пульс, дыхание, интонации, жесты. Он определяет, насколько выступающий говорит правду и насколько неадекватно реагируют окружающие. Ваш случай – высший рейтинг по обоим параметрам. Но в чём состоит ваша идея, я до сих пор не знаю. Так что изложите, пожалуйста, если не трудно. В общих чертах.

Доктор Орэрэ начал сбивчиво и неуверенно, поскольку ему ещё не доводилось делать доклады в процессе скоростной ходьбы по мостам. Но постепенно нужные слова стали выстраиваться в связную историю, и он кратко пересказал молодому человеку основные результаты своего исследования. Тот слушал очень внимательно, не перебивая. Лишь когда они уже спустились с моста и свернули на набережную, он спросил:

– Выходит, без креветки никак нельзя?

Орэрэ подтвердил, что никак. Молодой человек как будто даже обрадовался:

– Отлично, доктор. Если вы готовы рассказать всё это нашему клиенту, можете рассчитывать на серьёзное финансирование ваших исследований. Только пара замечаний по ведению беседы, ладно? Во-первых, этот микроорганизм, который креветка передаёт мурене… вы назвали его «паразитом». Очень неприятное слово. Нельзя ли сказать как-то иначе? Симбионт?

– На этот счёт биологи до сих пор спорят.

– Вот и договорились. Если спорят, значит, термин не устоялся, и мы можем использовать более благозвучный. То же самое касается вашей специальности… Вы же последние годы

работаете в институте неврологии. Не против, если я представлю вас как нейробиолога?

– Можно и так, – доктор Орэрэ подумал, что, в сущности, это очень мелкие уступки по сравнению с тем, когда тебя тыкают шокером и выкручивают руки.

– И ещё вы сказали, что мурены после этого «теряют агрессивность», – продолжал адвокат. – Давайте не будем эту тему педалировать, ладно? Тут я даже не знаю, как лучше объяснить вам наши культурные коннотации… Ну, вот смотрите: вы же по происхождению маори, так? Если бы кто-то при вас начал склонять «головорезов», вы бы могли принять это на свой счёт. А кто-то из ваших соотечественников, может быть, обиделся бы на выражение «наконец повывели всех головорезов».

– Кажется, я понимаю, – ответил Орэрэ, хотя ничего не понял.

– Вот и хорошо. А остальное всё рассказывайте ему как есть.

# # #

Средневековый замок был врезан в скалу над обрывом, и из гостиной, куда провели доктора Орэрэ, открывался великолепный вид на один из самых высоких водопадов Шотландии. Доктор постоял пару минут у прозрачной стены, любуясь бурным потоком, но потом решил на всякий случай осмотреть помещение. Он ещё не вполне пришёл в себя после утренних событий в галерее и последовавшего затем головокружительного перелёта на частном джете в апартаменты загадочного клиента адвокатской конторы «Иванов, Петров и Глэдстоун». Вид текущей воды успокаивал, но Орэрэ решил, что надо быть настороже.

Увы, интерьер гостиной не производил и десятой доли того приятного впечатления, что давал водопад. Зато вспомнились студенческие времена, когда они с друзьями высмеивали голливудские сериалы за такие вот странные помещения – не просто пустые, а прямо-таки стерильные; даже если там стояла мебель, всё было такое новенькое, чистенькое, только что из магазина. Теперь доктор Орэрэ с удивлением обнаружил, что такие дома бывают и в реальной жизни. Пол, кресла, изящный столик в центре, хрустальный графин и стаканы – всё это как будто полировали до изнеможения, а потом расставляли в идеальном безжизненном порядке. Некоторое разнообразие вносила абстрактная картина, висящая над каминной полкой, – что-то вроде голой женщины, которая взорвалась изнутри. Но картина была неприятной, и глаз на ней не задерживался. В дальнем углу комнаты стояла высокая ваза бледно-голубого цвета, наверняка древняя и дорогая, но тоже какая-то нелепая в

этом стерильном пространстве, где никто не поставил в неё хотя бы сухоцветов.

От вазы к окну тянулся вдоль стены деревянный стеллаж в форме лестницы; внутри его квадратных ячеек что-то пестрело, и вначале доктор Орэрэ принял это за очередной элемент декора. Но, подойдя ближе, разглядел, что перед ним – настоящая прихоть миллионера: стеллаж был забит бумажными книгами. У себя на родине Орэрэ вообще никогда не видел книг, да и на старых континентах он держал их в руках только пару раз, пройдя целый ад архивной бюрократии только для того, чтобы добраться до двух печатных исследований прошлого века, которые по ошибке остались неотсканированными.

Он шагнул к стеллажу и стал читать названия на корешках. «Правила долголетия». «Возраст счастья». «Ключ к бессмертию». Похоже, владелец этой библиотеки и вправду очень интересовался продлением жизни. Здесь было всё – от йоги до крионики. А, если судить по толщине, самым основательным трудом была кулинарная книга с рецептами на основе оливкового масла.

– Изучаете мою коллекцию заблуждений?

Доктор обернулся. По винтовой лестнице в гостиную спускался седовласый хозяин дома, а за ним – уже знакомый адвокат Игорь со своим кожаным кейсом. Орэрэ убрал руки с книжной полки.

– Смотрите-смотрите, не стесняйтесь! И берите себе любую, если понравится. Я потратил на этих шарлатанов столько, что можно было уже построить город на Марсе. С яблонями.

Он подошёл к доктору Орэрэ и крепко пожал ему руку:

– Дима.

Доктор решил пока не смотреть визитку: и так ясно, что обладатель этой руки может почти всё. Загорелый, подтянутый, в белой футболке и шортах, он и двигался как-то подчёркнуто бодро. Наверное, прямо с теннисного корта прибежал. На вид – лет шестьдесят пять, но по жизни, скорее всего, больше. И глаза неуютные, как у собаки.

– Я тут недавно подумал, что все эти заморочки с долгожительством – просто психотравма нашего поколения, – хозяин дома кивнул на стеллаж с книгами. – Родители-то мои ничем подобным не страдали. А вот среди наших… До пятидесяти лет мы воспринимали собственную жизнь как проблему, которую хотелось исправить, а после пятидесяти выяснилось, что это большая ценность, которую хочется сберечь. Теперь куда ни плюнь, попадёшь в борца за бессмертие. На днях Женя приезжал со своей «истиной в вине», хвастался, что какие-то

особые танины нашёл, якобы главный секрет чеченских аксакалов, которые запросто доживают до ста двадцати, если только не порежут друг друга. И Юра тоже хохму отмочил недавно. Вроде математик, у Нобелевского лауреата учился, премию научную учредил… А тут я смотрю, Юра наш выступает в передаче про какой-то китайский радиотелескоп. Мы, говорит, ищем инопланетян, самый грандиозный проект века, потому что они нас должны научить… чему бы выдумали? Да тому же, чего Женя в бутылке ищет.

Доктор Орэрэ заметил, что все имена, которые называл его могущественный собеседник, очень похожи на имена древних полинезийских богов и героев: Хема, Уира, Тики… Когда-то и маори давали своим детям такие имена, простые и благозвучные. А теперь сплошные Адельберты да Бенджамины. Но, выходит, в других странах ещё сохраняются традиции аборигенов. Это хорошо.

– Или вот Паша, совсем ещё молодняк, а туда же, – рассказывал дальше седовласый Дима. – Предложил мне вложиться в его новый стартап, «Соулкоин» называется. Мол, обычные хостинги ненадёжны, а ему нужно такое распределённое хранилище для своего дигитала, чтобы никакой хакер не взломал, никакая спецслужба не заблокировала. Так он придумал закодировать своего дигитала в новую квантовалюту! А я ему ответил прямо такими же словами, как вы, доктор, сегодня в галерее Доббсу ответили. Паша, говорю, это же копия. Ко-пи-я! Это не ты. А ты будешь помирать в муках, как все. Какая же тебе радость с того, что после тебя останется говорящий кошелёк, будь он хоть самым квантовым блокчейном закован? Хочешь копий – заведи детей. Сразу поймёшь, чем они от оригинала отличаются, неблагодарные твари…

Он схватил графин так, словно собирался его задушить, резко плеснул себе полстакана, одним махом выпил и крякнул. До носа доктора Орэрэ долетел едкий запах алкоголя. Седовласый тем временем плюхнулся в кресло и сразу как-то обмяк. Потух.

– Старший мне сказал в семнадцать лет: батя, ты всю жизнь воровал и сейчас воруешь, когда твои телекомы подписывают старушек на ненужные сервисы. А я, говорит, теорией струн занимаюсь, на которую у тебя мозгов не хватит, – так что не учи меня жить. И средний сынок в том же духе: хочу стать независимым видачом, показывать людям только правду! – и давай всю мою недвижку дронами снимать да на публику выкладывать… Я думал, хоть дочка, младшенькая, по моим стопам пойдёт, будет кому бизнес передать. Души в ней не чаял, все желания исполнял. Лучшие пансионы, лучшие гаджеты. Так

что же? Увлеклась экологией. Твои, говорит, вышки мобильной связи, папочка, создают электромагнитное загрязнение, от этого пчёлки умирают… поэтому мы, ультразелёные, будем твои мачты взрывать и спиливать, чтобы бедных пчёлок спасти! Пчёлок, твою мать!

Он снова плеснул себе в стакан и тут как будто впервые заметил, что он не один:

– Доктор, а вы чего не пьёте? Игорёк, налить?

Молодой адвокат смущённо покачал головой и похлопал рукой по кейсу. Доктор Орэрэ понял, что если откажется и он, то хозяин дома совсем опечалится. Но у доктора была уважительная причина.

– Мне нельзя, извините. Гены такие, не переношу алкоголь.

– Ага, Игорь говорил… – добродушно кивнул Дима. – Помучили ваших предков европейцы, да? Зато теперь у вас там всё на подъёме. А вы-то сами как мощно вломили этому цифровому попу Доббсу! Я, когда вашу запись слушал, так прям ракетку уронил. «Сохранять непрерывность сознания»! Знаете, сколько лет я ждал такой чёткой формулировки?! Чувствовал ведь, чувствовал, а высказать не мог! Может, вам хоть минералки? Молока? Сок папайи?

– Пожалуй, от воды я бы не отказался, – пробормотал Орэрэ.

Дима громко свистнул. В гостиную въехал R2D2 из «Звёздных войн» и свистнул в ответ.

– Яшка, найди доктору минералку, а мне льда, – сказал Дима. – Да не вздумай смешивать, а не то я тебя опять в водопад брошу.

Робот, похожий на пылесос, снова присвистнул и скрылся. Через минуту он вернулся с заказом и замер около столика.

– Когда Игорь начал мне рассказывать про вашу методу, я тоже сперва в штыки принял… – Уже немного осоловевший хозяин замка поднял палец и погрозил доктору Орэрэ. – Зачем, говорю, мне протез мозга? Но Игорёк – парень ушлый, про непрерывность вашу всё понял раньше меня. Знаете, как он мне объяснил? Покажи, Игорёк.

Молодой человек сделал жест в сторону стены. В комнату ворвался рёв двигателей, на стене появилось изображение спортивных машин, несущихся по трассе.

– Мне кажется, «Формула-1» давно бы всем надоела, если бы они не придумали этот трюк, – сказал адвокат. – Помните, когда они отказались от пит-стопов и стали ремонтироваться на лету?

Камера приблизилась к красному болиду «Феррари», мчащемуся впереди всех. Одновременно на машину спикировали сразу четыре жёлтых дрона. Двое присосались к корпусу спереди

и сзади, держа болид в равновесии. Третий робот полетел рядом с правым передним колесом, вращаясь на ходу. Когда его обороты сравнялись с оборотами колеса, из дрона высунулись манипуляторы и молниеносно отвинтили колесо. Робот вместе с колесом взмыл к небу, на его месте тут же оказался другой дрон, с новым колесом – и повторил тот же трюк с параллельным вращением, прикручивая колесо на место. Вся операция заняла не более десяти секунд, при этом болид продолжал мчаться, не снижая скорости. Картинка погасла.

– Ну как, похоже на непрерывность сознания? – спросил Дима и зачем-то стукнул своим стаканом о стакан доктора Орэрэ, прежде чем выпить.

– Похоже… хотя метафора грубовата.

– Тогда ваша очередь! – хозяин дома поуютнее развалился в кресле. – Давайте-ка с самого начала: как вы открыли эту хитрую креветку?

Доктор Орэрэ протестующе замахал руками:

– Нет-нет, честь главного открытия принадлежит моему учителю, профессору Линдсею из Сиднейского университета. Это случилось более двадцати лет назад. В то время существовало несколько гипотез по поводу поведения креветок-чистильщиков вида Steponus hispidus. Вы наверняка знаете, что они делают: собирают с кожи рыб всяких па…

Он хотел сказать «паразитов», но увидел лицо адвоката. Ах да, не нужно употреблять это слово.

–…практически отходы всякие. Органику, старую слизь, которая у рыб выделяется. А рыбы, включая хищников вроде мурен, при этом не атакуют креветку, позволяя ей вычищать мусор даже между зубов. Некоторые учёные считали, что это прекрасный пример кооперации и альтруизма в дикой природе. Однако были и такие, кто утверждал, что рыба не способна просчитывать такие далёкие выгоды, как будущая польза от очистки кожи – по сравнению с явным удовольствием от съедения креветки. То есть они полагали, что креветка манипулирует рыбой в одностороннем порядке. Сначала она исполняет перед рыбой некий гипнотический танец усиками, как будто изображает ветку, о которую рыба любит чесаться. А потом креветка начинает эту рыбу приятно почёсывать, то есть опять-таки напрямую воздействует, а не через какую-то отложенную пользу.

– Да, это более реалистично, – вставил хозяин замка. – Помню, во Вьетнаме мне предложили сунуть ноги в бассейн с такими рыбками, которые старую кожу подъедают. Сначала приятно было, а потом одна меня так куснула за родинку, что я сам чуть не съел эту тварь.

– Совершенно верно, – кивнул Орэрэ. – Иногда и креветки-чистильщики делают рыбам больно. А некоторые рыбы, такие как груперы, вполне могут креветку слопать. Так что ни одна теория не объясняла, как же они договариваются с муренами. Пока профессор Линдсей не выдвинул гипотезу о том, что в этом союзе участвует некий па… пока не обнаруженный третий участник симбиоза. И он нашёл этот микроорганизм. Вначале его отнесли к надотряду Rhizocephala, то есть корнеголовые. Но потом стало ясно, что это другой, совершенно неизвестный класс. Это существо начинает свой цикл в креветке, а затем во время «танца чистильщика» передаётся рыбе. А в рыбе этот микроскопический слизень начинает расти удивительным образом – он подменяет собственными клетками некоторые нейроны в рыбьем мозге. В итоге рыба как будто начинает «узнавать» креветку. Словно между ними налаживается связь по общему протоколу.

– Чума! – воскликнул Дима и налил себе ещё.

Сочтя такую реакцию одобрительной, доктор Орэрэ приступил к той части истории, которая касалась его собственного вклада в практическое применение открытия профессора Линдсея. Он рассказал, как десять лет назад, после аспирантуры, его пригласили работать в институт неврологии, в лабораторию, где искали способ восстановления нервных клеток, которые повреждаются или гибнут при таких заболеваниях, как болезнь Паркинсона или болезнь Альцгеймера. К тому времени как Орэрэ подключился к этой работе, его коллеги уже знали о нейрогенезе достаточно, чтобы научиться выращивать новые нейроны из стволовых клеток. Они даже улучшили этот процесс с помощью генной инженерии и нанотехнологий – по некоторым параметрам новые нейроны получались даже надёжнее обычных. Однако оставалась большая проблема с интеграцией новообразованных нейронов в нужные зоны мозга: именно это тормозило естественный нейрогенез у пожилых людей. Пробовали увеличивать количество Т-лимфоцитов и многие другие методы – но всё тщетно; новые нервные клетки либо гибли, не приживаясь, либо начинали размножаться бесконтрольно, как рак.

Вот тогда доктор Орэрэ и вспомнил открытие своего учителя. Тот самый микрослизень, который умеет аккуратно подменять нейроны, стал в итоге самым успешным «транспортом». Хотя и этот микроорганизм пришлось серьёзно модифицировать, чтобы он делал именно то, что нужно: вживлял новые нейроны на место старых с максимальным восстановлением синаптических связей. На это ушло ещё семь лет экспериментов. Но сейчас вся цепочка отработана до конца. Уже трём десяткам человек удалось помочь.

Как только доктор Орэрэ дошёл до упоминания своих пациентов, молодой адвокат вытащил из кейса папку и положил на столик перед своим главным клиентом:

– Истории выздоровления. У некоторых восстановлено более 70 процентов повреждённых нервных клеток коры головного мозга.

Дима открыл папку, полистал.

– То есть надо просто выпить рюмочку слизняков и…

– Не всё так просто, – возразил Орэрэ. – Креветка тоже участвует в процедуре. Как мы ни бились, нам не удалось вырастить наш транспортный микроорганизм в пробирке. Его личинки вызревают только в креветке и переходят в следующую стадию только после того, как креветка перенесёт их новому хозяину. Словно она их «включает».

– Ну, это мне по барабану: улитка там или креветка… А сколько времени заняла бы такая процедура, если бы чокнутый старикан вроде меня решил подсадить себе новые крепкие нейрончики, чтобы весь мозг обновить?

– Это пока только эксперименты…

– Да бросьте, док. Смелого пуля боится. Как вы думаете, сколько мне лет?

– Наверное, около семидесяти. Хотя, если вы ведёте здоровый образ жизни…

– Восемьдесят семь. И неврологи уже намекают, что мои часики затикали быстрее. Все остальные органы можно восстановить или поменять, я прошёл уже кучу таких операций. Но с деградацией мозга так и не разобрались. А пора уже… Как долго идёт это ваше приращивание?

– Весь мозг? Примерно два года.

В гостиной повисла напряжённая тишина. Молодой адвокат выразительно посмотрел на доктора Орэрэ и сделал некий знак глазами, но доктор не понял, что это значит. А потом на него поднял свои собачьи глаза хозяин замка. Кажется, он моментально протрезвел:

– Вы же не с потолка эту цифру взяли, доктор? Я люблю точность в цифрах. Не шутите со мной.

– Это не шутка! – дрожащей рукой Орэрэ взял стакан и глотнул воды. – Я сейчас объясню. Помните, про «Феррари» я сказал, метафора грубая? И вот почему. У дрона-ремонтника есть схема гоночной машины, статично записанная в конкретных ячейках памяти. Если хотя бы пара из этих ячеек повредится, полную схему уже не извлечь, может произойти авария. Однако нейронная память работает иначе. Гибче. Это можно представить как… Знаете, у нас есть такой народный танец – хака. Раньше

воины-маори исполняли его перед битвой. Но, если вы его не видели, можно любое другое шоу вообразить, где много народу согласованно танцует. Так вот, каждое ваше воспоминание – это коллективный танец большой группы нейронов. Но при этом нет такого единого фиксированного места, где была бы записана полная схема танца. Просто каждый танцор помнит свои движения, свои локальные связи. И чем чаще он танцует, тем лучше помнит. Пока моё сравнение понятно?

– Абсолютно.

– Теперь представьте танцора, который забыл свои движения. Что делать?

– Уволить козла.

– А если этот танцор – вы сами? И вы уже на сцене, и музыка уже гремит?

Пожилой олигарх молчал, уставившись в пространство пустым взглядом. Теперь, в этой отстранённой неподвижности, стало особенно заметно, что он очень стар, и как все старики, может сидеть вот так очень долго, потеряв всякий интерес к разговору, думая о чём-то своём или попросту засыпая… Но нет, вот он моргнул, и на тонких губах заиграла улыбка:

– Дошло. Ему же друзья помогут! Связи. Остальные танцоры помнят движения. Один слева дёрнул, другой справа. Значит, и он научится снова, по ходу дела, в общем хороводе…

Доктор радостно закивал и хотел что-то добавить, но хозяин дома остановил его.

– Не подсказывайте, я сам. Должна быть критическая группа, так? Если привести в танец сразу большую толпу новичков, а старых танцоров будет мало, они не смогут обучать на лету. Не будет непрерывности сознания! Значит, надо приращивать новичков понемногу. Хотя, если общий счёт нейронов в мозге идёт на десятки миллиардов, то наверняка можно заменить несколько тысяч за один раз… В общем, если вы знаете критический процент обновляемых и необходимое время задержки… Да, доктор, я понял, как набегает два года. Игорёк, ты правильного мужика привёл. Подготовь все документы. Мы в деле.

# # #

Когда у него стали выпадать волосы, он не на шутку перепугался. Это началось очень резко, после первых же процедур: огромный клок седых волос оставался между пальцев каждый раз, когда он проводил рукой по голове, и буквально за три дня он полностью облысел. Доктор Орэрэ уверял его, что это

не имеет никакого отношения к процедуре обновления нейронов – просто в другом полушарии другой климат, другой состав воды, ничего страшного…

Звучало неубедительно, но ещё через неделю на голове опять появилась щетина. А вскоре он заметил, что половина новых волос сменила цвет: они стали чёрными, как раньше. Смешиваясь с остатками седины, они образовали на голове пёстрый ёжик, и их обладатель стал выглядеть так, будто сразу скинул пару десятков лет.

Процедуры проходили шесть раз в день. То к правому, то к левому уху (доктор Орэрэ сказал, что естественный канал для инвазии – самый лучший) присоединяли пластиковый контейнер с морской водой, в которой плавала креветка. Она слегка щекотала ухо пациента, поедая частицы его старой кожи и одновременно передавая ему очередную порцию «транспортных» микрослизней. Сеанс занимал около сорока минут, после чего пациент был свободен до следующего сеанса.

Дважды в неделю делали сканирование и тесты. Доктор Орэрэ настоял, чтобы перед началом процедур пациенту удалили коммуникационный чип и все сенсоры-импланты, поскольку они могли помешать и сканированию, и приращиванию новых нейронов. Взамен пациенту выдали планшет, вроде того, каким он пользовался когда-то в молодости; только так он мог теперь общаться и со своим искин-секретарём, и с остальным миром. Особенно неудобно стало проводить совещания с топ-менеджерами его огромной телеком-империи: он привык наблюдать за лицами, а в планшете лица отображались не лучшим образом.

Однажды, отправившись на прогулку в ближайший городок, он забыл планшет в лаборатории. В итоге очередное совещание успешно прошло без него, а он в это время нашёл отличную парикмахерскую в старом стиле: там работали не роботы, а люди, пара добродушных толстяков-маори с настоящими опасными бритвами. Пожалуй, можно сократить число совещаний, подумал он; лучше побольше гулять. Доктор Орэрэ считал так же. Помните о танцорах, говорил доктор. Размышляйте, вспоминайте, включайте все свои чувства. Не зацикливайтесь на экранчике с одним набором лиц.

Городок, по сути, был университетским кампусом, специально построенным на полуострове, вдали от индустриальных центров. А лаборатория, где работал доктор, находилась на окраине кампуса, у самого океана. Необходимость возвращаться на процедуры означала, что пациенту нельзя отходить далеко: либо кампус, либо пляж. И постепенно пляж

стал занимать его гораздо больше.

Началось с того, что он увидел на берегу темнокожего ребёнка, который прикладывал к уху большую раковину. Играет в смартфон? Но он тут же вспомнил – нет, это другое, он сам делал так когда-то давно, когда и мобильников ещё не было… Он попросил у мальчишки раковину и убедился, что прав: внутри шумел другой, внутренний океан. Тогда он нашёл на берегу ещё несколько раковин, и они с пацаном отлично провели время, сравнивая звуки внутренних океанов. С тех пор процедуры с креветкой уже не казались ему такими противными. Когда к голове присоединяли контейнер, он как будто слушал океан и креветку в нём.

А в промежутках между процедурами росла его коллекция раковин. Он велел своему искину-секретарю скачать атлас-определитель, и теперь, стоило навести камеру планшета на ракушку, голос искина тут же рассказывал, что это за моллюск. Но этот голос был слишком… В общем, не вписывался в пейзаж. Он отключил искин и стал определять ракушки самостоятельно, просто листая страницы атласа на экране. Океан отлично подыгрывал: каждый день на отливе встречалась новая неизвестная ракушка.

В поисках таких находок он с каждым днём уходил всё дальше вдоль пляжа и однажды наткнулся на рыбаков. Один – старик, другой – подросток, наверное, внук. Рыбаки выгружали улов из длинного деревянного каноэ. Младший стоял на берегу с широкой плетёной корзиной, старший бросал ему из лодки плоских серебристых рыб, похожих на металлические тарелки. Любопытный пришелец ничуть не смутил эту пару. На ломаном английском они рассказали ему, что остатки их вымирающего племени «морских цыган» переселили на этот новый континент с какого-то маленького острова в рамках программы восстановления традиционных культур. А он рассказал им, что собирает ракушки, и они назвали все его находки на своём языке, и потом долго смеялись, когда он пытался повторить эти певучие слова.

Он встречался с этими рыбаками ещё не раз, сидел с ними в сумерках у воды, слушал рассказы старшего о повадках рыб – и думал о том, что это тоже ему знакомо: в детстве отец брал его по выходным на рыбалку, и это были удивительные просветы в серых буднях школы. А ещё были летние поездки на море: блочный пансионат в соснах, вечно ругающиеся родители, долгий спуск по жаркому серпантину горной дороги и вдруг – бесконечная синева, которая прекраснее всего на свете, надо только надеть маску… Нет, вспомнил он. В маску надо вначале плюнуть.

На кампусе нашёлся магазинчик для дайверов. Бойкая девица, похожая на его дочь Анну, помогла выбрать гидрокостюм. Но, когда разговор зашёл об остальном снаряжении, строго спросила, доводилось ли ему вообще нырять с аквалангом. Он не без гордости ответил, что в молодости они с друзьями в Таиланде запросто погружались на 50 метров. Девица сказала, что с тех пор в дайвинге появилось много нового, и предложила позаниматься с инструктором. Он пошутил, что всё новое – это провал в памяти у кого-то старого. Но больше спорить не стал, записался на занятия.

Погружения прошли успешно, и он очень порадовал молодого инструктора тем, что умеет продувать уши тремя разными способами. Однако сам он при этом понял, что его совершенно не манит большая глубина. Тогда, в молодости, они с друзьями играли в рекорды. Но что там смотреть, на этой тёмной глубине? Да и снаряжение как-то сковывает…

Он вернулся в магазин, купил лёгкие очки и заодно спросил про гаджет, который мельком заметил на витрине: пара маленьких чёрных конусов с гибкой перемычкой. Затычки для носа, что ли? Нет, сказала продавщица, эти штуковины делают кислород прямо из воды – достаточно вставить в ноздри, и ныряй себе. Пожалуй, самое то, согласился он.

Девица оглядела его с сомнением и, видимо, для того чтобы смягчить сообщение о цене, сказала со вздохом, что ей на такие дыхалки нужно копить года три. Он сказал, что возьмёт два комплекта, тут же расплатился отпечатком пальца и отдал вторую коробку ей. Она посмотрела на него с испугом. Потом засуетилась, предложила стать его гидом по самым красивым дайверским местам побережья. Но он, вспомнив слащавый голос своего искина-секретаря, ответил, что ему не нужна компания. Впрочем, если нарисуете и пришлёте мне карту таких мест, мы сочтёмся, добавил он.

После этого он стал проводить в океане почти всё время, остававшееся между процедурами: плавал на небольших глубинах, даже без ласт, с одними только дыхалками и очками. Иногда нырял, но чаще просто висел в воде над коралловым рифом, наблюдая жизнь его обитателей, затем переплывал к другому рифу и наблюдал там. А вернувшись на берег, читал на планшете сообщения от дочери, которая в очередной раз не могла до него дозвониться, и ругала его за то, что он полностью отказался от охраны, и советовала поговорить с доктором Орэрэ о том, не вредно ли так долго плавать.

Он и поговорил. Но о другом. Он заметил, что, плавая далеко и долго, совершенно не испытывает страха – как испытывал при

посадке самолёта, или на крыше небоскреба, или в слишком плотной толпе. Он мог бы назвать ещё несколько своих страхов, которые, если разобраться статистически, были полной ерундой по сравнению с его рисковыми одиночными заплывами в океан, где можно в любой день получить парализующий ожог от маленькой кубомедузы или попасть в сильное течение, уносящее от берега. Да мало ли ещё чего. Но он почему-то совсем не боялся океана.

Орэрэ в ответ рассказал гипотезу о водных обезьянах. По его словам, эволюционисты давно высмеяли эту гипотезу, но в ней было несколько интересных идей. Взять хоть «морских цыган», этих рыбаков из соседней деревни. Они отлично видят под водой, потому что хрусталик их глаза особым образом меняет форму при погружении. Плюс увеличенная селезёнка, настоящий кислородный баллон, позволяет им охотиться за рыбой на двадцатиметровой глубине, задерживая дыхание на целых пять минут. Но главное – феноменальная ловкость рук во время этой охоты. Ленивым сухопутным обезьянам, рвущим бананы в джунглях, подобная ловкость ни к чему… так где же шла эволюция? Может, и у вас проснулась память предков, заключил доктор с улыбкой.

А пациент продолжал плавать, действительно чувствуя в этом что-то родное: он мог часами лежать на волнах и наблюдать подводную жизнь – и никогда не ощущал ни скуки, ни одиночества. Медленный мир океана заполнял теперь и его сны; даже если во сне всплывало какое-нибудь лицо, оно быстро превращалось в актинию или в морскую звезду среди знакомых кораллов. Он совершенно перестал интересоваться, что происходит с его бизнесом, зато обнаружил, что на него реагируют рыбы. Нет, они, конечно, и раньше реагировали, ловко уворачиваясь от его рук. Но теперь он открыл, что, если тихонько шевелить пальцами в определённом ритме, рыбы плывут обратно, прямо к нему, а некоторые даже тыкаются мордами в пальцы.

Вскоре после этого открытия он поймал первую из них. Даже не думал, что сможет это сделать, движение вышло как-то само собой: медленно шевеля пальцами правой руки, он подманил к себе полуметровую рыбу-попугая, а потом сделал резкий выпад левой ладонью – так, что большой палец вошёл рыбе под жабры, – и крепко схватил её.

Он так удивился своему успеху, что тут же отпустил попугая. Но утром следующего дня поймал тем же способом ещё три крупные рыбины, названия которых даже не знал, и принёс в лабораторию, как раз к очередной процедуре с креветкой. Доктор Орэрэ поцокал языком и поручил своей аспирантке изжарить улов

по старинному маорийскому рецепту – на камнях, раскалённых газовой горелкой. А пациенту на всякий случай сообщил, что рыбу ловить без лицензии нельзя, мы же не цыгане, хотя… если попадётся снова вот такая, с розовой полосой, то лучше брать именно её, она вкуснее всех, и кстати, у мурен мясо тоже очень нежное, надо только остерегаться их зубов… Через несколько дней пациент поймал мурену.

У него почти не осталось седых волос. И после той истории, когда волосы выпали, а потом стали расти опять, он почти не задумывался, как влияет на него процедура обновления нейронов, – словно тот страх, развенчанный новыми волосами, без боя уступил место полной беспечности. Мысль о побочных эффектах вернулась лишь однажды, когда, вытащив из воды очередную рыбину, он вдруг почувствовал странное желание облизать её слизь. Но желание было сильнее тревоги, а когда он облизал рыбу, то испытал такое удовольствие, что всяким лишним мыслям уже не оставалось места в голове.

# # #

На этот раз доктору Орэрэ дали нормальную гостевую визу на полгода. Все обвинения против него были сняты. Поэтому, увидав на входе в «Тейт Модерн» быковатого Робби, доктор не удержался: поднял ладонь к голове и изобразил старинное военное приветствие, которое видел однажды в кино. Злобный огонёк узнавания вспыхнул в глазах охранника галереи, но он тут же отступил и демонстративно отвернулся.

А перед доктором снова был Турбинный Холл, набитый людьми, как витрина рыбной лавки – сардинами. Однако теперь выступать должен был он сам. Доктор Орэрэ взошёл на трибуну, поприветствовал собравшихся и рассказал, зачем их пригласили сегодня в это огромное помещение. Он понимал, что все ждут выступления другого человека, и старался говорить покороче, только самое главное. Новая технология управляемого нейрогенеза позволяет… первый случай полного и успешного… при сохранении всех когнитивных… может обеспечить значительно более долгую… ну и, собственно, встречайте виновника торжества, получите доказательство из первых рук.

Пока его пациент шёл к трибуне, доктор отметил, что не только причёска, но и походка пациента изменилась с тех пор, как они впервые встретились в том шотландском замке у водопада. Тогда он передвигался чересчур импульсивно, словно встревоженный кузнечик.

Теперь по залу шёл немного уставший, но спокойный танцор.

Он поднялся на трибуну, оглядел публику и сказал:

– Вечная жизнь… У вас нет воды?

Ему тут же подали воду. Он внимательно посмотрел в стакан сверху вниз, точно в микроскоп. Потом налил воды в подставленную лодочкой ладонь, плеснул себе в лицо – и произнёс странную певучую фразу, которую не понял ни один человек в зале. Не понял её и доктор Орэрэ, но он хотя бы узнал язык. Морские цыгане.

– Вечная жизнь есть. Но не здесь. – Пациент снова заговорил по-английски. – А здесь душно и некрасиво. Мне пора домой.

Он сошёл с трибуны и удалился. Никто даже не успел его остановить. Спустя несколько секунд озадаченной тишины где-то в дальнем углу раздались одинокие хлопки, и вся публика, словно опомнившись, разразилась бурной овацией. На трибуну поднялся кто-то от галереи и компенсировал лаконичность предыдущих ораторов затяжными дифирамбами в адрес виновника торжества, который часто выступал спонсором выставок и акций галереи, но это, конечно же, не идёт ни в какое сравнение с тем великим экспериментом, с тем гимном человеческой жизни, с тем шедевром, который он создал из себя самого…

Этот момент показался доктору Орэрэ наиболее благоприятным, чтобы тоже покинуть зал. Он стал пробираться к выходу, но тут, к ужасу своему, обнаружил, что его окружили.

Да-да, именно его: кольцо неумолимо сжималось. Он всмотрелся в лица и узнал их. Это были родственники пациента. Красивая женщина в летах, с роскошной копной каштановых волос – жена. Рядом с ней двое высоких мужчин с явными отцовскими чертами – сыновья. С ними жёны, дети, ещё какие- то люди в пиджаках – наверное, телохранители. Все они шли прямо на доктора с очень целеустремлёнными лицами.

Он приготовился уже закричать, чтобы его не трогали, как вдруг все эти люди… стали наперебой благодарить его. Они брали его за руки, называли гением, обещали никогда не забыть и даже приглашали на Рождество.

Благодарили и адвоката Игоря, оказавшегося рядом. Первым его обнял крупный лысый тип со шрамом на шее. Обнял так, что Игорь как будто даже хрустнул, но выдержал. «Отлично сшил дело, малёк! – пробасил лысый. – А я-то, старый шпиндель, до конца не верил, что у тебя выкроится такой малиновый подклад. Стало быть, пора на отдых мне. Принимай контору, теперь она твоя».

Потом молодого человека обнимала женщина с каштановыми волосами, а её взрослые сыновья уважительно трясли его руку. А

дочь пациента, худенькая веснушчатая девушка в зелёном, даже украдкой поцеловала адвоката, и они вдвоём успели о чём-то пошептаться за спиной доктора Орэрэ, пока тот стоял в ступоре, не понимая, что происходит.

– Вы чего такой печальный, док? – Игорь хлопнул его по плечу, когда толпа стала расходиться. – Проверьте-ка свой счёт, там должен быть неплохой грант на ваши исследования. Так что идём отмечать успешное окончание эксперимента! На том берегу есть отличный ресторанчик на Хай Тимбер Стрит, я вам рассказывал…

Доктор Орэрэ покорно вышел за адвокатом из галереи. Он нервно пощипывал свою треугольную бородку, но молчал. Так они дошли почти до самого конца моста Тысячелетия.

– Ладно, выкладывайте, что вас гложет. – Игорь повернулся к доктору и поправил очки на переносице. С Темзы налетел ветер и разметал его соломенную чёлку.

– Два года назад, когда мы уезжали, мне казалось, что все родственники его ненавидят. Не понимаю, с чего они так радовались сегодня?

– Ах, это… Да, у нас вышел интересный юридический казус. Дело в том, что права новых форм постжизни – до сих пор тема больших дебатов. Преподобный Иан Доббс и его сектанты очень старались протащить в законодательство идею о том, что между дигиталом и его живым предшественником вообще нет никакой разницы. Но здешние законотворцы, хоть и продажные, однако крупицу разума сохранили. В итоге передача прав от человека к его дигиталу выглядит практически как завещание.

– То есть они признали, что при дигитализации оригинал умирает?

– О нет, что вы! Специально ради Доббса там сделали очень туманную формулировку. Что-то типа «временной потери дееспособности». Вроде как человек приболел, а потом выздоровел, прошёл тест на идентификацию личности – и восстановил свои права. И только в самом конце такого завещания мелким шрифтом прописан вариант «непредвиденных обстоятельств» – вот тут уже, как в случае смерти, работает классическое наследование. Однако этот пункт никогда раньше не применяли, поскольку оцифровка работает безупречно. И это очень расстраивает родственников богатых людей. Ведь если дедуля завещает все счета и всю собственность своему дигиталу, который вечен, это означает, что его родне не достанется ни кванта. Зато дигитал будет тратить эти средства на собственную техподдержку – тут и навар для Доббса. В нашем случае к новой

форме постжизни применили аналогичный порядок делопроизводства, но…

– Но в нашем случае родня счастливая… они получили всё его состояние? – прозрел доктор. – А разве у нас что-то пошло не так?

– Вы же сами видели. Это теперь совершенно другой человек. Даже выглядит иначе. А знаете, что он имел в виду, когда сказал «домой»? Он сейчас летит не в свой замок, а на вашу Нову-Нову.

– Но ведь формально…

– Формально даже хуже. Помните, когда вы спорили с Доббсом, он сказал, что сертифицированные дигитарии обеспечивают точное копирование? Но в вашем эксперименте ничего точного и сертифицированного не было и в помине. Даже международный статус вашего континента до сих пор непонятен. А если уж совсем крючкотворством заняться… У него же теперь куча чужой ДНК в голове. Один мой коллега, очень опытный юрист, считает, что новая личность в данном случае гораздо больше ассоциирована с тем существом, которое непосредственно занималось вживлением новых нейронов.

– То есть по закону он… креветка?!

– Точнее, креветка с её маленькими друзьями-паразитами, которые захватили мозг нашего клиента и вызвали там необратимые изменения. Но поскольку у нас есть добровольное согласие клиента на эксперимент, к вашему институту не будет никаких претензий.

– Но как же он будет жить, если у него всё отобрали?

– О-о, не беспокойтесь! Анюта хочет… – молодой человек вдруг запнулся и даже слегка покраснел. – Я имел в виду, дочь нашего клиента… она оформила опеку и будет заботиться о нём. У неё диссертация по экологии Северного Ледовитого океана, и она считает, что отец в новом виде может быть ей полезен.

Орэрэ вцепился в перила моста и смотрел в тёмную воду Темзы, пытаясь осмыслить услышанное. Что же за люди придумывают такие дьявольские схемы обогащения?

– Знаю-знаю, что вы сейчас думаете, – вздохнул Игорь. – Что я цинично, только ради бабок, обвёл его вокруг пальца. Но я вам вот что скажу. Работа адвоката – защищать своего клиента со всеми его странными желаниями. Поневоле обучаешься разбираться в желаниях. И я заметил такой феномен, частенько бывает: даже если человек не может удовлетворить своё скрытое желание, оно никуда не девается. Это такая сила, которая стучится изнутри долгие годы. Значит, это не случайная прихоть. И этот человек мог бы стать совсем другим, если бы окружающие условия и обстоятельства были другими. Вам кажется, что мы

подставили клиента. Но он никогда раньше не выглядел таким счастливым, как сейчас. Может быть, мы его освободили?

– Освободили?.. – повторил доктор, словно он стал эхом моста Тысячелетия.

– Ну да. Помогли его сознанию вытащить наружу и реализовать то, чего он хотел на самом деле. Представьте, если бы он с детства жил там, у океана. Без всего того, что свалила на него здешняя жизнь. Возможно, он произнёс бы те же самые слова, что и сегодня, только без нашей помощи.

Адвокат облокотился на перила моста рядом с доктором, наблюдая за его реакцией. Но доктор не отвечал, и молодой человек перевёл взгляд на тот берег, откуда они только что пришли:

– Баг ты мой, а ведь он прав! Кому пришло в голову разместить галерею современного искусства в таком уродливом доме? Это же просто помесь мавзолея с крематорием!

Доктор Орэрэ тоже посмотрел на противоположный берег. Он хотел сказать, что никогда в жизни не видел ни мавзолея, ни крематория. Но, глядя на серое каменное здание галереи «Тейт Модерн» со зловещей трубой посередине, он подумал, что в данном случае понимает этого чужого человека. Он даже мог бы добавить, что ему не особо нравится и этот мост из стальной паутины, словно бы сплетённый гигантским пауком специально для того, чтобы заманивать людей в то мрачное здание.

А ещё он подумал, что, хотя виза у него на полгода, он вряд ли задержится здесь дольше недели. И эта мысль его немного успокоила.

Алгоритмы

У-уф, наконец-то реклама!

Кевин выхватил платок, вытер лицо и отвернулся от стола. Никто не собирался отключать яркий свет на время рекламной паузы. Но теперь по крайней мере можно не смотреть туда, где пылают их дурацкие слепильники.

Хотя и тёмную сторону в этой телестудии найти непросто. Он скользнул взглядом по огромному экрану, выполняющему роль задника. На голубом фоне ползли реплики из сетевого чата:

Неправда, Марвин Мински никогда такого не говорил!
Эй, кто тут давно? Чё за ботан выступает?
Мы с тобой, Кевин, вставь им всем электронные мозги!
Девочки, где можно продать яйцеклетку?
Рассказали бы лучше про загрязнение Темзы!

Нет, даже на этот экран невозможно смотреть без рези в глазах. Кевин уставился в пол. Черт побери, двадцать первый век, а они до сих пор не смогли придумать такое освещение, чтобы человек в эфире не чувствовал себя как на допросе. И ещё хотят, чтобы он непринуждённо улыбался в камеру!

–Ну как вы, профессор? – С лица ведущего уже свалилась глуповатая гримаска попсовика-затейника, уступив место маске «деловой мужик». Вежливость требовала повернуться к нему, но очень уж не хотелось снова подставлять глаза под лампы.

–Всё нормально. – Кевин разглядывал собственные ботинки. – Я, правда, не ожидал…

–Да уж, задали вам жару! Но вы держались молодцом. Только постарайтесь быть раскованнее. У нас ещё три минуты отдыха.

Ведущий отвернулся, что-то крикнул оператору про свет. Потом заговорил в гарнитуру, обсуждая с невидимым собеседником дальнейший план передачи.

«Задали жару…» Кевин хмыкнул. Чувство, которое возникает в ответ на откровенно идиотские вопросы, едва ли можно назвать «жаром». Особенно все эти вечные, однообразные «если». А если вы по ошибке имплантируете ваш чип человеку, который на самом деле не был имбецилом? А если собственная личность человека вдруг выразит протест против подключения к ней искусственного интеллекта? А если ваши пациенты попытаются использовать свои способности для захвата власти?

Кевин вспомнил, как много лет назад, в школе, его одноклассники с таким же «жаром» обсуждали подобные дурацкие ситуации: «А если у тебя «чёрный пояс» по каратэ и на тебя напали четверо с ножами? А если ещё один с автоматом подкрался сзади?» Как много людей, оказывается, до самой старости мыслят на том же уровне!

–Вам сейчас зададут вопрос про возможности искусственного интеллекта, – снова обратился к нему ведущий. – Было бы неплохо…

–У вас что, подставные звонки?

–Нет конечно! – Ведущий скорчил такую гримасу, словно его обвинили в детоубийстве. – Но звонков очень много, всегда можно выбрать нужный. Так вот, я бы хотел вас попросить, чтоб вы осветили этот вопрос… ну, как-нибудь полегче. Меньше формул, больше простых образов. Я читал вашу книгу, восходящий подход к ИИ против нисходящего – это безумно интересно! Но у нас передача для обычных людей… Для домохозяек, если уж совсем честно. Им нужен доступный язык.

–Я понял.

Кевин мрачно поправил воротник. Жест неожиданно приободрил его, и он пошёл дальше: подровнял манжеты рубашки так, чтобы они выступали из рукавов ровно на полсантиметра. «Я вам покажу доступный язык», злорадно подумал он.

–Дон, десять секунд, – сказал громкий женский голос откуда-то сверху.

–Мы готовы. – Ведущий кивнул Кевину. Кевин нехотя повернулся к источнику ослепительного света. У ведущего получилось лучше: за какой-то неуловимый миг лицо потеряло осмысленное выражение, и вот он уже смотрит в пространство стеклянным взглядом манекена.

–Три, две, одна. Би-и-и-п!

ВЕДУЩИЙ: Итак, мы продолжаем беседу с доктором Кевином Норвиком из Брэдингского института нейрофизиологии. Напомню, что разработанная профессором Норвиком методика позволяет снабдить искусственным интеллектом людей, чей мозг – от рождения или в результате травмы – отказывается работать на полную. В первой части нашей передачи профессор Норвик любезно ответил на наиболее острые вопросы своих противников, которые называют его не иначе как «Доктор Украденное Тело». Мы также выяснили медицинские критерии и юридические тонкости, на основе которых принимается решение об имплантации пресловутого «искин-чипа». Доктор Норвик

успокоил нас и в отношении такой важной проблемы, как сохранение личности. Личность его пациентов, которых в народе уже окрестили «чипсами», никуда не девается. Я правильно интерпретировал вашу последнюю реплику, профессор?

ДОКТОР НОРВИК: Да, верно. (Откашливается.) Мы определяем «сознание» как непрерывный процесс. Даже у человека, переживающего клиническую смерть, мозг продолжает работать – именно это является залогом восстановления памяти, мышления… и того, что мы называем «личностью». Поэтому в обсуждаемом вопросе мы считаем главным критерием сохранение непрерывности процесса сознания. Мы лишь добавляем к этому процессу некие вспомогательные устройства. Примерно так же, как к компьютеру добавляют ещё один диск памяти, а к автомобилю – гидравлическую систему управления вместо прямой ручной.

ВЕДУЩИЙ: И в то же время люди, считавшиеся невменяемыми, получают благодаря вашей методике возможность вернуться к полноценной жизни. Или не к такой уж полноценной?… Ага, вот и первый звонок, давайте поговорим. Здравствуйте, как вас зовут?

ГОЛОС: Это мне?

ВЕДУЩИЙ: Да-да, говорите! Вы в эфире!

ГОЛОС: Здравствуйте, Дон! Меня зовут Джордж, и я очень люблю вашу передачу! Но знаете, сегодняшний ваш гость – шарлатан, потому что никакие там устройства никогда не смогут заменить человеческий мозг, ведь возможности нашего мозга огромны, и даже у тех, кого мы считаем безнадёжными, есть огромный внутренний мир, и кроме того, люди с электронными мозгами никогда не смогут любить, ведь душа каждого человека…

(Пи-пи-пи…)

ВЕДУЩИЙ: К сожалению, что-то случилось со связью. Но я думаю, мы поняли вопрос Джорджа. Насколько хороша та поддержка, которую искусственный интеллект оказывает человеку, чей естественный интеллект оказался ограничен? Может ли вообще машинный интеллект тягаться с мозгом человека?

ДОКТОР НОРВИК: Этот вопрос уже более полувека не даёт покоя лучшим умам планеты. Вашей передачи не хватило бы даже на то, чтобы кратко изложить хотя бы десятую часть существующих концепций…

ВЕДУЩИЙ: О-о-о, ваши оппоненты сейчас радостно провозгласят, что вы просто уходите от ответа.

НОРВИК: Да, я заметил еще в первой части передачи, что

безапелляционные «доказательства» моего шарлатанства всегда гораздо короче моих аргументов. Ведь нести чушь легко и приятно. А впрочем… Я, пожалуй, рискну ответить в той же манере «блица». Сейчас я за две минуты, на простом и доступном языке докажу превосходство искусственного интеллекта над естественным.

ВЕДУЩИЙ: Вот как! Ну что ж, давайте!

ДОКТОР НОРВИК: Самое главное упущение моих противников – это отсутствие определения «разумности». Я предлагаю простое решение: давайте разобьём задачу на части. И скажем, что интеллект – это набор неких возможностей. Здесь будет и решение математических задач, и понимание естественного языка, и распознавание образов… Пока все понятно?

ВЕДУЩИЙ: О да, даже с моим кулинарным образованием.

НОРВИК: Дальше ещё проще. Сегодня машинный интеллект решает большинство упомянутых задач гораздо лучше, чем большинство людей. Доказать?

ВЕДУЩИЙ: А вы можете?!

НОРВИК: Попробую. Возьмём общение на естественном языке (Оборачивается к огромному экрану за спиной).

ВЕДУЩИЙ: Не верю своим глазам! Вы всё-таки заинтересовались нашим чатом, который вначале назвали идиотским!

НОРВИК: Я и сейчас такого мнения. Просто хочу использовать этот пример для сравнения с другим. Вы могли бы вместо вашего чата открыть на этом экране сайт British Airways?

ВЕДУЩИЙ: Э-э-э… Да, конечно. Сейчас мы попросим…

(На экране появляется симпатичная шатенка)

ДЕВУШКА: Компания British Airways приветствует вас. Меня зовут Одри, чем могу помочь?

НОРВИК: Я бы хотел заказать билет до Флоренции.

ДЕВУШКА: О, профессор Норвик! Билет до Флоренции на рейс в четверг в половине шестого?

НОРВИК: Почему вы так решили, Одри?

ДЕВУШКА: Ваш доклад стоит в программе симпозиума.

НОРВИК: Верно. Но я бы хотел полететь раньше, на утреннем.

ДЕВУШКА: Тогда не забудьте потеплее одеться. Прошлый раз на вас был только пиджак, а в четверг во Флоренции будет всего десять градусов и очень сыро. Место в самолёте как обычно – у окна и желательно с рядом с симпатичной, но молчаливой попутчицей?

НОРВИК: Именно так. И если можно, отель…

ДЕВУШКА: Ваш давний друг, доктор Полак из Брандеиса,

прилетит на симпозиум на день раньше. Он остановится в «Вероне». Я могу заказать вам номер там же. А на вечер – столик в «Савонароле», если желаете.

НОРВИК: Да, всё верно. Спасибо, Одри, до свиданья.

ДЕВУШКА: До свиданья, профессор.

НОРВИК: (Ведущему) Ну как?

ВЕДУЩИЙ: Поразительно! Эта девушка просто читает ваши мысли!

НОРВИК: Это не девушка, а искусственный интеллект. Они начали тестирование этой программы ещё в прошлом году. А теперь давайте посмотрим на программы попроще. Где там ваш сетевой чат?

(По экрану снова ползут строчки чата: «*Это тот Норвик, который играет Дика в "Кровавой луне?… Расскажите лучше про загрязнение Темзы!… Где купить чип для мульти-оргазма?*»…)

НОРВИК: Видите, в сравнении с предыдущим, вполне информативным диалогом, ваш чат выглядит как свалка бессвязных реплик, которые имеют очень слабое отношение к теме нашей дискуссии. Даже школьник, владеющий примитивными навыками программирования, напишет подобный генератор словесного мусора за полчаса.

ВЕДУЩИЙ: Кажется, профессор Норвик обвиняет нас в том, что мы симулируем нашу сетевую конференцию?

НОРВИК: Нет-нет, наоборот! Вся эта хаотичность высказываний, нежелание их авторов самостоятельно найти даже элементарную информацию – все это как раз доказывает, что в вашем чате сидят живые люди. С нормальным, то есть ленивым и очень ограниченным человеческим интеллектом.

ВЕДУЩИЙ: Да, это был эффектный пример. Ну что ж, дорогие зрители, на этом мы прощаемся с доктором Норвиком, который сумел убедительно доказать нам, что искусственный интеллект – не детская страшилка, а реальный помощник современного человека. Однако наша передача на этом не заканчивается. После рекламы вас ждёт ещё одна увлекательная встреча. Многие наверняка слышали об эпидемии компьютерных радиочервей, поражающих разнообразные устройства через системы беспроводной связи. Вредоносные программы в виде скрытых кодов прячутся даже в музыке, исполняемой по радио! В следующей части нашей программы известный эксперт по кибербезопасности Эндрю Асперович подробнее расскажет о том, что такое радиочерви и как с ними бороться!

Откуда-то сбоку зазвучала приглушенная, но бодрая музыка рекламного ролика. Кевин поглядел на монитор позади

оператора. Молодая пара с ослепительными улыбками наркоманов радовалась жизни. Новые музыкальные презервативы «Дюрекс» не только увеличивают продолжительность полового акта, но и помогают при остеохондрозе.

–Хорошо вы поддели меня насчёт чата! – Ведущий двигал головой туда-сюда, разминая шею. – У нас там действительно сидит один студент, присматривает, чтобы лента была живенькой. Пожалуй, сделаю ему выговор. А то эти реплики сегодня… как вы там сказали? Да, чересчур бессвязные.

Кевин молча поднялся и пошёл к стеклянной двери. Но её уже открывали с другой стороны.

–А-а, Эндрю! – Ведущий вскочил и протянул руку.

В очередной раз Кевин поразился, насколько люди в реальной жизни не похожи на то, что воображаешь, когда читаешь про них в новостях. Он представлял себе Асперовича нервным и худощавым, эдаким польским евреем. Но сейчас в студию ввалился толстяк скандинавского типа, с улыбкой от уха до уха и замашками пьянчуги-фермера. Игнорируя протянутую руку ведущего, Асперович распахнул объятия навстречу Кевину.

–Какие люди, и вживую! Доктор Чипс! Ну что, теперь вместе окучиваем население по центральному каналу?

–Это вы окучиваете, а я лечу. – Кевин демонстративно засунул руки в карманы. То, как Асперович выпячивал везде своё прошлое в МИ-5, не внушало никакого уважения. А в прошлом году компания Асперовича предложила институту Кевина купить новый антивирусный пакет за три дня до появления того «корейского вируса», от которого лечил этот пакет. Похоже, бывшие шпионы просто перенесли свой старый бизнес по созданию «врагов» в новый цифровой мир.

–Извините, господа, у нас мало времени.

Ведущий ловко протиснулся между ними, в результате этого манёвра Кевин и толстяк оказались по разные стороны стеклянной двери. На полпути к креслу Асперович обернулся и изобразил воздушный поцелуй. «Небось ещё и гомик», с неприязнью подумал Кевин и двинулся к лестнице. Встречные улыбались ему профессиональными улыбками работников телевидения.

# # #

–Два сообщения, – сказал киб.

Кевин откинулся на подушку кресла, наслаждаясь тишиной и прохладой внутри машины. Что ни говори, а киб в наши дни – единственное место, где можно отдохнуть в одиночестве и при

этом не чувствовать себя запертым, как в туалете.

–От кого?

–Первое от вашей матери.

–«Сынок, почему ты опять не приехал на Рождество! Ты же обещал…» – пробормотал Кевин унылым голосом.

–Будете слушать?

–Ну давай.

–«Сынок, почему ты опять не приехал на Рождество! Ты же обещал. Мы с отцом…»

–Стоп! От кого второе?

–Роберт Армстронг, лунная база «Хуанцзы».

–Читай.

–«Привет, старик, это Боб. Звякни как освободишься. У моей девочки какой-то сбой».

Кевин вздрогнул. Но тут же вспомнил, что «сбой» – обычное словечко для друга-астронавта, которым тот обозначает всё на свете, от взрыва ракеты-носителя до лишнего стакана виски. Однако те несколько секунд, пока киб набирал вызов, Кевин пытался представить худшие варианты.

–Здравия желаю, телезвезда!

На мониторе появилось небритое лицо Боба.

–Привет-привет, звездочёт. Что стряслось?

Задержка в четыре секунды всё-таки давала знать, как далеко находится абонент.

–Да ничего особенного. Та самая фобия насчёт чипсов, про которую ты сегодня по телеку рассказывал. Похоже, и до моей малышки докатилось. Она утверждает, что её новая няня – чипс.

–Неужели твоя дочка поймала Лизу, когда та заряжалась от розетки?

–Ха, ну ты скажешь! Нет, до таких ужасов не дошло. По-моему, они просто поругались. А у Марты в детском саду… ну ты знаешь, какие там детки и какие у них родители. Любой бред сразу расходится. Вот и у неё, похоже, чипсофобия началась.

–У тебя, между прочим, это тоже было, – мрачно пробормотал Кевин. – Помнишь, сколько раз ты меня спрашивал насчёт прошлой няни? И под юбку к ней ты залез наверняка только для того, чтобы проверить…

Втайне Кевин был даже благодарен Бобу за ту выходку с Лили. Когда друг-астронавт попросил найти воспитательницу для дочери, в голове Кевина тут же вспыхнула заманчивая идея послать на эту работу одну из своих пациенток. Социальная адаптация людей с искин-чипами, несмотря на их способности, всегда проходила очень медленно, в основном из-за неприязни со стороны обычных людей. А без опытных данных об адаптации и

самому Кевину приходилось туговато в спорах о том, имеют ли его чипы право на существование.

Но сначала он устроил няней к дочке Боба свою практикантку, работавшую медсестрой в одной из детских клиник. Лили прекрасно справлялась с работой до тех пор, пока Роберт не прилетел на Землю в отпуск. В первый же вечер изголодавшийся по ласке астронавт полез к молодой гувернанке, не зная о том, что кроме ухода за детьми, она занималась тайским боксом. Лили разбила ему нос и ушла. Боб стал искать новую няню. И тогда Кевин все-таки решился.

–Ладно, старик, я ведь уже извинился за Лили! Кто старое помянет… Когда сидишь по полгода на этой косоглазой Луне… – Боб понизил голос. – Тут же одни китайцы, старик! Я не расист, но знаешь, этот желтожопый космос немного достаёт. Особенно когда понимаешь, что тебя взяли только из-за политкорректности. Они все тут такие маленькие, шустрые, как муравьи. Во все щели пролезают, работают на всю катушку. А видел бы ты их импланты! Они даже вслух почти не разговаривают: у всех нейроинтерфейсы, форменная телепатия! А я у них – как розовый слон в зоопарке. Улыбаются, чуть ли не кланяются при каждой встрече. Но чуть куда потянешься к приборам – сразу такое чувство, что вот-вот по рукам врежут.

–Короче, ты хочешь, чтобы я для твоей Марты уже третью няню нашёл, – резюмировал Кевин. – И чтобы она каждый день делала себе рентген и показывала твоей дочке, что у неё в башке нет ни грамма кремния.

–Да брось, не надо новую! Эдак моя девочка совсем избалуется. И рентгенов не надо. Я же знаю, ты мне не будешь чёрти-что подпихивать. Просто ты это… может, съездишь к ним да поглядишь, что к чему? Может, у них какой чисто женский конфликт вышел, и нужен просто один холодный взгляд со стороны.

–Хорошо, Боб, съезжу прямо сейчас. Привет китайцам.

Получивший задание киб врубил маглев и поднялся над землёй. На Лондон опускался вечер, из распахнутых дверей клубов лились музыкальные коктейли, смешанные самыми модными диджеями мира. Кевин поглядел на небо. За ослепительным светом фонарей найти бледную китайскую Луну не так-то просто.

Ага, вот она – маленький подброшенный в небо снежок. Но китайцы не привередливы. Когда у тебя в стране даже пустыни заселены, как муравейники, ты не будешь долго церемониться с душой и прочей этикой. Китайцы берут всё: экспериментальные американские лекарства и списанные космические корабли

русских, французские подводные купола и японские искусственные острова, немецкое геномоделирование и наши искин-чипы…

А у Боба – лишь пара вшитых датчиков медицинского контроля. «Слон в зоопарке»… Кевин отвернулся от бледной Луны, обратно к тёплому свету лондонских улиц. Ты льстишь себе, дружище. Эти практичные жёлтые ребята ни за что не потащили бы тебя к себе из-за одной только политкорректности. Нет, брат, ты для них не слон из зоопарка. Скорее, подопытная белая мышка из контрольной группы.

# # #

–Как ты не можешь понять, дядя Кевин! – Марта с силой хлопнула рукой по одеялу. – Она не человек. Она чипс!

Дочка Боба сидела на кровати в своей маленькой спальне, похожей на аквариум: в прошлом году они вместе с прошлой няней Лили разрисовали стены фосфоресцирующими рыбами и морскими звёздами. Лили нравилась Марте. Лиза ей тоже нравилась. До вчерашнего вечера.

–Но почему ты так решила, милая?

–Она читала мне сказку. А потом ушла и не сказала «спокойной ночи».

–Может, она подумала, что ты уже уснула?

–Нет, я просто закрыла глаза! Нужно всегда говорить «спокойной ночи», иначе придёт Спрут и я буду плохо спать! Лили всегда говорила мне «спокойной ночи»! И папа! А Лиза не сказала! Потому что она чипс и ей наплевать!

Кевин задумался. С этими детскими аргументами трудно спорить: какая-то невероятная логика… Которая, однако, привела ребёнка к верной догадке.

–В таком случае, ты тоже чипс! – грозно произнёс Кевин.

–Почему?! – Марта уставилась на него с испугом.

–Ты плеснула Лизе в лицо горячим молоком. Тебе тоже было наплевать, что ей больно. У машин нет сострадания.

Марта некоторое время размышляла, обводя пальцем узоры на одеяле.

–Может, она все-таки не чипс… Когда я в неё плеснула, она даже не успела уклониться. А в садике говорили, что у чипсов очень хорошая реакция. Потому что этот маленький компьютер в голове, он контролирует все… моторчики…

–Моторику, – поправил Кевин.

–Да… Может, она просто не знала, что надо говорить «спокойной ночи»?

–Ты умница, Марта. Обещай, что вы с ней помиритесь.

–Хорошо.

–И расскажи Лизе про Спрута. Она тогда поймёт, зачем надо говорить «спокойной ночи». У неё ведь ещё не было детей. Вот она и не знает.

–Ладно, дядя Кевин. Только давай сегодня ты мне сказку почитаешь!

–Конечно. Я ведь тоже по тебе соскучился.

Он читал минут десять, потом остановился. Мягкий свет настольной лампы, мерцающие рыбки на стенах и на потолке. Полная тишина вслед за шорохом переворачиваемой страницы. Кевин понял, что сам вот-вот уснёт. Глаза Марты закрыты, дыхание ровное. «Спокойной ночи», прошептал Кевин. Ответа не было.

# # #

Кухня сияла белизной. Он вошёл на цыпочках, аккуратно закрыл дверь. Лиза сидела за столом, подперев подбородок кулаками и глядя в пространство. На левой щеке – розовое пятно ожога.

–Когда ты вот так сидишь…

–Знаю, доктор. Ничего не могу поделать. – Лиза тряхнула головой, длинная светлая прядь упала на лицо. – Это какая-то память тела. Иногда находит такое желание опять оказаться бездвижной. Смотреть картинки внутри.

–Тогда делай вид, что спишь. Хорошо, что она не попала тебе в глаз.

–Пустяки.

–Нет, Лиза, не пустяки. Как она вообще умудрилась попасть? Скажи честно: у тебя ухудшилась реакция? Ты же знаешь, у нас практически каждая модель называется «опытной». Если это какой-то сбой…

–С моим чипом всё в порядке. Оставим эту тему.

Кевин нахмурился. Вот так всегда. Сначала «спасибо, доктор, конечно, доктор, всё как вы скажете, доктор…» А потом они уходят и считают, что всё закончилось. И игнорируют все твои рекомендации. Приходится быть жёстким, снова делать им больно. Но иначе никак.

–Мне неприятно напоминать тебе, Лиза, но два месяца назад ты сидела в кресле-каталке и не могла попасть ложкой в собственный рот. И ты сама говоришь про «память тела», которая сопротивляется твоим новым способностям. Было бы неудивительно, если…

Она молча встала, поплотнее запахнула розовый халат и отошла в дальний угол кухни.

–Возьмите вон там ножик, доктор. И киньте в меня.

–Ну знаешь! Это ненаучный метод.

–Зато очевидный. Киньте.

Спорить было бесполезно: Кевин знал, что на это уйдёт больше времени. Он вытащил из сушилки самый маленький ножик для хлеба. Положил на ладонь, деревянной ручкой вперёд. И легонько подкинул – с таким расчётом, чтобы нож упал, не долетев до ног девушки.

В момент броска Лиза как бы нехотя, лениво шагнула вперёд, повернулась спиной к Кевину и слегка приподняла ногу. Падающий ножик упал плашмя на её поднятую ступню, острие даже не коснулось кожи. Кевин облегчённо вздохнул, но не тут-то было: голая ступня Лизы резко дёрнулась, словно рыба ударила хвостом. А ножик… исчез. Ни звука падения, ни блеска стали.

Лиза как ни в чем не бывало вернулась за стол. Кевин продолжал оглядывать место, где она только что стояла. Куда-то же он должен был воткнуться!

–Не там ищете.

Лиза повернулась в профиль, показала мизинцем. Ножик, словно шпилька, торчал в её волосах, скрученных в узел на затылке.

–Ты нарочно позволила ей себя ошпарить?

–Конечно. Нужно было сделать хоть что-то… человеческое. Кажется, есть множество вещей, которые люди делают нарочно. Но я их не знаю! У меня теперь отличная память, только в ней ничего нет. И у меня теперь очень быстрая соображалка… слишком быстрая, чтобы моё поведение выглядело человеческим. Вы же сами говорили: антитест Тьюринга работает гораздо лучше прямого теста. Люди делают огромное количество бессмысленных поступков, их легко отличить по этому признаку…

–Не беспокойся. Скоро ты научишься многим из этих глупостей. Даже пожалеешь, что захотела им учиться.

–Не знаю, не знаю… Иногда кажется, что эти странные человеческие привычки бесконечны. Сколько бы я их не узнавала, всегда будут новые проколы. Кстати, я сегодня смотрела ваше выступление. И даже позавидовала этой искинке Одри, которая брала у вас заказ билета. Уж она-то всё знает о привычках клиентов! Если бы вы разрешили подключить мой чип к Сети…

–Не может быть и речи! Я много раз объяснял тебе, как это опасно.

–Но ведь некоторые уже…

Она осеклась и посмотрела на Кевина.

–Что «уже»?

–Некоторые разработки… уже были в вашем институте.

–Были. Теперь закрыты. Мы ещё не изучили как следует воздействие одиночных искин-чипов на пациентов. Вот и у вас с Мартой возник конфликт. Мелкий, да. Но лишь потому, что она ещё ребёнок, а ты – одна из самых успешных моих пациенток. С другими гораздо хуже. Нас могут вообще закрыть из-за шумихи в прессе. А ты хочешь ещё и Сеть ко всему этому добавить.

–Нет так нет, – Лиза вздохнула. – В конце концов, изучать чужие бессмысленные привычки – не самое интересное занятие.

–Некоторые всё-таки полезно знать! – Кевин шутливо погрозил ей пальцем. – К примеру, ты могла бы расспросить Лили, почему она разбила нос отцу Марты.

–Зачем? Я не собираюсь трогать его нос.

–А вдруг какая-нибудь его привычка тебе не понравится?

–Вы не поняли. Разбивать нос не смысла. Есть более эффективные способы обездвижить нападающего.

–Возможно, ты нанесёшь большой урон космической науке.

–Космическая наука могла бы на досуге поизучать мои привычки, прежде чем проявлять свои. Так что мы с космической наукой в равных условиях.

Вот это да! Кевин внимательно посмотрел на свою бывшую пациентку. Раньше она никогда не демонстрировала таких убеждений. И это спокойное обещание обездвижить Боба…

Лиза перехватила его взгляд. На грустное и красивое лицо медленно, словно под большим давлением изнутри, выползла улыбка.

–Извините, доктор. Я вроде бы научилась шутить, но всё время забываю делать это… бессмысленное движение ртом.

# # #

Ноги сами занесли его в бар на углу. Помещение показалось смутно знакомым. Ах да, они с Бобом отмечали здесь его первый полёт. Так вот сразу, только забросили домой его вещи – и в ближайший бар.

С тех пор интерьер сильно изменился. Да и бармен другой. Впрочем, какая разница? После такого сумасшедшего дня Кевин был готов выпить коньяку в любой подворотне.

–Ба, доктор Норвик! – Бармен оторвался от полировки бокала. – Вот уж кого не ожидал, в нашем-то захолустье.

Кевин поморщился. Проклятое телевидение. Теперь будут узнавать даже в барах.

–А я ведь из «ваших», док! – Бармен покрутил пальцем около головы. – Прямо и не знаю, как вас благодарить за всё, что вы для нас делаете.

Кевин оглядел бармена повнимательней.

–Простите, у меня так много пациентов… Что-то не вспомнить вашего лица. У вас был…?

Он остановился. Пациенты не любят, когда им напоминают. Вполне возможно, месяц назад этот парень безостановочно трясся. Или был совершенно бездвижным коматозником, «овощем с глазами». А может, он был вполне в сознании, но травма позвоночника приковала его к постели. У него мог быть паралич одной половины тела или просто сильная дизлексия…

–Да ничего у меня не было! – рассмеялся бармен. – И главное, не было работы. А как без работы жить, даже если ты здоровый? Так что я взял у дружков взаймы да записался на операцию. Зато теперь, с вашим чипом… Память отличная, реакция отличная! Шестью бутылками могу жонглировать, а из седьмой наливать! Восемьсот рецептов коктейлей держу в голове! Все долги раздал за неделю! А через пару дней в центр переберусь, прямо в Сохо! Там в одном клубе уже держат для меня местечко…

–Погодите, но мы не имплантируем наши чипы здоровым людям!

–Как это не имплантируете? – Бармен уставился на Кевина. – Я же сам ходил в вашу клинику. Правда, дело было ночью. Но мне сказали, это потому, что очередь большая, приходится работать по ночам…

Кевин молча разглядывал своё отражение в полированном дереве барной стойки. Из-за кривизны поверхности отражение слегка развезло: правая щека вспучилась, а слева голова вытягивалась в какой-то рог. Значит, прямо в его клинике. По ночам. Интересно, кто. Так сразу и не угадаешь: восемь ассистентов, двадцать пять практикантов…

–Стало быть, это у вас за спиной! – Бармен треснул по стойке кулаком. – Вот ведь люди! Что ж получается, мне могли палёный чип вшить?! А если эта халтура сгорит через неделю? Слушайте, док, может вы меня посмотрите, а? Я доплачу, если что.

–Не сегодня, – отрезал Кевин. – Мне на сегодня уже хватит новостей. Надо выпить.

Он оглядел штабель бутылок, словно баррикаду, за которой можно хоть на какое-то время спрятаться от всех сегодняшних лиц. Ага, коньяки. Вот и любимый «Мартель»… Бессмысленная привычка, сказала бы Лиза. И правда, почему опять коньяк? Может, из вредности выпить чего-нибудь другого? «Кровавую Мэри», например. Хотя нет, от неё першит в горле.

–Выпить – само собой, док! Я ж понимаю, вам тоже надо отдыхать. А то ещё воткнёте скальпель не в то место. В таких делах спешить нельзя! Давайте-ка я вам налью за счёт заведения…

Бармен на миг закрыл глаза.

–…двести «Мартеля» и шесть ломтиков лимона, верно?

Это было уже слишком. Кевин отшатнулся от стойки.

–Как вы узнали?

–Так ведь Сеть, док! – Бармен снова покрутил рукой около головы. – Чип-то мне продали сразу с этим… с модемом. Вышло вдвое дороже, зато какие возможности! Я сейчас на лету подключился к бармену вашего института – и уже знаю, чего вам налить. Раньше-то, бывало, попотеешь, чтоб клиенту угодить! А так – и вам любимая выпивка, и мне приятно! Вот мы сейчас ещё музычку врубим…

Бармен обернулся к стереосистеме, покрутил ручку. Из колонок грохнул истеричный женский вокал.

–Погодите! – крикнул Кевин. – Какой марки модем?!

Бармен не реагировал. Кевин перегнулся через стойку и поглядел ему в лицо. Застывшая восковая маска. В памяти вдруг всплыло другое лицо: довольная бородатая рожа Асперовича. И странный прощальный жест, этот воздушный поцелуй. «Радиочерви и как с ними бороться…»

–Эй!!! – заорал Кевин. – Выключите!

Бармен медленно обернулся. Потом всплеснул руками и убавил звук.

–Извините, заслушался. Хорошая песня. Вы хотели сделать заказ, сэр?

–Я… – Кевин разглядывал бармена. Вроде всё нормально, лицо как лицо. – Просто хотел выпить чего-нибудь.

–У нас лучшая «Кровавая Мэри» в городе! Старинный мексиканский рецепт!

Так и есть. Всё стёрто. Кевин закрыл глаза… и почувствовал, что губы сами собой растягиваются в кривую, бессмысленную ухмылку. На него неожиданно снизошло облегчение. Словно вся сегодняшняя гора проблем сама свалилась с плеч после того, как сверху положили этот последний камень.

Умом он понимал, что это не решение. Они найдут антивирус, они улучшат качество даже тех чипов, что изготавливаются подпольно. Будут громкие разбирательства и запреты. И всё-таки сейчас, при виде этого человека, недавно получившего и легко потерявшего удивительные способности, можно уверенно сказать, что никаких радикальных перемен в

обществе эта технология не произведёт. Ведь теперь, когда разработка вышла из стен института, заботу о ней взял на себя человеческий фактор. С его простыми и массовыми, бессмысленными и неистребимыми человеческими алгоритмами.

И ещё: именно сейчас Кевин осознал, что всегда побаивался истребления этих алгоритмов. Наверное, потому что любил их. Да-да, работал над их истреблением, и при этом любил – как собственную дурацкую привычку к «Мартелю» с лимоном. Что такое любовь, как не надежда на повторение?

–Что-то не так, сэр? – спросил бармен. Уверенным, будничным тоном, каким задавали тот же вопрос и сто лет назад, и триста. Кевину вдруг захотелось обнять этого простого парня, который сейчас воплощал для него всё человечество. Нет, сейчас с объятиями лезть не стоит. Но в следующий раз он уже сможет дружески похлопать знакомого бармена по плечу. И они вместе посмеются над каким-нибудь бородатым анекдотом.

–Сэр?…

–Всё в порядке. Давайте вашу «Кровавую Мэри», если она и вправду лучшая в городе.

Мобильник зажужжал, когда он допивал вторую порцию. Он хотел было отключить назойливый гаджет, но увидев номер, мгновенно протрезвел:

–Да, Марта, что случилось?

–Дядя Кевин, тут Лиза… Она заснула в кресле.

–Так бывает, я тоже иногда… Погоди, а ты почему не спишь?

–В дверь звонили, я проснулась. Лиза сказала, что приходил курьер, принёс ей что-то для учёбы. Она была очень весёлая. Сказала, что теперь мы с ней не будем ссориться. И спела мне смешную песенку, и пожелала «спокойной ночи». Но мне не спалось, и я пошла посмотреть, что она делает. А она на кухне в кресле, и даже не сняла свой плеер… Я подумала, что она конечно никакой не чипс, они ведь не засыпают где попало, у них хорошая реакция и эти… моторчики… Но только… Дядя Кевин, я никак не могу её разбудить!

Хайкай

Медузы. Сотни медуз. Самый большой магазин светильников. Тысячи карнавальных шляп, подброшенных в небо во время салюта.

Их было так много, что Тисима совсем позабыл о времени. Лишь когда вода над головой стала светлеть, он спохватился: зомби вот-вот начнут атаковать отель.

Или всё-таки прихватить ещё парочку? Такого улова у них не было всю неделю. А ведь это уже не спортивная рыбалка, под предлогом которой они приплыли сюда из разных концов страны. Дюжина романтиков, собранных через Сеть, не имевших до сих пор ничего общего, кроме увлечения одной старинной поэтической игрой – что и определило место их отдыха во время отпуска.

Теперь из двенадцати осталось лишь пятеро. Запасов хватило на неделю: романтика подводного отеля предполагала приготовление еды из собственного улова. В конце концов они решились выходить по ночам, когда зомби не нападали. Но и эти вылазки приносили пока лишь крохи: за три ночи – только пара камбал да пяток медуз.

А сегодня как назло – такая удача, но уже рассвет…

Ладно, ещё одну, для круглого счета. Тисима огляделся, выбрал самую большую медузу. Пластиковые лепестки беззвучно выплеснулись из ружья, окружили полупрозрачную тварь. Тисима подождал, пока плёнка сожмёт огромную плавучую шляпу в плотный мячик. Двадцатая. Вот теперь – вниз, в темноту, где зомби плохо ориентируются. И вдоль дна – на север.

Через несколько минут он проплыл над разорванной осмотической маской. Значит, не сбился. Печальный ориентир, чужая ошибка. Каждый из семи погибших научил чему-то оставшихся. Каждый был ориентиром. Тисиме вдруг пришло в голову, что их можно пометить флажками на карте страны. Романтика отеля предполагала, что никто не открывает своих настоящих имён, и они различали друг друга по названиям префектур. Потерянный человек – потерянная земля.

Разорванная маска – это весельчак Кагосима. Первая встреча с зомби. Принял за людей, обрадовался. Вблизи понял, но было поздно. Хотя, будь у него жабры, наверняка сумел бы отбиться. Но Кагосима был из другого мира. Нетрудно догадаться, откуда приехал человек, который вставляет слово «звёзды» в любое ответное стихотворение. Даже когда темой игры был гололёд,

этот виртуоз выкрутился: «Упал – увидел звёзды». Префектура Кагосима, национальный космопорт. Наверное, он неплохо управлялся в невесомости. Но под водой всё равно не мог без маски. А маску так легко сорвать…

Тисима поплыл быстрее. Но ориентир-маска уже развернул карту памяти, заставляя расставить предыдущие флажки. У троих заболела голова в первый день: взбесились импланты-нейрофоны. Решение плыть домой оказалось для них фатальным, потому что скафы тоже взбесились. Но это стало ясно только через день, когда домой собрались Мияги и Акита. Муж пообещал жене подогнать скаф ко входу и поплыл на стоянку. Через иллюминатор в холле было хорошо видно, как он бьётся внутри машины, которая вдруг сорвалась с места и унеслась неизвестно куда.

Затем был Окинава, пожилой бизнесмен, решивший доплыть до берега самостоятельно. Они видели в перископ, как его маленькая чёрная фигурка не спеша выходит из воды на пустой пляж. Потом фигурка начинает метаться, пригибаясь и глядя в небо, бежит к ближайшей скале – и падает, не добежав. Что-то блестящее, словно металлическая летучая мышь, делает круг над телом и исчезает.

Тисима проплыл над светящейся разметкой стоянки. Скафов как не бывало – зомби увели последний два дня назад. С ними машины вели себя смирно. Неудивительно: ведь и зомби, и скафы, и роботы слушаются общего хозяина…

Следующее, более яркое пятно света при приближении распалось на иероглифы. «Отель Саби». Ближе, ближе – и сами иероглифы тоже распадаются на отдельные кусты светящихся водорослей вокруг грота. Дальняя стена подводной пещеры отъезжает, приглашая в шлюз. И возвращается на место.

Он был даже рад, что вода уходит так медленно. Хватит времени, чтобы отогнать воспоминание о Мияги. До случая с математиком они даже не задумывались о том, насколько серьёзна эта поэтическая игра в шлюзе. Конечно, в рекламе отеля её расписывали на все лады: «удовольствие для истинных ценителей ута-авасэ и хайкай-но-ренга», «людям без чувства прекрасного просьба не беспокоиться»… И там же про самую главную достопримечательность – мозг Последнего Мастера в качестве метрдотеля.

Но кто же верит рекламе? Голосовая идентификация – это вполне понятно. Традиция поэтических приветствий – тоже. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, и они просто следовали здешней традиции. Правда, сразу после приезда Хоккайдо пытался произнести один и тот же ответ дважды в день

– но на второй раз Саби выкинул его из шлюза. Остальные посмеялись и решили, что ответы где-то записываются. Так и думали до случая с Мияги – когда стало ясно, что дело не в голосе и не в запрете на повторы.

Вода опустилась до шеи. Тисима вдохнул через рот и тут же начал икать. Проклятый лягушачий рефлекс, как не вовремя! Он задержал воздух в лёгких и на медленном выдохе расслабил жабры. Кажется, прошло.

Ещё минута. Тисима наблюдал, как в стенной нише на уровне груди появляется каменная фигурка величиной с кулак. Сначала над водой появились лысая голова и посох, потом каменное доги и, наконец, – каменные гэта.

Интересно, что будет сегодня? Тисима мысленно расставил в ряд образы, которые Саби выдавал им в разные дни этого неудачного отпуска. Телефонный звонок жаркой ночью. Безголовый снеговик. Сухие иглы в паутине. Девушка, развернувшаяся во сне к океану. Первая вмятина на новом тюбике зубной пасты. Пересоленный рис. Запах кошки.

Нет, ничего общего. В этом и смысл игры. Остаётся расслабиться и ждать. Когда вода опустится до щиколоток…

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

—пробубнил старческий голос. Тисима вздрогнул и уставился на каменную фигурку. Хоккайдо рассказывал, что мозг Последнего Мастера плавает в бронированной бочке с физраствором. Бочка замурована глубоко под отелем. А в этой статуэтке – всего лишь динамик и микрофон. Но всё равно не отделаться от ощущения, что…

А ну их, эти несвоевременные ощущения! Тисима закрыл глаза и повторил про себя трёхстишие, произнесённое статуэткой. Образ цветущей вишни заполнил воображение. Сорок секунд тишины. Тисима глубоко вдохнул.

…ту, что едва скрывала
полусгоревший дом

—громко пропел он, продолжая стихотворение до полной танка.

Снова тишина. Тисима посмотрел под ноги. Если ответ не принят, из этих дырок хлынет вода и вышвырнет его наружу. Вместе со всем уловом.

Нет, не в этот раз. Щелчок – и стена со статуэткой отъезжает в сторону, открывая холл отеля. В дальнем конце коридора зеленеет камуфляжная куртка Хоккайдо.

–Всё в порядке, это я! – крикнул Тисима.

–Где вас носило? – Хоккайдо продолжал держать его в прицеле гарпунного ружья. – Два зомби уже заходили в шлюз. Сегодня они научились давать ответы в четырнадцать слогов.

–Вы сами знаете, что дело не в слогах.

–Знаю. Но уже восемь, а мы договаривались…

–Еда приплыла перед самым рассветом. – Тисима поднял мешок с медузами.

Хоккайдо наконец опустил ружьё. Тисима усмехнулся: тоже мне, эколог. Этот худой нервозный парень не нравился ему с самого начала. Как всякий мусорщик, Тисима не любил трепачей-«зелёных». Вместо того чтоб демонстрации устраивать, лучше бы поработали месяц-другой на свалках Тибы. Пользы гораздо больше вышло бы – и для экологии, и для собственного развития.

В последние дни Хоккайдо особенно надоедал со своими политическими речами. Всё началось со споров об искусственном интеллекте, захватившем власть на суше. О том, что это искин, они узнали к вечеру первого дня, когда единственный телевизор в ресторане отеля наконец перестал показывать необъяснимую панику на улицах. Вместо этого пошли более-менее связные репортажи: о взбесившихся машинах, о людях с нейрофонами, превратившихся в зомби, и о других людях, кому эти самые импланты вживляли уже против их воли, когда они попадали в руки зомби первого поколения.

Вещание оборвалось посреди выступления премьер-министра, уверявшего, что ситуация под контролем. После этого экран превратился в сумасшедший стробоскоп, от которого кружилась голова, и они отрубили его. Однако в разговорах с тех пор постоянно возвращались к главному. Откуда он взялся, этот искин? Как преодолел запрет на неорганическую эволюцию, как обошёл многослойную систему блоков, вшитых во все программы искусственного интеллекта?

Хоккайдо настаивал, что во всем виноваты военные – благо им всегда позволяли развивать то, что запрещено остальным. Тисима несколько раз порывался спросить, откуда простой эколог так много знает о секретных военных проектах. Но нагнетать подозрительность не хотелось, и он не спрашивал.

Он даже не поделился с экологом своей версией происшествия – ведь это означало бы раскрыть кое-какие тёмные стороны собственного бизнеса. Из электронного мусора можно

извлекать пользу по-разному. Помимо людей, занятых непосредственно сортировкой и переработкой «железа», у Тисимы подрабатывал один старый знакомый, профессию которого «украли роботы», как он сам выражался. Переключившись на взлом искинов, бывший хирург и на свалках практиковался по новой специальности: сканировал всю выброшенную электронику на предмет интересных данных – там попадалась и незатёртая порнушка, и финансовые отчёты, и кое-какой компромат посильнее. Этот приятель-взломщик и обратил внимание Тисимы на странные коды, которые стали попадаться в памяти старых принтеров, ксероксов и даже стиральных машин с сетевым доступом.

Сперва Тисима думал о вирусе-шпионе. Но кому надо шпионить в списанных стиралках? К тому же среди этих «вирусов» не было ни пары одинаковых. И тем не менее узнать их было легко: на звуковом дебаггере чужие коды звучали как куски одной мощной симфонии, по сравнению с детским пиликанием собственных программ тех машин, в которых поселились «чужаки». И симфония эта была совершенно дикой…

—Ого! Вы один столько наловили?!

Тисима в очередной раз обнаружил, что не может определить, какая из близняшек Эхимэ с ним заговорила. Так было всегда, когда он не видел их, а только слышал. Вот и сейчас он поднял глаза уже после того, как девушки вскочили с татами и пошли к нему навстречу, совершенно одинаковые в своих облегающих песочных комбинезонах: двойная сосновая иголка на ветру.

Тисима положил мешок перед очагом.

Ага, вот теперь их можно различить: иголка разделилась. Старшая – та, что бросилась возиться с медузами. Младшая, более спокойная, подошла к Тисиме.

–Вас так долго не было… И танка у вас такая грустная получилась… Хотите, спою наш вариант?

–Валяй.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету
не пройдёт ли стороной
тот, кого ждала всю ночь?

—Не знаю, что сказал бы Саби, но мне нравится, – улыбнулся Тисима.

Всё-таки хорошо, что все диалоги транслируются из шлюза в ресторан. Остальные могут потренироваться. Вот только не зашла бы эта тренировка так далеко, как у…

–А где Акита? – Тисима огляделся.

–Кажется, в оранжерее… – замялась Эхимэ-младшая.

–Послушайте, мы же договорились: её нельзя оставлять одну!

Близняшки молча уставились в пол и снова стали неотличимы друг от друга. Хоккайдо крутил настройку перископа.

–По крайней мере, к обеду её надо позвать.

Никто не реагировал. Придётся самому.

Тисима поднялся на вторую палубу. Маленький мир отеля приучил их к неторопливости, к внимательному выслушиванию чужих ответов в шлюзе. Но у этой привычки была своя крайность. То, что случилось с Акитой после того, как Саби не впустил её мужа.

Это было на третий день. К тому времени они уже поняли, что мозг мёртвого поэта, управляющий дверями, оказался их нечаянным спасением от зомби. Каждому, кто входил в шлюз, Саби предлагал в тот день короткую строфу:

в сторону океана
ты развернулась во сне

Зомби произносили в ответ нечто невнятное, и их тут же выбрасывало обратно в океан. Пятеро людей, оставшихся внутри отеля, всякий раз замирали – и с облегчением выдыхали при каждом неверном ответе чужаков. И так же одновременно они вздрогнули, когда очередной вошедший в шлюз произнёс знакомым голосом:

гомоморфный образ группы
изоморфен фактор-группе
по ядру гомоморфизма

Акита закричала, что это Мияги, что он вернулся, он просто шутит, ох уж эти его математические шутки, нужно ему открыть… Но в глазах её читалась другая мысль, которая пришла в голову и остальным – Тисима и Хоккайдо одновременно схватили жену математика за руки. И держали ещё полчаса, пока Мияги, переставший быть Мияги, снова и снова пытался войти – и снова вылетал из шлюза. После шестой попытки он не вернулся. К тому времени они уже знали: зомби быстро изнашиваются.

С тех пор Акита в любое время и в любом помещении сидела перед иллюминатором. С ней можно было разговаривать, но она никогда не отрывала взгляд от темноты за стеклом. Ни Хоккайдо, ни близняшки не выдерживали этого дольше пяти минут.

Такой нашёл её Тисима и сейчас. Мышиного цвета кимоно и две длинные красные шпильки в волосах, на фоне чёрного овала иллюминатора, среди весёлой зелени гидропоники.

–Ага, вот вы где! – Фальшивое воодушевление в голосе смутило его самого, и он сбавил тон. – Пойдёмте завтракать, Акита. Куча еды приплыла.

–Да-да, я сейчас спущусь. – Она по-прежнему была далеко.

Что же с ней делать? Тисима тоже посмотрел в тёмную воду за стеклом.

«Не называть, а показывать. Не объяснять, а передавать». Безусловно, она владела техникой игры лучше всех остальных. Это стало ясно в первый же день, когда все они собрались в ресторане и рассказывали друг другу, кто как представляет себе главный принцип этого древнего искусства. Кто-то сыпал терминами, кто-то цитировал классику. Кто-то, наоборот, повторял общие слова про радость общения, про обмен самым тонким опытом. Лишь у Акиты всё было просто – и в самую суть:

«Вы гуляете у реки и видите недостроенный мост: несколько опор поднимаются из воды, но соединяющие их балки доходят только до середины. Вы не можете перебраться на тот берег, ведь моста как такового нет. Но в своём сознании вы моментально достраиваете его».

Вот только теперь её мысленный взор прикован к мосту, который уже никому не под силу достроить, подумал Тисима. И тут его осенило:

–Может, споёте мне?

Акита обернулась. Сработало!

–Мне не нравится мой вариант. Я переписывала его уже раз сто. Но мне всё равно не нравится…

–Спойте. Меня избирали судьёй в тридцати двух играх. В трёх очень разных школах.

–Ладно, слушайте.

в сторону океана
ты развернулась во сне
новая луна
с каждой волной всё дальше
уносит лодку

Её взгляд снова дёрнулся в темноту за стеклом. Однако

Тисима не дал паузе затянуться:

–Неплохо, но мрачновато.

–Вот и мне не нравится. А как вам такой вариант…

–Погодите, Акита, так не честно! – Тисима погрозил ей пальцем, как ребёнку. – Теперь моя очередь. Вы слышали сегодня мой ответ?

–Нет. Но я уверена, у вас вышло отлично. Вы же «лягушатник», полжизни в воде провели, строили все эти острова из мусора. Уж вам-то легко дописать образ девушки, спящей у океана…

–Я говорю про сегодняшний образ. Саби каждый день даёт новый, разве вы не помните?

Акита поёжилась.

–Старые стихи ни к чему переписывать, – продолжал Тисима. – Это уже ничего не изменит. Зато с новыми нам нужна ваша помощь.

–Вам? – Бледное лицо, недоверчивый взгляд.

–Не мне лично. А вот девчонкам из Эхимэ вы могли бы преподать пару уроков. У них слишком легкомысленные стихи получаются. Пока им удавалось пройти шлюз, но кто знает. Если со мной что-то случится, выходить за едой придётся им. Ведь вы и Хоккайдо…

–Да, понимаю. Мы не «лягушатники», в воде ведём себя неуклюже. Не говоря уже об охоте… Ладно, я пригляжу за девочками. Вы что-то говорили про большой улов

–Думаю, он начнёт уменьшаться без нас, если мы сейчас же не спустимся.

Он оказался прав: когда они вошли в ресторан, близняшки уже накрыли на стол. Хоккайдо нервно поглядывал то на еду, то в перископ. При виде Тисимы и Акиты он бросился к столу.

Первые пять минут завтрака прошли в молчании. Вежливость сдерживала, голод торопил, куски медуз выскальзывали из палочек, все чувствовали себя неловко. Но вот одна из близняшек толкнула другую и хихикнула. Вторая в ответ раздула жабры и состроила сестре смешную рожицу. Акита погрозила им пальцем… и улыбнулась. И сразу как будто лопнула невидимая плёнка. Хоккайдо тоже хмыкнул. Они снова были вместе, и всё было хорошо.

Увы, ненадолго. Динамик в углу зашумел, заплескался, стирая улыбки с лиц. Кто-то вошёл в шлюз.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз

сакуру в цвету

—произнёс бесстрастный старческий голос.

белый белый розовый
белый розовый белый

—тут же ответил другой голос, незнакомый и ещё более безучастный.

Шум воды, лязг металлической двери. Зомби не прошёл. Но то, что он сказал… Нет, это уже не те словесные обрывки, какие они выкрикивали вчера и позавчера. Тисима посмотрел на Хоккайдо.

–С утра так, – ответил тот, не дожидаясь вопроса. – Я же говорил: они теперь умеют считать слоги.

–Это больше, чем слоги. Вы слышали, что он сказал? Это уже почти картинка. Расплывчатая, но в тему. Их хозяин обучается игре.

–Ерунда. Он посылает зомби только потому, что у него нет роботов, способных работать в воде. Но сегодня они, кажется, появятся. Я не хотел портить всем аппетит, но раз уж… Поглядите на берег.

Тисима нехотя отложил палочки и подошёл к стойке перископа. Да, сегодня на берегу не так пустынно, как обычно. На пологом каменистом склоне собралась какая-то толпа. Похоже, действительно роботы. С какими-то странными ветвистыми манипуляторами. Но что они там делают? До берега километров пять, плюс утренняя дымка. Не особо разглядишь, даже с такой хорошей оптикой.

–Пока вроде ничего похожего на торпеды, – резюмировал Тисима.

–Наверное, он хочет взять нас живыми, – подала голос Акита. – И сделать из нас… как из других…

Не договорив, она нашла взглядом иллюминатор и уставилась в темноту.

–Ему Саби нужен, а не мы, – заявил Хоккайдо.

–Зачем?! – хором воскликнули близняшки. Младшая тут же смутилась и уставилась в тарелку. Старшая продолжила в одиночку:

–Ведь Саби тоже киборг!

–Не киборг, а оркиб. – Хоккайдо подцепил за край половинку медузы и перевернул её, словно демонстрируя, как перестановка иероглифов меняет смысл.

Близняшки смотрели непонимающе.

–У зомби кибернетическая составляющая – это его мозг. Искин-имплант, перехвативший контроль над органическим телом. А у Саби всё наоборот: мозг настоящий, человеческий. Зато тело железное: тот самый отель, в котором мы за…

Все лампы в ресторане вдруг погасли и тут же вспыхнули снова.

–Может, не стоит про него… – Тисима показал пальцем в потолок.

–Ай, бросьте, – скривился Хоккайдо. – Это всем известно. По крайней мере, я всё это нашёл в открытых источниках. Он работал на Министерство обороны. Да-да, как раз в области военного применения искусственного интеллекта. А потом у него что-то вроде просветления сделалось. И переклинило его в противоположную сторону, в технофобию. Он ведь даже поэзией не просто так занялся, а в рамках большого исследования на тему «чего не могут делать машины». Правда, это не помешало ему стать миллионером, продав русским кое-какую…

Свет снова мигнул.

–И нечего меня затыкать! – Хоккайдо поднял глаза к потолку. – Я просто объясняю молодёжи, зачем киборгам нужен этот старый оркиб. Именно потому, что его мозг не повреждён, как у зомби. И в этом мозгу ещё есть военные секреты. Но он их просто так не отдаст. Вот он и играет в свои сумасшедшие игры.

Все остальные тоже поглядели в потолок. Лампы больше не мигали.

–А вы не думаете, что эта игра… – начал Тисима, но не договорил: из динамика снова донёсся плеск воды. Выброшенный зомби вернулся в шлюз для следующей попытки.

утренний туман
скрыл от любопытных глаз
сакуру в цвету

Тисима поймал себя на том, что уже выучил это трёхстишие вплоть до интонаций и сейчас мысленно произнёс его вместе с Саби. Ответ не заставил себя ждать:

разве что ветра порыв
выдаст её аромат

Тот же механический голос, что десять минут назад говорил про белый и розовый. Но теперь его продолжение было вполне… Тисима вскочил и бросился в холл.

Только у самого шлюза он вспомнил, что бежит с пустыми руками. Поздно: металлическая дверь отъехала. Тисима и человек, сидящий на корточках в шлюзе, посмотрели друг на друга. Время остановилось, позволяя разглядеть все детали.

Наполовину обритая голова, кровоподтёк вокруг дыры – чип словно вплавили в череп, вбили до самого гиппокампа. Маска на лице. Серебристый баллон в руках.

–Пригнись, жаба! – крикнул сзади Хоккайдо.

Тисима присел. Позади щёлкнуло, и в горле человека с баллоном оказался гарпун. Зомби мотнул полуобритой головой и повалился в воду, которая ещё не ушла из шлюза. Баллон покатился в холл отеля. До Тисимы донеслось шипение и тонкий цветочный запах.

«Прямо как на моей первой свалке», – пронеслось в голове. Не то чтобы он с тех пор научился работать с любым ядовитым мусором, но всё же… Задержка дыхания, прыжок, ещё прыжок. На пятом он догнал баллон. Дверь шлюза уже ехала обратно. Разворот, бросок, плеск воды. Выдох.

Он увидел медузу, когда дверь почти закрылась, скрыв за собой и зомби, и его газовый «подарок». Оставалась лишь щель шириной в ладонь. Через неё-то и протекла в холл двухметровая медуза. Тисима попятился. Медуза пошла за ним на тонких лапках, по пути превращаясь в цветущее вишнёвое дерево.

Тисима споткнулся. Дерево подошло вплотную, село ему на грудь и стало душить парой крепких корней.

# # #

Он пришёл в себя с ощущением чего-то лишнего на голове. Вокруг было темно. Он с ужасом поднял руки, ощупал голову… Нет, никаких имплантов. Мокрая тряпка на лбу, только и всего.

Он потянул за тряпку. Оказалось, что она же закрывала и глаза, а со зрением всё в порядке. Он лежал на татами в ресторане. Рядом сидели близняшки.

–Очнулся! – воскликнула старшая.

–Что со мной? – Тисима попробовал встать, но голова закружилась.

–Лежите, лежите! – Над ним склонилось печальное лицо Акиты. – Вы нас всех спасли, а сами немножко отравились газом. Но теперь всё будет в порядке.

–Да уж вряд ли, – донёсся голос Хоккайдо.

Тисима повернул голову. Эколог сидел на пороге ресторана и смотрел в холл. Ружье лежало у него на коленях.

–Пока вы спали, ещё трое приходили. С тем же ответом про

ветер. Саби их не пустил, ведь повторы у него не засчитываются. Но раз уж один прошёл…

–Сколько времени?

–Уже начинает темнеть, так что сегодня их больше не будет. Но завтра… Похоже, этот электронный спрут научился отвечать правильно. А наш хвалёный мозг поэта проиграл в собственной игре.

–Не уверен, что проиграл, – покачал головой Тисима. – Мне тут одна идея пришла. Скажите-ка, что там происходит на берегу?

–Хорошо, что напомнили! С утра не смотрел. – Хоккайдо подошёл к перископу. – Х-мм… Если бы это было не здесь… Как-то раз я участвовал в проекте быстрого озеленения…

–Вишни-скорорастки, – кивнул Тисима. – Мы такие использовали на новых островах для укрепления берегов. У меня ещё утром мелькнула мысль, что у них там садовые роботы. Но я тогда подумал, что это слишком бредово – разбивать вишнёвый сад, чтобы смоделировать стихотворение. А выходит, этому машинному разуму никак иначе не подобрать ответный образ.

Акита тоже пошла посмотреть, и Хоккайдо уступил ей место у перископа. Прильнув к окулярам, женщина в мышином кимоно стояла неподвижно целую минуту.

–Это похоже на театр, – вдруг произнесла она, поворачиваясь к Тисиме. – Они ходят в тумане среди цветущих деревьев. Как будто пытаются уловить… Но завтра Саби даст новую тему, и им придётся ставить новую пьесу.

–Тогда у нас и вправду не всё потеряно. – Хоккайдо перекинул ружьё из руки в руку. – Хотел бы я посмотреть, как эта тварь смоделирует болото с поющими лягухами! Или снежную бурю. Или…

–Кстати о лягухах, – перебил Тисима. – Перед тем как я вырубился, кто-то назвал меня «жабой». Или это была часть галлюцинации?

–Это была поэтическая разминка, – пробормотал Хоккайдо.

–Разминка, разминка! – хором передразнили близняшки. Одна ткнула другую в бок, а та в ответ раздула жабры и скорчила страшную рожицу.

Перколяция

There is a crack,
a crack in everything,
that's how the light gets in.
(Leonard Cohen)

–Давай уже, дуй! – сказал Саня.

–Зачем дуть? – удивился Мишка, разглядывая сигу. – Мне говорили, надо в себя.

Они сидели на быке разрушенного моста, в своей любимой «крепости». Внизу бурлила вода, а прямо перед ними на середине реки торчал второй бык, широкая бетонная опора, куда они мечтали перелезть. Вернее, мечтал Серый. У него был целый план: кинуть верёвку со своего быка на второй, и сделать верёвочный мост. Да и штаб лучше устроить там, на втором быке, туда уж точно никто из деревни не доберётся.

Мишка об этих планах узнал только вчера. Сам он не подрывался на такие приключения. Ему нравилось просто сидеть на быке и смотреть, как пузырится воздух под февральским льдом, как толкаются неповоротливые льдины в апреле, или вот как сейчас кружит, кружит в водоворотах ольховый пух. Если долго смотреть на такие штуки, кажется, будто ты вообще исчез, растворился в природе. И каждый раз в таком состоянии делается какое-нибудь открытие. Два дня назад он, сидя здесь один, услышал странные звуки – и обнаружил с другой стороны опоры, в развилке ржавых железяк, настоящее гнездо. Из гнезда высунулась голова птицы. Когда Мишка подлез ближе, птица вспорхнула, громко треща, и он увидел в гнезде три маленьких голубоватых яйца.

И сейчас ему вовсе не хотелось пробовать сигу, а хотелось перелезть на ту сторону быка и посмотреть, вернулась ли птица. И показать гнездо новым приятелям тоже хотелось, только он боялся, что они придумают какую-нибудь гадость. Серый наверняка предложит забрать голубые яйца и подкинуть наседкам в курятник. Ага, вот и он, тащит обещанную верёвку.

–Чё, зассал? – Серый спрыгнул с лестницы в «крепость». – Давай мне, не пропадёт.

–Никто не зассал. – Мишка подумал, что если откажется от сиги, его совсем засмеют эти деревенские. – Просто Саня говорит, в неё дуть надо. А у нас пацаны затягивались.

–Ну вы мелкота! – рассмеялся Серый. – К ней надо просто прикоснуться, там где точка. Можно даже в руке держать, но лучше во рту, чтоб руки были свободны. Главное, подумать о том, чего ты хочешь.

–А если рогатые появятся, надо валить сразу, – вставил Саня.

Серый снова хохотнул:

–Ещё скажи, серой запахнет.

–А чем, по-твоему, демоны пахнут?

–Чем? – Серый покопался в карманах, вытащил какой-то винтик. – На, понюхай.

–Фу! – Саня сморщился. – Соляра, что ли?

–Нет. – Серый бережно завернул винт в тряпку. – И рогов у них нет. Хотя поначалу страшно, у главного такая зверская рожа со шрамом! И кожа чёрная, с красными татуировками. А зовут его Тэксис.

–По-моему, это название страны, – робко заметил Мишка.

–Да хоть звезды! – отмахнулся Серый. – Ты бы видел, какая у них…

–Преисподняя?

–Мастерская, идиот. Представь байк с крыльями. Газанул – и полетел. У них полный ангар таких летучих машин. И тут я со своим воздушным змеем. Они так ржали! Но потом столько всего мне показали, что кажется, я теперь сам могу настоящую мотодельту собрать. Блин, так жалко, что отрубило! Слушай, Миха, ну по чесноку – ты ведь не хочешь? Дай лучше мне! Может, я опять к тем бесам попаду, мне только спросить…

–Не-не. – Мишка отвёл в сторону руку с сигой. – Я за неё все обеды отдал на неделю.

–Ладно, приколись сам.

Серый сделал петлю на верёвке и поднялся, высматривая на втором быке место, куда забросить аркан. Мишка поднёс сигу к губам.

–Э-э! – Серый схватил его за руку. – Не здесь, дурило! У тебя же всё другое будет перед глазами. А если побежишь, нам тебя из реки вылавливать? Иди лучше вот туда, на поле.

# # #

Нет, это конечно не отцовская «Волга». Но дизель классический, и вся электрика аналоговая, никаких чипов. Стало быть, разберёмся.

Антон достал из-под сиденья рукавицы, поднял крышку капота. От двигателя ещё несло гарью. Когда это началось, чёрный дым заволок всю кабину, а после трактор и вовсе заглох.

Отец бы велел перво-наперво проверить форсунки. Да только в полевых условиях как проверишь? Ну допустим, форсунки в норме. Что тогда? Он снял воздухоочиститель, слил грязное масло и стал очищать трубу.

Как их вообще угораздило выбрать такой склон для картошки! Нет, хватит повторять эту отмазку, Ася уже всё тебе разжевала. Тут самая плодородная земля, бывшая речная пойма. К тому же склон смотрит на юг, и от ветра защищён. А что трактору трудно работать на склоне, так разве это проблема? Вскопали бы вручную, как раньше, и сажали бы «под лопату». За неделю весь склон засадили бы и так.

А ты, значит, ускорить решил. Механизировать. В итоге даже плуг не отрегулировал нормально, да ещё погнал по склону под нагрузкой. Вот и не выдержал замученный МТЗ.

Ладно, и не такое видали. Как раз в отцовском гараже. Батя-то никакой модной техники не жаловал. Это уже потом, повзрослев, Антон понял, что старая «Волга» была не личной причудой отца, но частью серьёзного культа, в котором только особые люди ездили на такой коллекционной модели, а совсем особые умели её чинить. Юному Антоше довелось познакомиться с этим культом после первых же покатушек на той «Волге», когда она вот так же задымилась. Долго пришлось выслушивать отцовскую брань да подавать ключи, а после и самому лежать на рогожке под капотом.

Оказалось – полезно. Даже после того, как он завёл собственную «Теслу», ни один автосервис не мог его кинуть. А в тот день, когда «Тесла» вырубилась вместе со всем умным транспортом, батины уроки снова помогли: брошенная соседями старушка-«Лада» после небольшого ремонта стала одной из немногих машин, которые смогли выехать из города.

Он приободрился от этих воспоминаний, и залив новое масло в воздухоочиститель, попробовал завести мотор. Получилось, и даже без дыма. Правда, теперь стучит так, словно изнутри хочет вырваться какой-то дизельный джинн. Видимо, надо отрегулировать топливный насос.

Зарываясь дальше в пахнущий гарью механизм, он продолжал копаться и в себе. Нет, картофельный склон тут не виноват. Ты просто злишься, что тебя оставили в общине ради Аси, а не из-за твоих собственных способностей.

Хотя в первые дни тебе даже нравилось, как у них всё устроено. Каждый член общины – эксперт в своей сфере. Один священник, отец Алексий. Один врач, Раиса Соломоновна. Бывший спецназовец Тенгиз, на нём охрана. Слесарь-электрик Егор. Булочница Ната, она же распоряжается продуктовым

складом, хотя и без денег. Про деньги – это к Леониду, на нём все связи с внешним миром: торговать, меняться. В паре с ним мотается по рынкам шофёр-грузчик Пашка. Ну и с остальными примерно так же: на каждое дело свой мастер. Непривычно, потому что нет выбора. Зато и конкуренции нет, никаких конфликтов за то самое дело.

Ася была экспертом, которого им не хватало. В общине поняли это в первый же день, хотя присматривались к этому семейству беженцев ещё неделю, прежде чем предложить им остаться. Ася тоже присматривалась, со смехом рассказывала, что эта «секта хипстеров» ни хрена не умеет выращивать, как они вообще тут выжили, прикинь, вчера одна барышня-крестьянка спросила, чем лучше обогревать теплицу, и прямо вспыхнула, когда я ответила «говном» – она не знала, представляешь?!

За эти знания вас и взяли в общину. Твоя жена-ботаник, которая в городе писала копеечные статейки про экологию, оказалась очень нужна им, чтобы правильно строить их говняные теплицы и сажать картошку на правильном склоне. А ты, крутой биржевой аналитик, нахер никому не сдался, как и твои отключенные биржи.

Вот отчего ты тихо злился всё это время, и в итоге попытался перехватить работу у Пашки. Он молодой, с машинами на ручной коробке плохо знаком. На рынок сгонять может, но с трактором управляется неуверенно. А ты решил полихачить. Ну и копайся теперь в грязных фильтрах…

Кто-то постучал по крышке капота. Он очнулся, поднял голову и увидел Асю с охапкой зелёного лука. Позади неё солнце садилось в длинную низкую тучу, и в последних лучах асины волосы вспыхнули, как огромный подсолнух. Но вот сизое крыло тучи накрыло золотистый шарик, вокруг сразу разлились кефирные сумерки. И на поле уже никого. Ничего себе! Выходит, он незаметно провозился тут полдня.

–Отличные рукавички, – улыбнулась Ася. – Вместе с бородой готовый Дед Мороз. Пожелания принимаете, дедушка?

–Да-да, завтра этот олень будет скакать как живой. Мне тут немного осталось…

–Я не про трактор, Тоша. У нас, видишь ли, ребёночек есть. И этот ребёночек отказывается жрать. С самого утра.

–Заболел?

–Нет. И с деревенскими не дрался. Наоборот, пацаны теперь спрашивают на улице, когда новый дружок выйдет.

–Что же тогда? Девочка?

–Уже теплее, Ватсон. Но всех местных красоток он буквально

на днях высмеивал, так что скорее всего…

–…оттуда?

–Ага. И пора с ним поговорить об этом. Я могла бы сама, но ты же знаешь мой грубый юмор. Батюшка до сих пор дуется за поговорку «Где трое, там и цирк». Может, у тебя аккуратней получится?

# # #

Он постучал, и не дождавшись ответа, поднялся на чердак. Сын лежал на соломенном матрасе, глядя в стену. Антон поставил тарелку с пельменями на стол, присел на край мишкиной лежанки. И тоже посмотрел на стену. Невысокая, уже на уровне полутора метров стена переходила в скошенный потолок. Обита гладкими досками, узоры на них красивые – берёза, наверное.

Но всё равно эти голые доски до сих пор непривычны. У нас в детстве всегда что-нибудь висело на стенах. Фотки, календари, схемы дронов, плакаты с панк-группами… хотя нет, это позже. Что же у нас было в мишкином возрасте? Человек-Паук? А ещё, когда паршивое настроение, можно было ковырять обои, докапываясь до холодного бетона, и после подравнивать края бумажной дырки, чтобы контур напоминал глаз или кошачью голову.

–Ходят слухи, что до тебя добрались бесы, Михась. А я думаю, ты сам до них добрался. Так?

Мишка пошевелился, но не переменил позу.

–У арабов есть сказка про пацана, который подружился с демоном, – продолжал Антон. – Пацан нашёл волшебную лампу, потёр её, ну и демон оттуда вылез. И стал исполнять желания. Пацана звали Алладин, но в остальном тут много неточностей. Тереть лампу необязательно, достаточно прикоснуться. И подумать о том, чего хочется.

Мишка не верил своим ушам. Те же слова! Он резко обернулся и увидел, как отец вынимает из кармана фуфайки круглую штуковину голубого цвета. Странное блюдце легло на край матраса, рядом с мишкиной рукой.

Рука не удержалась. Антон внимательно наблюдал, как прикоснувшийся к блюдцу сын замирает, уставившись в пространство. Через несколько секунд Мишка вздрогнул:

–Где…? Почему меня выкинуло?!

И не успел отец даже рта открыть, как он с жаром выкрикнул новый вопрос:

–Ты можешь найти любого демона?!

Надо же, какой шустрый, удивился Антон. А ты мучился, не зная, как перейти на язык, понятный ребёнку. Ведь не скажешь ему, что он подключился через сенсорный нейроинтерфейс к глобальному сетевому интеллекту, который в целом давно свихнулся, но некоторые фичи ещё работают; например, этот терминал настроен на конкретного юзера, поэтому сессия была прервана из-за несовпадения биометрик. И вот ты пытаешься найти простенькие аналогии, чтоб на пальцах объяснить – а ему совсем не то нужно. Он и так сориентировался. И уже задаёт правильные вопросы.

–Давай считать, что это особый сказочный мир, у которого свои законы. – Антон убрал гаджет в карман, отметив, как Мишка следит за перемещением голубого блюдца. – Некоторые законы мы знаем. Как тот Алладин, который узнал, что демон может выполнять желания. Но после этого пацан слишком увлёкся своими желаниями, стал обманывать родных… Так и потерял контроль над лампой.

Мишка снова уставился на узоры берёзовой доски. Значит, всё верно Ася угадала.

–Мать говорит, ты отказываешься ужинать. И фрукты из теплицы, что она тебе давала в школу – ты их тоже не ел. Обменял, да? Что там у тебя: сига, клипса, брас?

Мишка молча вытащил из-под матраса короткую белую трубку и положил перед отцом.

–Сколько работала?

–Три дня…

–Ну, даже за три дня можно многое успеть. Как её зовут?

Сын покраснел, но тут же смело вздёрнул подбородок:

–Мичико.

–И ты не спросил, где она живёт?

–Спросил, но забыл. Вроде на «Ки» начинается.

Мишка вздохнул, припоминая, как три дня назад у него перед глазами вместо тихой речки и залитого солнцем гречишного поля вдруг появился тот мрачный город-призрак. Небоскрёбы с чёрными дырами выбитых окон, словно брошенные пчельники. Огромная гусеница поезда, переломившись посередине, свисает с монорельса над шоссе, а само шоссе до горизонта забито неподвижными жуками пустых автомобилей. И среди этого мёртвого города под дождём – прекрасные светящиеся цветы, которые рисует на стенах худенькая девчонка в белом респираторе.

–Может, Токио? – подсказал Антон.

–Да, точно!

Мишка открыл глаза и увидел, как отец записывает что-то в блокнот.

–Чем она занимается?

–Я не знаю, как это назвать… У ней такая раздвижная палка, на палке баллончик с краской, чтобы рисовать высоко на стене.

–Ясно, граффити. И сколько народу было в вашей арт-группе?

–Нисколько. Она одна.

–Даже так! И всего через три дня – обрыв связи?

–Да, хотя мне говорили, что такой сиги на месяц хватает. Ты можешь её найти, пап?

Он показал на карман отцовской фуфайки, где лежало блюдце. Антон отложил блокнот.

–Было бы круче, если бы ты сам её нашёл.

–Как?! У меня больше нет…

–А ты не думал, что можешь сам сделать такую штуку?

Мишкины брови полезли на лоб. Что это с отцом сегодня? Рассказывает странные сказки, показывает запрещённое блюдце с демонами. А потом ещё и предлагает самому… Может, он заболел? Или…

Здесь, в общине, никогда не было пьяных. Но в большом городе, где они жили раньше, Мишке доводилось видеть взрослых, которые странно двигаются и несут какой-то бред. Однажды, когда ему было лет пять, мама на улице вырубила одного такого мужика своей сумочкой с электрошокером. А потом объяснила испуганному Мишке, что некоторые люди отравляют себе мозги и теряют контроль, поэтому им лучше поспать. Может, и отцу стоит отдохнуть? Он целый день трактор ремонтировал, надышался дымом…

–Да-да, я знаю, что вам в школе отец Алексий рассказывает. – Антон заметил испуг сына и решил сбавить обороты. – В целом батюшка прав, с демонами шутить не стоит. Но если ты, Мишаня, хочешь найти свою подругу, ты должен разобраться, как оно работает. А для этого надо учиться. Математикой я сам с тобой позанимаюсь. Биология – с мамой. А про всякие устройства лучше знает Егор Александрович, который у вас в школе ведёт…

–Ничего он не знает! – перебил Мишка. – Мы его сто раз просили рассказать, как сделать радио. А он в ответ опять про бесов! И разрешает только подсвечники вытачивать на токарном. А когда Серый хотел лампочку от фонарика приделать к своему змею, чтобы ночью запускать, так Егорсаныч чуть не сломал ему змея.

Есть такая проблема, мысленно согласился Антон. Он столкнулся с этим уже на второй день в общине. На реке у них

плотина с генератором, который даёт ток станкам в мастерских, насосам, водогрею и радиостанции. Но в жилые дома электричество не проводят. Когда Антон спросил об этом Егора, тот начал нести какую-то ахинею – мол, нельзя живых людей окружать электрическим контуром. Впрочем, как бывший инженер, Егор наверняка и сам понимал, что это чушь, а потому сослался на отца Алексия, которому подчиняется вся община. Видимо, запрет на изучение радио связан с той же «демонической» сущностью всех гаджетов, которые здесь запрещены.

–Слушай, а вот если… – Антон замялся, понимая, что Мишка опять посмотрит на него, как на пьяного. – Если ученик вставит в токарный станок неотёсанное бревно?

–Ха, ему сразу в лобешник прилетит! Это на первом уроке рассказывали. Может, даже станок сломается.

–А что будет после того, как станок сломается?

–Ну, Егорсаныч будет чинить.

–И это можно посмотреть, верно? Особенно если ему намекнуть, что кто-то ещё должен уметь станки чинить. Вдруг Егорсанычу тоже в лобешник прилетит. Кто же будет его делами заниматься, если он никого не научит?

–Блин, пап, ты очень странный сегодня. Но я заценил идею, да. Только лучше не бревно, а…

–Тише, тише. Я тебе ничего не говорил.

–Усёк. Могила.

Мишка вскочил, схватил со стола тарелку и принялся наворачивать пельмени. Он даже забыл сесть. Глаза его горели, в голове разворачивались планы. Гораздо круче тех, что придумывает Серый. Но друзья тоже нужны, тут одному не справиться.

# # #

Говорят, решение любой глобальной проблемы начинается с локальных действий. Стикеры ещё такие были: Think globally, act locally. Звучит красиво, а всё равно чушь, думал Антон, спустившись с чердака.

Вот, кажется, всех задел этот катаклизм, когда свихнулся не только Синет, но и большинство компьютерных устройств по всему миру. Однако на локальном уровне у каждого свои заморочки. У кого-то затопленные канализацией дома, вставшие заводы и падающие самолёты. А у Мишки вон – первая любовь. А у тебя, смешно признаться, подушка. И трактор этот несчастный.

После разговора с сыном он планировал вернуться к ремонту.

Но за окном уже стемнело, сажать аккумулятор не хотелось. Решил лечь пораньше, чтобы с рассветом сразу заняться. Тут его и подкараулила местная подушка, бесформенный мешок с соломой, от которого по утрам болит шея, будто всю ночь брёвна таскал.

А как здорово спалось дома на умной подушке-трансформере, которая чутко реагирует на все твои движения и фазы сна – становится выше и жёстче, когда поворачиваешься на бок, или прохладно растекается под щекой, когда ложишься на живот… Эх, светлое прошлое!

Он перевернулся на спину, помотал головой туда-сюда, пытаясь настроить под себя этот сноп в наволочке. А может, и хорошо, что у каждого свои заморочки. Для некоторых всё-таки находится то, чего им не хватало. Асе вот повезло. Или она специально назвала, что попроще, когда они обсуждали, чего недостаёт в этой новой жизни. Только из вещей, конечно – по молчаливому согласию, они почти не говорили о потерянных людях, с того самого дня, как им удалось выехать из города. А из вещей того мира – хочется посмотреть смешное кино, сказала она.

Он удивился. Думал, она назовёт свою лабу в институте. Или научные архивы Синета. Или безбашенные проекты вроде «Посева», о котором он сначала узнал из новостей, и лишь потом от жены. Невозможно забыть, каким будничным тоном за утренним кофе она призналась ему, что тоже участвовала в подготовке этого «вопиющего акта космического экотерроризма». Вообще-то мы не планировали захватывать чужую станцию, говорила она, намазывая масло на круассан. Мы хотели открыто запустить собственный марсоход с микроорганизмами, в рамках официальной исследовательской программы – но этим бюрократам кто-то вбил в голову, что ничего живого нельзя заносить с Земли на другие планеты. А почему? Картошку из Америки в Европу привезли, так почему нельзя грибы и водоросли на Марс забросить? В общем, нам пришлось внедрить пару девочек в компанию Маска, ну и хакнули там кое-что, дальше ты видел в новостях.

Но в общине Ася ни о чём таком не вспоминала. А про её желание посмотреть кино Антон рассказал Леониду, когда тот спросил, когда у жены день рождения. Как человек, отвечающий за внешние покупки, Леонид отвечал и за подарки – и через месяц у Аси появился старинный видеомагнитофон, плюс целый ящик VHS-кассет с итальянскими и французскими лентами прошлого века. Правда, смотреть их можно было только в трапезной, где была розетка, отчего просмотры всегда получались коллективными. Но это только укрепило статус Аси в общине, и

даже отец Алексий заходил, чтобы посмеяться над выходками Бельмондо и Челентано. А ты спи дальше на соломе, тракторист…

–Тош, ты тут?

Жена тихо вошла в спальню, но убедившись, что он не спит, тут же превратилась в хулиганистую Пеппи Длинныйчулок: подпрыгнула и плюхнулась на кровать рядом с ним.

–Обдумываю методы экстремальной педагогики, – пробурчал он.

–Да ладно, колись. Ты ничего Мишке не рассказал, да? Ни одной сектантской страшилки не разоблачил?

–Вообще-то именно ты предложила отдать его в вальдорфскую школу, где гаджеты запрещены, – парировал Антон. Но увидев, как гневно она поднялась на локтях, добавил: – …И благодаря этому наш парень отлично сошёлся с местными детишками.

–Не путай мягкое с тёплым! В той школе никого не пугали демонами! Чего ты лыбишься?

–Да про «тёплое и мягкое»… Ты как раз такими словами мне доказывала, что ребёнка нужно держать подальше от всякой виртуальности. Потому что базовые когнитивные категории формируются на основе мультимодальных сенсорных впечатлений детства, это даже в языке остаётся: «жёсткие переговоры», «тёплая встреча». А если взаимодействие с реальным миром ограничено… Помнишь, мы ещё спорили, будет ли человек способен на «крепкую дружбу», если у него в жизни не было настоящей оборванной верёвки, а были только виртуальные суррогаты опыта, вроде игровых приставок да сериалов.

–И при чём тут демоны?

–Тоже базовая категория. Маркирует как раз те случаи, когда чувственный опыт даёт сбой. Ну вот как ты пыталась объяснить Мишке в четыре года, что нужно делать, если радионяня маминым голосом попросит открыть входную дверь. Сказочка про Волка и Козлят помогла, да? Но когда эти фальшивки полезли из каждой говорящей табуретки, мы даже названия нормального не придумали. «Deep fake», «социальная инженерия», «вредоносный искин на основе ваших персональных данных»… А тут всё просто – демоны.

–Так-так. Тоша у нас сегодня работает адвокатом батюшки. А то, что религиозные маньяки грохнули Синет, это нормально?

–Во-первых, никто не знает, что там случилось. А во-вторых, дорогой кандидат бионаук, я сейчас скажу тебе волшебное слово – ингибитор.

–Ого! Решил побить оппонента его же оружием! И что же сие заклинание означает?

–Тормоза. То, что давала религия. Когда человеку нужно было успокоиться, прийти в себя, он шёл и молился. Называй это «медитацией», «потоком», как угодно. Главное, что существовал механизм для настройки психики. Но он был сломан цифровыми сетями. Люди искали другие тормоза: психотерапия, туризм, всякие хобби. Но всё разбивалось о тотальный невроз, который создаётся тотальной связью. В любой момент у тебя в ухе зазвенит, забулькает обновлениями, и мозг опять погружается в неуверенность, в чужие страхи, в постоянные сравнения и вечный «поиск лучшего». Психика всё время в стрессе! Очевидно, маятник должен был качнуться в другую сторону. Так что даже если Синет поломали ребята вроде нашего отца Алексия, у них был серьёзный повод…

Он остановился в смущении, заметив, как она его разглядывает. С ироничным прищуром, но всё-таки с интересом. Да, он давно не говорил так живо! А ведь когда-то зацепил её именно этим. И её взгляд сейчас – точно оттуда, из первого года их жизни вместе, когда они болтали обо всём на свете, просто ради спора выдумывая всякие завиральные теории.

–Красиво загнул. – Она протянула руку и взлохматила ему волосы. – Ингибиторы и вправду нужны. Но последний пример неудачный. Местное сарафанное радио доносит, что у батюшки тоже есть своя тарелочка с яблочком. Говорят даже, будто его небесное братство трижды распадалось и трижды восстанавливалось. Но в конце концов и этот горшочек перестал варить. Как у всех.

Она положила голову на соломенную подушку. Он знал, о чём она думает. «Как у всех». Её последняя группа продержалась два месяца. Знатоки агротехнологий, они быстро сошлись на идее собственного поселения и не тратились на пустые разговоры, которые всё чаще возникают в новых сетевых кластерах, когда люди знают, что связь может прерваться в любой момент и навсегда. Раньше-то все рассчитывали на продолжение: с каждым днём рассказываем о себе чуть больше, строим репутацию и доверие, и лишь потом – совместные действия. Хотя даже нормальная связь тут не гарантия, есть ещё куча преград, от государственных границ до личной стыдливости. А уж если и связь рвётся непредсказуемо – какие тут общие планы? Остаётся только воспринимать эти временные контакты как развлекуху безо всякого будущего.

Но в последней группе Аси собрались люди, которые верили

в общее дело, даже под угрозой распада кластера. И оттого перенести распад было ещё тяжелей. Начав с обмена огородными советами, они за два месяца создали сетевой аналог местной общины, но без религиозного бреда, и уже почти договорились о месте будущего поселения, где-то под Новосибирском – хотя это было непросто без привычных электронных карт и новостей о том, что вообще происходит в том регионе. Когда Ася вернулась из теплицы и обнаружила, что её планшет больше не отвечает, она плакала до самого утра.

После этого Антон и начал своё исследование, занося в блокнот параметры всех известных ему случаев возникновения и распада сетевых кластеров. Сначала просто хотел помочь Асе, но вскоре понял: такой разминки мозга не хватало ему самому. Он ведь и раньше этим спасался, поисками невидимого порядка. И даже смешил этим студенток Вышки, когда на лекциях спрашивали, что привело его в профессию: «Если в детстве вы много гуляли по городским помойкам, высматривая что-нибудь необычное в кучах мусора, из вас точно получится биржевой аналитик».

Так он высматривал и теперь, искал не замеченные никем закономерности. И с ростом таблицы крепла уверенность – разрывы связи неслучайны. Пару раз даже казалось, что виден общий паттерн, но опыт брокера не давал обмануться: пока это лишь сомнительные корреляции, слишком маленькая выборка. Вот и история с Мишкой – наглядный контрпример. Кластеры из двух человек обычно существуют дольше, чем большая группа. Так было во всех известных ему случаях… до сего дня.

–Слушай, Аська! А твоё сарафанное радио может уточнить, что за группа был у батюшки? Сколько народу, откуда? Насчёт тройного восстановления – явная брехня. Скорее всего, отец Алексий сам прихвастнул.

–Ой, что это мы слышим, господа присяжные? – Ася подняла голову, и он увидел, как во тьме блеснули её зубы. – Адвокат батюшки превратился в обвинителя! Да, таким ты мне больше нравишься. Ладно, побуду твоим шпионом ради науки. Только учти, батюшка у них – настоящая звезда рок-н-ролла. Местные кумушки сами готовы про него сочинять небылицы. Поэтому за точность данных не ручаюсь. Знал бы ты, как они перевирают его проповедь о непристойных позах! При каждом пересказе две-три новые позы появляются, да такие затейливые…

Она перевернулась на бок и вильнула бёдрами так, что вся аналитика тут же вылетела у него из головы.

# # #

Обычно он засыпал первым, но этот день продолжал разбивать шаблоны. Ася уже посапывала у него на плече, а он всё смотрел в бревенчатый потолок, размышляя о сказках и прочей как-бы-полезной неправде.

Торговые кластеры росли и лопались быстрее других. В них тоже хватало хаоса, но в целом они были примитивны: спрос и предложение как основа для связи, нужно лишь успеть до разрыва обменяться физическими контактами с подходящим партнёром. В этой динамике новых рынков немного разбирался Леонид, он же открыл Антону ценный побочный эффект: через спонтанные торговые кластеры распространяются новости. Специфические, конечно – о том, что и где покупают. Но из этих новостей можно вывести и другие.

Именно так Антон узнал то, чего не могла узнать Ася через свой потухший планшет, который она повесила между тремя гвоздями над умывальником, и каждое утро расчёсывалась перед ним, приговаривая «Мрак мой зеркальце, скажи!». Но чёрное стекло не могло поведать ей, что её последняя группа не распалась, что они всё-таки успели передать адрес места встречи тем, кто был на связи перед самым разрывом. И они действительно съехались. И судя по идущим оттуда закупкам, теперь они выращивают там какой-то невероятный город-сад, город-лес, город будущего.

А он до сих пор не решил, сказать ей об этом или нет.

# # #

–Доброе утро, Антон Михалыч. Извини, дело срочное. У тебя трактор на ходу?

Он нехотя вышел на стылый двор, ещё толком не проснувшись, но острый взгляд из-под густых бровей Тенгиза вмиг отрезвил его.

–Нет, в ремонте. Там проблема с топливным насосом.

Суровый Тенгиз обернулся к Пашке, который пришёл вместе с ним.

–А я давно говорил Лёне… – пробормотал Пашка.

–Плохо, – резюмировал Тенгиз. – Гоните тогда грузовик с прицепом к мосту. – Он сбежал с крыльца, у калитки обернулся: – А ты, Антон Михалыч, ствол возьми с собой.

Откуда знаешь, хотел крикнуть Антон, но передумал. Тот, кто отвечает за безопасность общины, конечно должен знать, что притащили приезжие. Да и вообще радуйся, что тебя позвали –

значит, ты уже не «приезжий». Прошлый-то раз не звали. Среди ночи их с Асей и Мишкой разбудили выстрелы и рёв двигателей, но когда они выбежали на улицу, всё уже стихло, а проходивший мимо батюшка сказал, что волноваться не о чем. Только утром в трапезной узнали: банда каких-то отморозков на мотоциклах хотела прорваться в деревню.

На этот раз, по словам Пашки, едут бесы посерьёзней, уже прошли пост на повороте с трассы, наплевав на шлагбаум и знаки. Хорошо у нас там дозорный сидит, вызвали по радио полицию, да только они не успеют. А после тех байкеров Тенгиз поставил на мосту бетонное заграждение, но стало неудобно своим же выезжать на поля да на рынок, и поскольку никаких чужаков давно не было, блоки с моста использовали для ремонта плотины. Тенгиз ругался, но батюшка прочёл проповедь о том, как вредно жить в страхе, и тему замяли. А теперь, вишь, надо срочно перегородить…

Когда они подогнали грузовик к мосту, уже светало. На берегу собралось около десятка мужиков. Антон заметил пару «калашей», «сайгу», ещё три-четыре незнакомых карабина. Да уж, это посолидней будет, чем твоя карманная «пчёлка».

Тенгиз показал, как поставить грузовик и прицеп, после отправил две группы держать на мушке мост с обеих сторон, и обсуждал теперь с Егором какие-то пиропатроны.

Неспешно подошёл отец Алексий, что-то бормоча себе под нос. Молитва? Но когда батюшка остановился рядом, стали слышны слова: «В эту ночь ре-шили саму-раи…» Оборвав песню, он с улыбкой выслушал доклад Тенгиза.

–Может, лучше я к ним пойду, Алексей Иваныч? – спросил тот.

–Ты здесь больше нужен, дорогой. Не беспокойся, мы все в руке Божьей. Да и Павел с Антоном покараулят. А если что серьёзное, дам тебе знать сразу.

Рация на плече Тенгиза зашуршала, донося перекличку постов. После этого он объяснил, что делать Антону и Пашке. Инструкция в основном касалась того, по какому сигналу и куда отходить, чтобы не напороться на свою же взрывчатку – если приезжие всё-таки решатся форсировать.

Недолго пришлось им вглядываться в лес на той стороне реки. Вот показались машины – одна, вторая… всего три. Хорошая группа для дальнего пробега, подумал Антон. Повезло нам тогда, что не поехали из города вместе с руководством банка. Корпоративному конвою обещали охрану и прочие бонусы, но на практике вышло иначе. Одинокие машины беженцев, даже пары-тройки машин ещё пускали в такие вот деревни, но любой

большой конвой встречали враждебно, словно это уже не отдельные люди, а ядовитый обломок города, несущий лишь обман и разорение.

Машины подкатили к берегу. Нет, не беженцы: чёрные бронированные джипы. Из переднего выскочили двое в камуфляже, с короткими автоматами. Каждый подошёл к мосту со своей стороны.

Ещё один человек в пятнистом плаще выбрался из второго джипа, постоял у открытой дверцы, прислушиваясь к кому-то в машине. Потом махнул рукой и пошёл на мост, заметно хромая.

Отец Алексий шёл навстречу со своего берега. На середине моста они пожали друг другу руки и говорили минут десять. Хромой протянул батюшке какую-то бумагу. Тот кивнул и вернулся к грузовику, где ждали Антон и Пашка.

–Всё в порядке, – сказал батюшка. – К нам не поедут.

Он вынул рацию и передал то же самое Тенгизу.

–Да уж, нечего паразитов кормить! – Пашка сплюнул в сторону моста.

Отец Алексий покачал головой.

–Наоборот, я предлагал ему остаться. Очень хороший врач. Вот вы, Пал Петрович, удрали из столицы во время последней эпидемии. А он остался. И ликвидировал ту эпидемию.

–Да ну! – Пашка недоверчиво глядел, как ковыляет к своим хромой. – Врачи на таких утюгах не катаются…

–А-а, это ему чин пожаловали, когда он на президента начихал.

Батюшка усмехнулся, наслаждаясь эффектом: теперь уже и Антон открыл рот от удивления.

–Как это?

Отец Алексий присел на подножку грузовика. И сразу оговорился, что узнал эту историю «через третьи руки», сам не видел. Но рассказывают так. Старик этот, руководитель медицинского института, во время эпидемии создал вакцину. То бишь ослабленную версию заразы, вроде лёгкой простуды, какая за четыре дня проходит. Однако народ уже устал от фальшивых вакцин, которые ни от чего не спасали. И никто уже не верил в прививки, даже «наверху». Тогда наш доктор сам заразился своей прививочной простудой, и пошёл к президенту вместе с другими медиками, чтобы давать отчёт по эпидемиологической ситуации в стране. И только президент спрашивает – «Разъясните эту цифру!», а наш доктор сразу к ему – «Я подскажу!». И вмиг оказался подле первого лица. Да так, говорят, мощно чихнул в то лицо, что с президента аж маска слетела. Чуть не грохнули доктора на месте, ногу повредили. Но главный не велел казнить,

любопытно ему стало, отчего такая смелость. И точно: четыре дня в соплях посидел, и все нужные антитела появились. За это доктора и произвели в замминистры.

–Что же он теперь уехал? – спросил Антон.

–Да там один Исламабад остался! – воскликнул Пашка.

Батюшка снова посмотрел на него с укором.

–Вы, Пал Петрович, зря людей судите скопом. У всякого свои нужды есть. У него родня на севере, не видел их много лет. Вот понял, что время пришло.

Он вынул карандаш и бумагу, написал несколько строк и передал Антону:

–Езжайте сейчас к Наташе, пусть выдаст вам эти продукты. И воды питьевой наберите, литров сорок. А по пути, – он протянул второй листок, – спросите у Раисы Соломоновны, какие лекарства нам взять у них в обмен.

Грузовик затарахтел, выкарабкиваясь из глинистой жижи у реки, и под этот звук Антон вспомнил, как последний раз дозвонился до своих стариков. Мобильники уже не работали, но на какой-то заправке он увидел телефон-автомат. И подумал, что на родительской даче есть проводной телефон, пижонский такой антиквариат, с наборным диском и блестящими чашечками звонка. А вдруг на АТС тоже осталась старая аппаратура, не задетая цифровой заразой?

И правда, получилось. Ответила мать, спросила про здоровье и сразу передала трубку отцу. Он тоже реагировал быстро – только лишь Антон начал говорить, что заедет за ними, как услышал «Отбой!» и другой план: они с матерью никуда не поедут, на даче всё есть, а вам делать такой крюк опасно, гоните на юго-восток, только не суйтесь на кольцевую – и дальше отец чётко, по-военному перечислил дороги, по которым ещё можно проехать.

После этого каждый раз, когда по пути встречался телефон-автомат, Антон останавливал машину и набирал тот дачный номер. Но больше дозвониться не удавалось. А свихнувшийся Синет никогда не связывает родственников, сколько бы ты о них не думал.

# # #

Ли утверждал, что их стали внедрять в начале нулевых. Технологий таких было несколько, самые известные – Intel ME и AMD PSP. На картинках, что показывал Ли, это выглядело так: помимо основного процессора, в каждом чипсете прячется

маленький паразит, дополнительный процессор с расширенными возможностями. Через этот «чёрный ход», оставленный якобы для отладки, можно получить удалённый доступ к любому, даже выключенному компу, обойти шифрование и перехватывать данные со всех внутренних устройств.

В двадцатые годы русские хакеры докопались до такого жучка в интеловских чипсетах – и рассказали всем, как его отключить. Производитель исправил ошибку: жучки стали более скрытными. Но они по-прежнему сидели во всех процессорах и внедрялись во все новые архитектуры, включая «умные вещи» и нейроморфики. И теперь избавиться от них не мог никто. Ли полагал, что именно через такую дыру был заражён Синет и почти все гаджеты, выпущенные в этом веке.

Закончив выступление, китаец хотел уже сойти с кафедры, но Флойд остановил его вопросом о том, где найти подробности. Антон поморщился: ему не нравились инквизиторские замашки британца, хотя нравился его форум.

Флойд считался профессором Оксфорда, и именно он определил интерьер этой ментальной проекции. Он неплохо придумал, поделив этот виртуальный мирок на Курилку и Лекторий. В первом помещении, похожем на лондонский паб, новичками объясняли общие вопросы – чем занимается группа и что уже удалось выяснить о Большом Разрыве; лишь после этого можно было попасть в полукруглую аудиторию со старинными деревянными скамьями, где старожилы форума делали более продвинутые доклады.

Только вот стиль общения Флойда не соответствовал образу профессора. Казалось, он всех допрашивает. Антон подозревал, что британец работает на какую-то спецслужбу. Но сегодня, после выступления Ли, ему подумалось, что спецслужбе требуется надёжная коммуникация – а где она теперь? Вероятно, агент Флойд застрял в какой-то заднице третьего мира и до сих пор не может связаться со своими. Интересно, какую компанию подбросил ему чокнутый Синет в первый раз, когда одинокий резидент пытался найти друзей через эту систему? Может, там были дети, которые любят играть в шпионов? Или писатели-детективщики? Или уборщица, выносившая документы из мусорных корзин уже лопнувшей корпорации?

То была шуточная фантазия, но после неё Антон перестал бояться Флойда – а потому прервал его вопросы, предложив свой доклад. Ли явно обрадовался, он уже устал повторять британцу, что не знает, как устроены современные жучки типа Intel ME. Знать могут только разработчики новых процессоров, но сам Ли давно покинул IT-индустрию, живёт отшельником в Тибете и

рассказывает лишь то, с чем имел дело до своего бегства от цивилизации.

Флойд вяло махнул рукой, давая добро на выступление Антона. Тот поднялся на кафедру и огляделся. Три десятка человек на старинных скамьях откровенно скучали. Многие из них не первый раз включались в подобные группы, где пытались решить загадку свихнувшегося Синета. Очевидно, доклад Ли не принёс им больших открытий, и от Антона тоже не ожидали ничего особенного.

Что ж, не будем тянуть. Он кратко изложил суть своего исследования, перечислив параметры кластеров, которые считал наиболее важными для оценки шансов на разрыв связи. Рассказал, как долго цеплялся за размер групп, пытаясь вычислить аналог «числа Данбара». Потом понял, что пороговая конфигурация кластера определяется не только этим. В частности, удалось ранжировать тематики кластеров по их вкладу в скорость распада. Географическое распределение участников тоже играет роль. Но самым интересным параметром оказалось нечто вроде «ментального расстояния» между участниками – разброс их профессий, увлечений, верований.

Ну и последний штрих: Антон взял мел и написал на доске свою формулу, показывающую вероятность распада кластера на основе упомянутых параметров.

–Разность потенциалов! – крикнул кто-то из аудитории. – И кажется, у вас ошибка в знаменателе!

–Представьтесь, пожалуйста, – сухо сказал Флойд.

Человек извинился, назвал имя и город – он был из Стокгольма. Он нервничал и заикался. Он считал, что попал в эту группу по ошибке, поскольку вообще не разбирается в процессорах, работает нейрохирургом. Но ему понравилась идея Антона о том, что глюки Синета с хаотичными кластерами – не сбой и не взлом, а некая альтернативная форма организации. Швед сравнил это с работой человеческой памяти: бывает, хочешь вспомнить имя знакомого и не можешь – но в другой раз мимолётная ассоциация цепляет особую связку нейронов и вытягивает из памяти не только нужное имя, но и ещё кучу деталей. А что касается последнего параметра, то формулу Антона стоит поправить вот так…

Нервный швед сбежал к доске, схватил тряпку и мел. Запись на доске стала меняться.

В следующий миг всё вокруг полыхнуло, и словно бы тонкая оболочка слетела со всех предметов. Лица людей расплылись в радужные капли, а стены Лектория стали прозрачными, обнажив пористую арматуру, вся она шевелилась и переливалась, будто

кто-то сжимает огромную губку, выдавливая те самые капли, но и губка местами распадается на огромные снежинки, они корчатся и опять сцепляются вокруг радужных клякс, словно муравьи-мутанты залепляют своими ломкими телами входы в кристаллический муравейник, чтобы не дать просочиться дождевой воде, хотя обычная вода не растекается такими вычурными арабесками, это больше похоже на нити грибницы…

Показать бы Асе, успел подумать Антон, но видение уже погасло, и у него перед глазами снова чернела деревянная стена дома. Рядом на соломенной подушке – блокнот и вырубившееся блюдце.

Он улыбнулся, глянул в таблицу. Да, сработало. Кластер был на пределе, и ему удалось спровоцировать разрыв: специально сделал ошибку в знаменателе. И швед был прав насчёт этого параметра. Разность потенциалов, информационный ток. Активный мыслительный процесс. Только в данном случае – коллективный.

Антропологи так и не договорились о том, почему эволюция человеческого мозга прекратилась около пятидесяти тысяч лет назад. Мозги вымерших неандертальцев были даже крупней. Но сапиенсы лучше действовали группами, и это подсказывает, что эволюция разума не остановилась, она лишь включила распараллеливание на новом уровне. Как нейроны образуют сеть в мозге, так и сам мозг становится узлом разнообразных сетей-коллективов, связанных множеством отношений. Язык тела и традиции предков, стадные инстинкты и духовная близость, жажда наживы и поиск новизны – мы даже не осознаём, сколько ещё разных видов связи используется в живом конструкторе наших социумов.

Но если связи строит машина, если вся многомерность человеческих отношений и чувств схлопывается до строчки в цифровой базе, где вписано несколько примитивных параметров… Сошлись бы в таком мире Д'Артаньян и три мушкетёра?

Едва ли. Ведь их дружба началась с оскорблений и вызовов на дуэль – а боты социальных сетей научились блокировать такое поведение ещё лет двадцать назад. В те же годы разворачивались и другие механизмы автоматической фильтрации, со своими странностями: у кого-то интересная ссылка перестала открываться, или важное письмо не дошло до адресата, перекинутое роботом в папку «спам»…

С тех пор сетевой интеллект развился ещё сильней. Да, формально это машинное обучение происходило под контролем людей. Но что может увидеть человек, всматриваясь в бездну из

миллионов весовых коэффициентов нейросети? Всё равно что смотреть в глаза сторожевого пса, у которого давно сменился и хозяин, и дом, но остался вбитый дрессировками рефлекс, заставляющий бросаться на незнакомцев в синей одежде.

И что ещё хуже, люди тоже учатся у машин. И начинают верить в те характеристики человека, которые удобнее для машинного анализа. Предмет контроля незаметно превращается в объект поклонения.

А значит, Синет даже не нужно было ломать. Он мог сам дойти до той формулы, что вырубает сетевые кластеры при определённом росте «социального напряжения». Однако теперь, когда этот механизм прояснился и таблица в твоём блокноте обрела смысл, можно всё исправить. Только достать новое блюдце и создать новую группу с более чёткой задачей.

Или не создавать. Он почувствовал, как накатывает апатия. Такое бывало и раньше – когда решение найдено, и вроде надо радоваться, но вдруг оказывается, что вся радость осталась позади: в поиске, в предвкушении догадки, в самом моменте первого написания красивой формулы, в том, как ты показываешь её другим. Теперь всё это казалось пустой и чужой игрой, словно скинул тяжёлую ношу, но тем же движением случайно уронил театральные декорации, и в получившейся дыре увидел другой мир, где всё сделанное совершенно неважно.

В доме было тихо, Ася и Мишка давно спали. Он вышел на двор, но и тут его поразила тишина – наверное, по контрасту с той гулкой виртуальной аудиторией. И ещё там было слишком светло, а здесь он с удовольствием погрузился в темноту деревенской ночи, словно в шерсть огромной кошки.

Когда глаза привыкли, стало видно, что темнота неоднородна. Над чёрной кромкой леса синеет небо с комчатой бороздой облаков, и в этой перевёрнутой пашне торчит одинокая репка церковного купола. А внизу, в одном из домов, горит лампа. Кажется, в трапезной.

Он пошёл на огонёк, размышляя о том, какой странной была его жизнь, если посчитать, столько времени тратил он на общение с далёкими цифровыми сущностями, с людьми-картинками, людьми-текстами – и как плохо контачил с теми живыми, кто рядом. Вот и в трапезную по вечерам никогда не заходил, хотя знал, что там собираются те, кому не спится. Занимаются рукоделием, играют в настольные игры или просто болтают за чаем на открытой веранде. Иногда поют под гитару или смотрят старое кино на асином видаке.

Он и в этот раз почти уже прошёл мимо, ругая себя за вечную нелюдимость. Но басовитый голос отца Алексия остановил его:

–Доброй ночи, Антон Михалыч. Поиграете с нами?

Антон шагнул к веранде, глянул внутрь сквозь резную решётку. Мужики сидят вокруг стола и по очереди выкладывают чёрные костяшки с белыми точками, присоединяя их к уже собранному зигзагу. Словно выстраивают какое-то созвездие.

–Простите, я не знаю этой игры.

–Да бросьте, это ж не теорема Карди-Смирнова. Банальный теорвер, первый курс. Готов спорить, вы за пять минут разберётесь и всех нас уделаете.

–Ладно, давайте попробуем.

Он поднялся на веранду и сел на табурет между батюшкой и Леонидом.

–Пашка говорит, топливный насос полетел? – тихо спросил Леонид. – Напиши спеки, подгоню новый с рынка. Или вместе поехали завтра.

–Потерпит ваша картоха, куда денется! – сидящий напротив Тенгиз подмигнул Антону, взмахнув лохматой бровью так, что этот секретный жест можно было увидеть с другой стороны улицы. – Завтра лучше на рыбалку, а? Отличное место покажу, вот такенные лещи!

# # #

Дрожащий луч фонарика выхватил из темноты широкую столешницу верстака, потом токарный станок, и пробежав по полу мастерской, остановился на дверце шкафа, где Егорсаныч запирал особо ценные расходники и инструменты.

–Долго ещё, Серый?

–Свет держи нормально, не вижу ни хера. Ай!

Что-то хрустнуло, но шкаф так и не открылся. Зато в замке торчал обломок ключа. Мишка опустил пятно света на пол.

–Не ссы, всё равно откроем. – Серый обошёл шкаф с одной стороны, потом с другой. – Саня, дай отвёртку. И ещё что-нибудь тонкое… вон там железная линейка на верстаке. Мих, посвети!

Но Мишке уже не хотелось светить. Сегодняшний план как-то сразу не заладился. Сначала отец долго не ложился спать, он вообще повадился торчать допоздна в трапезной. Серый уверял, будто все люди, попадая в общину, с некоторого времени начинают читать мысли друг друга. А может, у них просто мысли становятся одинаковые? Вот и отец – раньше не особо дружил с местными, а теперь каждый вечер играет с ними в какие-то тупые настолки. И не удерёшь никуда, пока он там.

А хоть и удрал, толку-то? Шкаф не открывается, да ещё поддельный ключ сломали в замке. Завтра Егорсаныч сразу

поймёт…

Он вздохнул, поднял фонарик – и увидел чудо. Серый, точно фокусник, вдруг снял с петель всю дверь шкафа вместе с замком. Из шкафа пахнуло канифолью, и Мишка почувствовал, как к нему возвращается боевое настроение.

С этим запахом паяльной смолы была похожая история. Первая схема, которую он собрал самостоятельно. Долго добывал нужные детали, возился с пайкой, потом наматывал на ферритовый стержень тонкую медную проволоку, аккуратно подгоняя виток к витку, а после, чтобы не размоталось, заливал эту самодельную антенну воском от свечки, которую стащил в церкви. Наконец, когда всё было готово, подцепил провода на клеммы батареи… и ничего не произошло. Приёмник не работал. Ни перемещение антенны, ни кручение подстроечного конденсатора – ничего не помогало. И прямо как сегодня, навалилась такая тоска, что хотелось швырнуть эту мёртвую схему об стену и отказаться от всех дурацких планов. Но сдержался, не швырнул. А вместо этого медленно, как во сне, потрогал и слегка покачал каждую деталь, одну за одной, проверяя контакт. И когда коснулся шляпки последнего транзистора, случилось чудо – динамик вдруг затрещал, и сквозь треск полилась музыка…

–Чё стоишь-то, Миха? Всё открыто!

Мишка очнулся, бросился к полкам шкафа:

–Так, паяльник и вольтметр есть. Блок питания и вот эти провода тоже берём. А разъёмы тут разные… Саня, ну-ка покажь, какие у нас материнки.

И теперь уже Серому пришлось держать фонарь, наблюдая, как из саниного рюкзака появляются тонкие досточки с детальками и блестящими дорожками на обороте – точно черви-короеды оставили следы на старом дереве. Он уже видел такие, когда помогал Мишке немного поломать радиостанцию, чтобы раскрутить Егорсаныча на уроки по электронике.

Сам Серый на тех уроках мало чего запомнил. Ему только вначале понравилось, когда учились пользоваться рациями – это был хороший повод напроситься к Тенгизу в дозорные, о чём Серый давно мечтал. Но Мишка и Саня увлеклись этими электронными схемами не на шутку, так что Серому пришлось ходить с ними и дальше, за компанию.

Видя такой интерес учеников, Егорсаныч даже поведал им по секрету, что все устройства, которые в общине запрещены, на самом деле не опасны. Опасно было соединять их в такую сеть, которую легко взять под контроль, что и сделали демоны. А вот если бы сеть иначе строилась… скажем, у каждого своя

радиостанция, как у нас, и все друг с другом связываются, но нет единого центра, через который можно всех сразу атаковать…

Эта идея особенно зацепила Саню. Его батя, дядя Лёня, часто мотался по рынкам, и ему было бы здорово договариваться о сделках заранее. Саня рассказывал, что батя время от времени использует блюдце, где ловится старая сеть, та самая, которая с демонами и вечно глючит. А иногда дядя Лёня с Егорсанычем искали продавцов и покупателей по радио, но тут были свои заморочки: приходилось вручную сканировать эфир, где разные психи вопили что попало, да и дядя Лёня должен был много раз повторять в микрофон, кто он такой и чего он ищет. Вот если бы это как-то автоматизировать…

Саня добыл одну штуку, которая подключалась к радиостанции и могла сама говорить с другими станциями на каком-то особом языке светящихся значков. Как это поможет в рыночных делах, Серый вообще не втыкал. Однако Саня уверял его, что они с Мишкой вот-вот научатся расшифровывать эти загадочные значки на маленьком экранчике, и тогда всё будет отлично.

А сегодня они решили совсем дикую вещь замутить. Давний мишкин план, он носился с этим с тех самых пор, как попробовал сигу и увидал там какую-то тёлку, а потом его выкинуло. По словам Мишки, она живёт так далеко, что не достать через местные радиостанции. Поэтому надо подключиться к старой спутниковой сети, которая постоянно глючит и сжигает приёмные устройства, когда ей вздумается.

Серый был не против такого эксперимента, он и сам хотел бы снова добраться до тех бесов, что строят мотодельты. Но барахло, вытащенное на свет из саниного рюкзака, выглядело совсем отстойно. Какие-то обломки со свалки.

–Да тут ни одной нормальной штуки… – наконец выразил свои чувства Серый.

–Как заказывали. – Саня положил на верстак последнюю плату, сдув с неё большой клок пыли. – Кстати, тот перец, у которого я брал, тоже удивлялся, что мы такое старьё ищем. Он говорит, у него есть и блюдца дохлые, и брасы, и даже какой-то кокошник, типа игрового шлема с тродами. Жаль, я с ним не успел потереть. Батя сделал все закупки, пришлось уехать с рынка. Но я вот чего просёк: мы могли бы и другие штуки чинить! Прикиньте, кучу дохлых берём подешёвке, а потом…

–В новых штуках ни черта не разберёшь без микроскопа, – перебил Мишка. – Нам бы хоть это старьё запустить. Неизвестно ещё, добьёт ли антенна до спутника. В общем, так. Основную часть собираем здесь, потом идём в трапезную.

–Зачем в трапезную? – удивился Серый. – Я думал, у нас на быке спрячем.

Мишка покачал головой.

–Нам монитор нужен. Ну, тот телевизор, на котором они кино смотрят.

–А-а, понял.

Но Серого мучило ещё кое-что. Он с сомнением оглядывал платы, разложенные на верстаке.

–Слышь, Миха, а к чему тут прикасаться надо будет, чтобы заработало? К этим короедам? Или прямо к монитору?

–Блин-блин, Алладин! – Мишка схватился за голову. – Неужели забыли…

–Ничё не забыли, – сказал Саня.

Потом сунул руку в рюкзак и выложил на стол пыльную клавиатуру.

Город невест

Дом стоял на холме, и любого, кто направлялся к ферме, было видно издалека. Когда глайдер пересёк кукурузное поле и полетел вдоль берега озера, сидевший на веранде темнокожий старик хотел было встать, но закашлялся и вновь опустился в кресло. Зато рыжий пёс, спавший у ног хозяина, вскочил и зарычал.

–Оставь, Джим, это свои, – сказал старик.

Из дома вышла женщина и поставила перед стариком большую кружку с чаем. Он не притронулся к кружке, но залюбовался женой. Высокая и светловолосая, она была уже немолода, однако с годами расцвела какой-то особой, нездешней красотой.

–Ты так и не ответил мне, зачем позвал их, – заговорила она с лёгким укором в голосе. – Может, лучше было через сеть пообщаться, как раньше? Ты сегодня так кашляешь, Билл…

–Именно поэтому я их позвал, дорогая. Они должны узнать то, о чём нельзя трепаться через драные сети.

Два смуглых парня в респираторах выбрались из глайдера, поднялись на крыльцо и замерли в нерешительности. Они были очень похожи, разве что один покрупней, а другой в очках.

–Чего застыли? – гаркнул старик. – Снимайте намордники, жертвы пропаганды.

–Билл, перестань! – Его жена сделала пару шагов навстречу сыновьям, но тоже остановилась. – Если им безопаснее в масках…

–Чушь! У кого лучший анализ на Т-клеточный иммунитет во всём батальоне?

–Пап, это секретная инфа, – пробормотал старший из братьев. – Откуда ты…

Но младший уже двинулся вперёд, срывая респиратор, и обнял мать. Потом взял за руку отца:

–Извини, пап. Ты прав, нам с Бобом нечего бояться. У меня анализ тоже отличный. Просто привычка ко всем этим санитарным мерам… Даже забываешь про свою особенность, как про статистическую погрешность.

–Весь этот мир держится на особенностях, Майк, – заметил старик. – Неужели этому не учат в твоём медколледже?

–Так, мальчики, быстро мыть руки! – Мать подхватила сыновей под локти. – И помогите мне принести борщ, будем обедать на веранде.

За борщом никаких скользких тем не поднимали. Но когда тарелки были убраны, Билл настойчиво заговорил о пироге, который пора уже ставить в печь. Жена, улыбнувшись, согласилась, что пора, к тому же надо и чай заварить, а вы пока поговорите по душам, раз кое-кто стесняется мамочки.

–Покурить привезли? – спросил старик, едва она скрылась в доме.

–Тебе не стоит… – начал Майк, но осёкся, увидев, как Боб протягивает отцу пачку и зажигалку.

–О, мои любимые! – Старик с удовольствием затянулся. – Вот теперь я могу поведать вам про то сумасшедшее лето, когда мы с вашей мамой…

–Пап, ты уже рассказывал сто раз, – перебил младший сын. – Она была агентом ГРУ, ты спас её от чеченской мафии, и так далее. Мы помним это всё. Ты лучше про свой последний тест расскажи. Всё-таки заразился, да? Слушай, мой научный руководитель, профессор из Мюнхена, разработал новый препарат. Экспериментальный, но шансы хорошие. Всяко лучше, чем тут сидеть и ничего не делать.

–Погоди, Майки! – Старший брат рубанул ладонью воздух. – Все эти ваши институтские теории без практики… Вот клиника Минобороны – другое дело. Наши ребята в последней заварушке отбили у китайцев такие вакцины, что твоим профессорам и не снилось. Я договорюсь, папу возьмут по моей страховке.

Старик в кресле издал какой-то булькающий звук. Сыновья подскочили, всматриваясь в лицо отца. Тот булькнул ещё раз – оказалось, он так смеётся. Потом он перевалился через подлокотник кресла и потрепал по голове своего пса.

–Посмотри-ка, Джим, какие умники у меня выросли! А вы в курсе, умники, что Джиму не делали ни одной прививки? Будь он породистый, давно бы сдох от чумки. Но он у нас дворняжка, неведомая помесь. А дворняжки живучие. Ты понял, Бобби, откуда я знаю про твои секретные анализы?

–Это очень грубо, папа, – сказал Майк.

–А я не понял… – Боб перевёл взгляд с отца на брата.

–Ладно, разжуём для сержантов. – Старик задрал вверх подбородок, словно передразнивая кого-то. – Сорок тысяч лет назад. Евразия. Неандертальцы против кроманьонцев. Кто побеждает?

–Кроманьонцы! – уверенно выпалил Боб. – Они лучше работали в коллективе. Нам полковник по тактике рассказывал.

–Ну, если даже полковник… Только у неандертальцев и кроманьонцев были враги пострашней. Давай, Майки, похвастай

мозгами.

–Это вирусы. – Младший сын поправил очки. – Бобби, наш папа хочет сказать, что когда два вида людей скрещивались, их дети-гибриды становились более стойкими к вирусам. Он намекает, что у нас с тобой есть особые гены, оттого и иммунитет хороший.

–Ну ты даёшь, пап… – Боб помрачнел. – Уже двадцать лет прошло, как твою лабораторию закрыли за расистские идеи. А ты опять?

Старик молчал, прикрыв глаза. Как будто раздумывал, продолжать ли разговор. А может, он уже теряет сознание? Братья беспокойно переглянулись, но тут их отец глубоко вздохнул и заговорил снова:

–Гены неандертальцев – лишь один пример. Были и другие случаи спасительной гибридизации. Вы правы, мою лабу закрыли за такие исследования. Как раз тем летом, когда я встретил вашу маму. Но я позвал вас не для того, чтоб вы мне впаривали фуфломицины. Вы должны узнать о настоящем лекарстве. Мамин пирог допечётся через четверть часа, так что слушайте внимательно. Да-да, я уже рассказывал, как мы с ней познакомились. Но это враньё.

–Никаких спецслужб? – усмехнулся Боб. – Я подозревал. Слишком киношная история.

–Нет, кое-что было. Мы проводили скрытое исследование для ЦРУ. У них вместе с эпидемией началась паранойя про биологическое оружие, но доказательств не было, им требовалось больше данных. Особенно когда стало ясно, что карантины не работают. В городах с жёстким локдауном люди всё равно умирают в огромных количествах, а в какой-нибудь вольной трущобе третьего мира смертность гораздо ниже. Нам дали карт-бланш на изучение таких странностей. И когда после «первой волны» открыли границы, я за лето облетел полмира, от промозглой Швеции до вонючей Индии. Везде мы перепроверяли местную статистику заражений, и параллельно с тестами собирали генетический материал. И нашли нечто удивительное. Один городок в Сибири, который не поддавался заразе. Заболевшие там были, но только приезжие. А у коренных жителей – практически стопроцентная устойчивость.

–Допустим, это правда, – мрачно кивнул Майк. – Допустим, у какого-то народа есть врождённый иммунитет. Выходит, закрытие границ только навредило? По-твоему, надо было сделать наоборот? Устроить всемирную оргию для распространения спасительных генов?

–Я не знаю, как надо было! Но знаю, какая паршивая

демография сейчас у тех, кто сильнее всех изолировался. Зато побороли расизм, ага! Именно в то лето началась такая борьба, что мы даже не успели передать наши результаты заказчикам. В Лэнгли сменилось руководство, и нам объявили, что наша расистская лаборатория закрывается. Велели прекратить все исследования и вернуться домой. А я тогда сидел в том самом городке, в русской глубинке. Ну что ж, купил билеты, упаковал аппаратуру… И на целый день остался совершенно свободен. Вышел прогуляться и думаю: а может, мне самому использовать то, что мы обнаружили? Ведь передо мной – город, который не накроет ни вторая волна, ни третья. Ну, меня-то накроет, я не здешний. Но если я найду себе девушку в этом чудесном месте, шансы наших детей на выживание будут значительно выше.

–Ох, пап… – выдохнул Боб. – Я всё понял… Ты про нас думал уже тогда! Прости, что мы тебе…

–Ни хрена ты не понял! Это был самый адский день в моей жизни! Потому что ни одна девица в том городе не хотела общаться с черножопым.

Оба сына вздрогнули, словно их ударило невидимым хлыстом.

–Знаю, сейчас нельзя так говорить. Но это было именно так. Некоторые из них даже улыбались, но всё равно смотрели на меня как на мерзкое насекомое. Их нельзя винить, у них же там чёрных вообще нет, зато снег даже летом бывает… Я вернулся к отелю уже затемно. Собирался взять в баре пузырь вискаря и надраться как следует. И вдруг увидел её, прямо у входа в отель. И влюбился с первого взгляда. Терять мне было нечего, и я тут же сделал ей предложение. А она тут же согласилась. Сказала: «За двести долларов». Просто она меня не так поняла. У неё тогда был плохой английский, ну и работа… не очень хорошая.

–А чеченская мафия? – спросил Майк. – Это была моя любимая часть в твоих сказках.

–Да, болталась там пара упырей. Не хотели отдавать ей паспорт, требовали какие-то «долги». Вот тогда я и сказал нашим спецам из группы прикрытия, что Наташа – очень ценный агент, хочет перейти на нашу сторону, надо помочь. На следующий день с упырями произошёл несчастный случай на стройке. В общем, мне удалось вывезти вашу маму в Штаты как раз перед вторым закрытием границ. Но дома возникла проблема похуже. Мой соавтор по исследованию, доктор Тайсон, тоже вернулся в Америку. Приехал к нам гости, ну и начал клеиться к вашей маме. А когда я посоветовал ему отвалить, он пригрозил мне, что расскажет прессе и про наше исследование, и про мой личный «эксперимент по гибридизации»… Видите, вон там, у озера,

лодочный сарай? Там с доктором Тайсоном произошёл несчастный случай на рыбалке.

Братья словно онемели, потрясённые услышанным. Ветер гонял рваные волны по кукурузному полю. Рыжий пёс встал и пошёл в дом.

–Джим знает, когда пирог готов, – сказал старик. – И поскольку это скорее всего будет мой последний пирог, то у меня, как у приговорённого, есть последнее желание. Хочу, чтобы иммунитет моих внуков был не хуже вашего. А для этого вы должны найти себе невест на другом конце света. Да, Майк, я видел твою Зару. Милая девушка, но её генетический профиль – увы… Я пришлю расчёты, ты поймёшь. Никаких вариантов с местными подругами. Только Сибирь. Вы должны полететь туда с матерью – у неё сестра в Иркутске, вас пустят по программе воссоединения семей. Но вам нужен не Иркутск, а тот самый городок, где ваша мать родилась. Только у неё не спрашивайте, она не любит старое ворошить. Просто запомните это название…

Он вытащил бумажный вкладыш из сигаретной пачки, написал карандашом одно слово и показал Бобу и Майку. Сыновья молча кивнули. Старик щёлкнул зажигалкой, полоска бумаги вспыхнула, пепельные хлопья взлетели к потолку. Лохматый Джим, шаркая когтями, вышел из кухни и улёгся посреди веранды. За ним шла хозяйка с пирогом.

Маза

Что мне нравится в Санкт-Петербурге – тут почти ничего не меняется уже лет сто. С утра выходишь на пробежку к заливу, а там всё такой же мокрый песок, и волны такие же медленные, и здания вдоль берега те же. Ну, дамбу немного подновили, когда море поднялось, да мост с кольцевой дорогой пошире стал. Вот и все новости, если с берега смотреть.

И даже в самом городе особых изменений не заметно. Архитектура старая, эдакий городок-музей на острове. Население по большей части пенсионного возраста, безо всякого технологического пафоса – но зато и без столичных истерик о том, «как великую страну развалили» и «кто в этом виноват». Нет, у нас люди спокойные, ближе к земле, к морю. Наверняка и в других провинциях так живут, не только на нашей окраине.

Но в тот день мне пришлось уйти с залива пораньше. И не домой, а прямо в современный мир. В основном-то я из дома работал, но тут особый случай, нужна была личная встреча в офисе. И только я поднял глайдер, только открыл присланный Кортесом документ, так сразу понял, что денёк будет непростой.

Во-первых, я не люблю на автопилоте летать. Даже поддержал в своё время законопроект о запрете беспилотников на земле – после того, как «Тесла» подавила кучу народа своими слепошарыми тачками. Хотя в воздухе места много, тут можно на время доверить управление машине, и я волей-неволей стал этим пользоваться иногда, чтоб по пути готовиться к таким вот встречам. Но недолго. Просмотрю какую-нибудь презентацию одним глазком, минут за десять – и снова штурвал в руки, чтоб навык не терять.

Однако в то утро мне прислали документ не только огромный, но и на английском. А мой английский… не для беглого чтения, скажем так. Родителей заставляли нам нём писать почти всю жизнь, но потом вслед за пандемиями начался тот самый «развал великой страны» – сначала Техас, за ним Калифорния, а там и другие побежали, наша Флорида тоже потребовала независимости, ну и английский наконец убрали отовсюду, где он был обязательным. И правильно, грубый он какой-то, будто лягухи квакают. То ли дело наш испанский, просто музыка.

Вообще-то мне этот развал даже помог устроиться. Особенно если учесть, что мой дед приплыл во Флориду с Кубы на плоту из пластиковых бутылок, и всю жизнь был счастлив тем, что его не выгнали обратно, позволили работать в автомастерской. А сын

его, мой отец, работал шофёром на мысе Канаверал, и тоже не думал куда-то выше взлетать. Хотя меня они всё-таки отправили в лётное училище.

Но после училища я не стал обычным дроноводом, как многие мои сокурсники, не вылезающие из виртуальных шлемов даже в туалете – нет, я пошёл по административной части. И вот тут последствия пандемий дали о себе знать. Что прививки не особо работали, было известно давно. Зато, как выяснилось позже, работали гены, только не у всех: население сократилось в основном за счёт бледнолицых братьев. Эмигранты из Евразии тоже не спешили к нам из-за карантинов, и на космодроме стало не хватать специалистов. Так и вышло, что я, сын простого шофёра, получил должность, о которой никто в семье и мечтать не мог.

Правда, у отца была другая версия моего взлёта. Он утверждал, что это случилось из-за скандала с кораблями Илона Маска. Мол, после того скандала набирать сотрудников в космический центр стали более надёжным способом, на основе мазы. То есть брали таких людей, которые может и не самые умники, зато честные и ответственные, с хорошей историей учёбы, работы и выплаты кредитов. И безо всяких там фантазий марсианских, куда столько денег улетело без толку.

Ну, тоже верно. К чему нам эти дальние планеты? Космодром теперь зарабатывает на запуске спутников, которые полезные дела делают. Кому связь нужна хорошая, чтоб голодрамы качать да в шутеры играть, а другим – карты для туризма, прогнозы погоды, или там наблюдение за полями для фермеров. Нормальный, честный бизнес. А в таком бизнесе без мазы никуда.

Взять хоть эту встречу, на которую мне пришлось с утра лететь в тот день. По правде говоря, там всё уже было решено и так. Тендер на поставку новых ракет-носителей автоматически выиграла компания, у которой самая высокая маза, аж семьсот с чем-то. Мне надо было лишь кое-какие формальности проверить. Как у нас шутят – подмести мусор за искусственным интеллектом, потому что у него рук нету.

Только на этот раз мусор попался странный. Все полтора часа лёта от Петербурга до Канаверала я со скрипом продирался через здоровенный англоязычный файл, проклиная Кортеса, который прислал мне эту муть. Ещё в лётной школе, где мы вместе учились, Кортес очень кичился тем, что знает два дополнительных языка. В общем-то и вправду полезное знание в наше время, когда все сидят на автоматических переводчиках. Именно это помогло Кортесу создать собственное агентство корпоративной разведки. Я иногда просил его «пробить» кого-

нибудь из бледнолицых, и он много чего интересного мне подкидывал. Только всегда с издевательскими шуточками.

Вот и на этот раз, когда я прогнал его документ через переводчик, получился какой-то порнографический сценарий, где главным героем выступал «крепкий возбудитель», а дальше шли «юбочки», «прокладки», «нежные яйца» и «глубокие толчки». Кортес однажды рассказывал, что машинные переводчики обучаются на текстах из Сети, раньше там было много научно-технических материалов, а теперь Сеть завалена женскими романами… Ну ясно, он решил показать этот эффект на моей тематике.

Тем не менее, когда глайдер подлетал к космическому центру, я уже примерно разобрался, что написано в отчёте Кортеса. Но легче от этого не стало. Получалось, что наш тендер выиграла очень сомнительная контора. Разработанный ими «крепкий возбудитель» (то есть ракета на твёрдом топливе, если говорить без порно-переводчика) – это вообще не самостоятельный проект. Они просто срисовали технологию старого китайского движка, который в свою очередь был копией ещё более древней ракеты русских. И у этой фальшивой конторы до сих пор не было ни одного удачного запуска! А мне предстояло встретиться с сеньором Ковальски, основателем этой «инновационной компании», и задать ему пару неудобных вопросов, с учётом открывшихся фактов.

Сама встреча прошла на удивление быстро. Но не успел я обдумать то, что ответил мне Ковальски, с вежливой улыбкой покинувший мой кабинет, как серьга в левом ухе звякнула, и я услышал голос Хосе, начальника нашей службы безопасности:

– Сеньор Гарсиа, тут ещё один тип рвётся к вам на приём. Зовут Ян Пиркс. Однако маза у него всего 13, и наша аналитическая система не рекомендует его пропускать.

– Так в чём проблема, Хосе? Скажите, я не принимаю. Или сдайте его в полицию, если сильно рвётся. Как он вообще с такой хилой мазой по улицам ходит? Наверняка опять жёлтая пресса, они же врут постоянно, у них и маза всегда ниже полтинника.

– Ну, я просто на всякий случай, сеньор Гарсиа. Машинки-то могут ошибаться, за ними надо приглядывать. Для того мы с вами и нужны, верно? А этот тип говорит, что он частный детектив и у него есть ценная инфа по вашему последнему тендеру на ракеты-носители…

Я даже вздрогнул, снова услышав о тендере, который у меня сегодня как рыбья кость во рту.

– Да, Хосе, я бы поговорил с этим человеком, пропустите его.

И спасибо, что дали мне знать.

– Не за что, сеньор Гарсиа. Я ж говорю – мы, простые люди, должны поддерживать друг друга, пока нас роботы не захватили совсем, хе-хе!

Спустя пару минут в дверь постучали, и не дожидаясь ответа, в мой кабинет ввалился невысокий круглый человечек с большой потной лысиной. Он приветствовал меня взмахом руки, вылетевшей из нелепого мешковатого плаща, и как будто даже собирался протянуть эту руку мне, но замер и уставился на портреты, висящие на стене у меня за спиной.

– Мой отец был одним из лучших пилотов, – заявил он с каким-то вызовом, и к тому же по-английски.

Это уж чересчур! Ладно шутки Кортеса с машинным переводом, так теперь ещё вживую болтать с бледнолицым на его вымирающем языке! У него что, не было в школе испанского? Хотя, судя по его возрасту, вполне возможно и такое. Предыдущий-то посетитель, Ковальски, был сильно моложе, и отлично шпарил по-нашему. А с этим придётся помучиться.

– Да, раньше у нас было много хороших пилотов, – примирительно ответил я и тоже оглянулся на портреты, изобразив на лице глубокое уважение к славным героям прошлого. – Но сейчас почти всё летает на автоматике. Что я могу для вас сделать, сеньор Пиркс?

– Всё на автоматике… – Он кивнул. – Я как раз по этому поводу! Видите ли, меня наняли для расследования одной странной сделки, и эта работа привела меня к другой сделке, которая связана с вами. Насколько я знаю, вы собираетесь встретиться с мистером Ковальски из компании…

– Мы уже встретились, – перебил я.

– О нет! Что он вам сказал?! – Посетитель так резко подался вперёд, что я на всякий случай положил палец на тревожную бусину своего браслета.

– Извините, это коммерческая тайна. Однако, если вы объясните, в чём проблема, то возможно, я тоже поделюсь данными, которые вам нужны.

Под моим дружелюбным взглядом посетитель сдал назад, огляделся и присел в кресло. Потом вынул мятую салфетку и вытер вспотевший лоб.

– Прошу меня простить, я очень торопился… Надеялся, что попаду к вам раньше него. Теперь, наверное, уже поздно. Так что можно рассказать не спеша. Это всё из-за его матери. Она работала в «Амазоне». Вы ведь понимаете, что это значит?

– Конечно, – улыбнулся я. – Великая река наших предков! Так вы говорите, мать сеньора Ковальски работала в этой прекрасной

реке? Рыбоводство – очень уважаемый бизнес, плюс двести к мазе.

– Нет-нет, я имею в виду компанию, которая дала название нашему основному рейтингу.

– А бывают неосновные? – Я почувствовал, что мой английский не так уж плох для поддержания беседы. Просто улавливаешь ключевые слова и переспрашиваешь.

– Да, вы правы, сейчас другими рейтингами почти никто не пользуется. Но когда-то у них было много поклонников. Одни считали, что для оценки граждан и организаций лучше подходят «цукеры», другим нравились «гули», третьим «яблочки». Кто-то даже предлагал перейти на «алики», но эту идею быстро замяли как непатриотичную. В итоге договорились, что лучший рейтинг даёт «Амазон», в просторечии «маза». Они лучше других отслеживали историю покупок и прочих реальных сделок, ну и все поверили, что этот рейтинг меньше подвержен накруткам.

– А-а, накрутки! – Я догадался, куда клонит собеседник.

Типичный случай. Даже в самой тихой провинции всегда найдётся чудик с обострённым чувством справедливости, который сначала распевает похабные песни в общественном месте, а потом бегает и жалуется, что какие-то тайные враги незаконно снизили ему мазу, чтоб выселить его из города. Так и в нашем бизнесе: после объявления результатов тендера кто-нибудь из проигравших обязательно начинает распускать слухи про успешного конкурента – мол, у него всё было подмазано заранее.

– То есть вы подозреваете, что мать сеньора Ковальски имела доступ к машинам, которые подсчитывают мазу, и она могла накрутить…

– Нет-нет! – Толстяк нервно отмахнулся своей грязной салфеткой. – Это было бы легко обнаружить. Хотя вначале я тоже думал о чисто техническом взломе, через какой-нибудь бэкдор. Но в кодах «Амазона» полный порядок, там очень жёсткие аудиты безопасности. Мать Ковальски действовала иначе. Более тонко. Мне удалось узнать, что у неё была закрытая научная работа о проблемах кумулятивных рейтингов…

– Очень интересный подход! – На этот раз я даже не знал, за какое английское слово уцепиться, чтобы превратить его в вопрос, и рука уже потянулась к браслету, к бусине-переводчику. Однако мне снова вспомнился отчёт Кортеса с эротическими деталями ракет. Нет, нам такие косяки перед детективом ни к чему. Надо просто взять беседу в свои руки.

– Послушайте, сеньор Пиркс, я бы с радостью обсудил с вами эту теорию. Но у меня важная встреча через десять минут. Поэтому давайте ближе к делу. У вас есть конкретные факты, улики против Ковальски?

– Есть, и множество! Когда мальчику было семь, его хотели выгнать из начальной школы за ужасное поведение и нулевую успеваемость. Но мать пришла к директору и объяснила с цифрами, что если история изгнания альтернативно-одарённого ребёнка попадёт в прессу, рейтинг школы упадёт настолько, что эта школа, входившая в десятку лучших по стране, вылетит даже из первой сотни. Вместо этого директору было предложено иное, взаимовыгодное решение: мать заберёт сына из школы «в связи с переездом», и рейтинг школы не пострадает, но за это школа должна поставить юному хулигану Ковальски высшие оценки по всем предметам.

– Ох уж эти современные мамаши… – Я покачал головой, на этот раз даже с настоящим сочувствием. Можно сказать, с тайной мужской солидарностью.

У моего-то сына целых две матери, а слово «отец» он наверное и не знает, мы с ними почти не виделись. Раньше я частенько переживал – ну чему эти две клуши могут научить пацана? Да и сейчас иногда задумываюсь, если вот так вдруг напомнят. Но закон есть закон, у биологического отца никаких прав нет, это вроде как одноразовый сервис доставки. Ладно, чего уж… Может, и мой парень в люди выбьется когда-нибудь.

– Очень рад, что вы поняли. – Детектив как будто приободрился, заметив печаль на моём лице. – Ну а дальше Ковальски с матерью повторяли аналогичные трюки снова и снова, и его маза всегда росла.

– Погодите, но в его резюме написано… Неужели и Гарвард?…

– Да, и Гарвард тоже. Я специально туда летал. Преподаватели вообще не видели этого студента на занятиях. Зато слышали, что он торгует наркотиками на кампусе. А когда приходило время экзаменов, Ковальски являлся к каждому из них и объяснял, что произойдёт с мазой этого преподавателя, если он завалит такого студента. Один из профессоров не согласился, поскольку не дорожил своей мазой. Собственно, он мне всё и рассказал. Но тогда ему не удалось разоблачить Ковальски: в дело вмешалось руководство, Гарвардский совет наблюдателей. У них как раз перед этим был случай, когда поступил студент с очень высоким рейтингом, а потом его маза резко упала во время учёбы – и это был большой минус в мазу университета, вроде как они виноваты, угробили талант. Им не хотелось повторения такого просчёта, оказалось выгодней расстаться с несговорчивым профессором. У него маза была слабенькой из-за каких-то политических выступлений в молодости, ну а конфликт с низкомазым сотрудником не ухудшает рейтинг организации.

– Удивительная история! – Я встал и прошёл в угол кабинета, к холодильнику. – Хотите лимонаду, сеньор Пиркс? Нам привезли отличный лимонад из Колумбии, а я всё забываю поставить им оценку. Да и вашу работу пора отметить.

Я вынул две прохладные бутылочки, протянул одну детективу. А сам, пока возвращался к столу, нажал на браслете оценочную бусину и повернул её в нужную сторону. В сторону Пиркса.

– Да-да, спасибо… – Детектив смотрел на бутылку, словно что-то припоминая. – Так вот, про Ковальски. Я вряд ли смогу довести это дело до конца. Видите ли, я очень болен… врачи говорят, мне осталось всего пару месяцев… Но меня гораздо больше ужасает сделка, которую этот мошенник заключает с вашим космодромом. Вы же понимаете, это приведёт к авариям, к огромным жертвам! Скажите, что он вам обещал?

– А какая разница, сеньор Пиркс? Ну, будут аварии, и что? Моя-то маза уже не пострадает, в отличие от вашей. Зря вы взялись за это дело. Ага, вот и они.

Дверь кабинета распахнулась, на пороге стоял Хосе в сопровождении двух полицейских.

– Извините, сеньор Гарсиа, наша система безопасности выдала красный код. У вашего посетителя не просто низкая маза, она теперь вообще отрицательная. С этого момента он не имеет права находится на территории округа Бревард, и тем более, на территории космического центра.

Когда они увели его, я плюхнулся в то самое кресло, где до этого сидел Пиркс, и наконец прикончил бутылочку отличного колумбийского лимонада. Зачем же он так упорно выспрашивал, какой вариант предложил мне Ковальски? После всего, что раскопал этот детектив, он мог бы и сам догадаться, и не портить себе остаток жизни. Пока эти несчастные ракеты построят, пока начнут использовать – пройдёт ещё года два-три. А мне всего год до пенсии, я успею уйти с хорошей мазой. Я уже и домик себе купил, у самого залива. Мы, простые люди, должны поддерживать друг друга. Этого не понять ни машинам, ни умникам-одиночкам.

Оформить заключение по экспертизе тендера можно было и по пути домой. Но я не люблю летать на автопилоте, а с утра уже пришлось. Нет уж, хотя бы обратно полечу с удовольствием, за штурвалом, решил я. Всего и делов-то, задержаться в офисе ещё на полчаса.

Голопроектор высветил над столом нужный шаблон документа, я продиктовал своё положительное заключение и приложил палец к бусине с капиллярным сканером, чтобы

«заверить сделку кровью», как у нас шутят. Отправил документ дальше по инстанциям и уже собирался уходить, но серьга в левом ухе снова звякнула.

– Сеньор Гарсиа, вас хочет видеть ещё один… сеньор Пиркс. Брат того, которого мы…

– Да что с вами такое, Хосе! Вы охрана или кто? Одного психа уже впустили ко мне сегодня, теперь и со вторым не можете разобраться? Отправьте его вслед за братом в полицию, и дело с концом.

– Что вы, сеньор Гарсиа, как можно! У сеньора Тома Пиркса такая маза… у нас во всей службе безопасности ни у кого нет такого уровня. Он мне даже посоветовал сменить работу поскорее, дал пару хороших контактов в столице… В общем, я просто предупреждаю, сеньор Пиркс уже на вашем этаже.

Он вошёл без стука, пухлый лысый коротышка с тем же самым лицом. Только этот был одет в отличный костюм цвета сливочного мороженого, точно такой, как я собирался купить, когда выйду на пенсию. Но этот тип даже не думал меня приветствовать, сразу уставился на портреты, что висят у меня за спиной. Я не знал, что сказать, а он словно и не замечал меня вовсе, так и пялился на эти фотки скуластых мужиков в скафандрах.

– Вот люди раньше были! – вдруг воскликнул он на том жутком испанском, какой можно услышать в самых грязных притонах Мексики. – Янек вам уже втирал про нашего батьку?

– Он был хорошим пилотом… – вспомнил я.

– Точняк. Когда мы с Яном родились, батька сразу решил, что мы пойдём по его стопам. Всё детство нам талдычил: «В рубке два пилота – лучшая работа». Но мы его только расстраивали, дрались чуть ли не каждый день. А в шестнадцать лет, вместо поступления в академию, просто удрали из дома, и каждый двинул в свою сторону. Встретились снова уже взрослыми, когда у обоих маза была ниже плинтуса. Потому что профессии себе выбрали такие, безмазовые. Вот скажите, как нынче следаку сохранить репутацию? На каждом деле у тебя лишь один заказчик, который может похвалить – и ещё куча людей, которые так и норовят заминусовать тебя в асфальт, потому что ты всех задолбал своими допросами…

– Так вы тоже детектив? – Я почувствовал, что пальцы мои стали как та бутылка из ледника.

– Почему «тоже»? А-а, вы про Яна! Не, у него своя беда. Он ещё в школе решил стать драматическим актёром. А кому сейчас такие нужны, в эпоху цифровых красавчиков-суперменов? В итоге братец по оценочкам публики вышел такой же мазила

опущенный, как и я. И когда мы снова встретились, сразу просекли, что батька был прав: надо пилотам в паре работать. С тех пор всё и наладилось. Янек играет трагические роли, весь негатив на себя забирает. Зато у него клёвые фильмы получаются, в них преступники чувствуют себя победителями, ну и прокалываются на мелочах. После этого мне остаётся только прийти с записью и закончить дело, ничуть не испортив себе мазу. Да и братца потом легко отмазать: ведь когда преступников сажают, их дурные оценки нашей работы отменяются.

Он закончил осмотр портретов, кивнул каким-то своим мыслям, и расселся в кресле напротив меня.

– Ну рассказывайте, подозреваемый Гарсиа, почему вы решили скрыть… или лучше давайте сами, без вопросов, тогда это будет практически чистосердечное. А чистосердечное облегчает, знаете ли. Кстати, я бы попробовал вашего лимонаду. Брат очень хвалил, но он ведь актёр, они любят преувеличивать.

Вот так я и расстался со своим высоким постом, а заодно и с домиком у залива. Но всё равно каждое утро я бегаю по сырому песку, потому что тюрьма в Санкт-Петербурге на берегу стоит. И если смотреть отсюда в сторону моря, кажется, ничего у нас тут особо не меняется. Разве что дамбу мы с ребятами повыше насыпали, в процессе наших исправительных работ. Да ещё сын ко мне приезжал недавно, спрашивал, куда лучше поступать, чтоб на космического пилота выучиться. Я его сначала отговаривал – зачем человеку туда летать, везде же автоматика или дистанционное управление. Но он упорный, говорит, до спутников Юпитера радиосигнал идёт больше получаса, поэтому дроноводы с Земли бесполезны, а автономные роботы там часто глючат из-за сильных электромагнитных бурь. И где только слов таких нахватался, умник…

А с другой стороны, пускай летит. Вон, дед мой с Кубы сюда доплыл на пластиковых бутылках, хотя все соседи говорили, что его затея – вообще без мазы. Думаю, у пацана моего способности не хуже. Да и ракеты теперь делают на совесть.

lexa.livejournal.com